

Научно-издательский центр «Социосфера»
Российско-Армянский (Славянский) университет
Кубанский государственный университет
Кубанский государственный технологический университет
Краснодарский университет МВД России

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС САМОСОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Материалы международной научно-практической
конференции 28–29 сентября 2013 года

Прага
2013

Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации : материалы международной научно-практической конференции 28–29 сентября 2013 года. – Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013 – 134 с.

Редакционная коллегия:

Берберян Ася Суреновна, доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психологии Российско-Армянского (Славянского) университета.

Егиазарян Азат Камунарович, доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных наук Российско-Армянского (Славянского) университета.

Оганесян Сурен Гайкович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Российско-Армянского (Славянского) университета.

Маргарян Ерванд Грантович, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой истории Российско-Армянского (Славянского) университета.

Сидоров Валерий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Кубанского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования, заслуженный деятель науки Кубани.

Карнаушенко Леонид Владимирович, доктор исторических наук, начальник кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России.

Ожигова Людмила Николаевна, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии и психологии личности Кубанского государственного университета.

Тучина Оксана Роальдовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного технологического университета.

Аполлонов Иван Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного технологического университета.

Данный сборник объединяет в себе материалы конференции – научные статьи и тезисные сообщения аспирантов, соискателей, преподавателей вузов и практических работников, в которых рассматриваются проблемы идентичности и толерантности в национальном, региональном и глобальном измерениях. Существенное внимание уделяется языковым и культурным аспектам формирования и развития идентичности. В ряде материалов освещены этничность и идентичность в контексте социализации и ресоциализации.

УДК 316.3

ISBN 978-80-87786-63-5

© Vědeckovydatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2013.

© Коллектив авторов, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

I. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОМ, РЕГИОНАЛЬНОМ И ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

Самсонкина Е. А. Этническая идентичность и межэтническая толерантность.....	6
Муха В. Н., Иванчикова А. В. Образ России в представлениях жителей Краснодарского края	10
Апанасюк Л. А. О проблеме распространения ксенофобии и нетерпимости в современных условиях России	14
Баляев С. И. Этническая гиперидентичность представителей эрзянских национальных движений	16
Зенович Д. В. Этническая идентичность как основа этнической толерантности на индивидуальном и групповом уровнях в условиях глобализации.....	19
Горбачева Е. И. Культурно-исторический анализ феномена «Гражданская идентичность личности»	24
Гусейнзаде Ч. С., Мусаев Т. Ф. Национальная идентичность и гражданский национализм – как стратегические ресурсы современного общества в условиях глобализации.....	29
Кошечкина Е. А. Государства южного Кавказа в поисках региональной идентичности	38
Кашникова В. И. Пуштунистан: миф или реальность?	44
Shakhova V. A. The world government as a consequence of globalization. Is it possible?	48

II. ЯЗЫКОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Суджян З. А. Психологические архетипы в названиях растений по цветовому признаку	51
Байкова И. М. Историко – этиологические аспекты английских морских терминов	58
Грищенко И. В. Концепт этнического “Чужого” в фольклорной прозе	60
Демина О. С. Свадебный обряд украинских переселенцев как признак национальной идентичности.....	65
Хабибуллина А. Р. Латыши Башкортостана	68
Аронова О. В. Русская культура в Германии в творчестве Владимира Каминера	74
Жаде З. А. Феномен сетевой идентичности в современном российском обществе.....	76
Токтаров Е. Б. Модели сохранения этнокультурной идентичности в киберпространстве.....	79

III. ЭТНИЧНОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

Шаплова Ю. В., Белоконь В. И. Формирование толерантности у дошкольников как основы этнической идентичности	83
Пиченикова С. Г. К проблеме формирования национального самосознания подростающего поколения средствами фольклора	88
Дронова О. С. Роль детского фольклора в формировании национального самосознания немцев	91

Берберян А. С. Этнопсихологический компонент вузовской подготовки профессионала.....	94
Баляев С. И. Этнические стереотипы эрзянской и мокшанской молодежи: анализ эмоционально-оценочного компонента	99
Тучина О. Р. Этническая и гражданская идентичность молодежи полиэтнического региона	101
Аполлонов И. А. Этническая идентичность в контексте рождения личности	105
Мартиросян К. В. Суверенность жизненного хронотопа представителей студенческой молодежи армянской диаспоры	108
Максимов М. А. Особенности процесса социально-психологической адаптации мигрантов к новым условиям жизни	112
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши, Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2013–2014 годах.....	119
Информация о журнале «Социосфера»	128
Издательские услуги НИЦ «Социосфера»	133

І. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОМ, РЕГИОНАЛЬНОМ И ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ¹

Е. А. Самсонкина

Кубанский государственный технологический
университет, г. Краснодар, Краснодарский край, Россия

Summary. Examined the components of the formation of ethnic identity. The relation of positive ethnic identity and inter-ethnic tolerance.

Key words: ethnic identity; ethnic relations; stereotypes; ethnic tolerance.

Этническая идентичность – социально-психологическая категория, относящаяся к осознанию собственной принадлежности к конкретной этнической группе. Современные исследования показывают, что этническая идентичность играет важную роль в жизни индивида. Так, например, данное утверждение подтверждают результаты, полученные в ходе исследования, проведенного в Краснодарском крае в марте 2013 года, выборочная совокупность 1200 человек, ошибка выборки $\pm 3\%$ (табл. 1).

Таблица 1

Значимость различных типов идентичности, %

Типы идентичности	Не значимо	Значимо в определенной степени	Значимо	Затрудняюсь ответить	Всего
Ваше гражданство	10,1	32,2	56,4	1,2	100
Ваша национальность, этническая принадлежность	12	34,7	49,8	3,5	100
Проживание на территории России	8,4	33,2	56,7	1,7	100
Ваше вероисповедание	16,2	34,6	43,5	5,7	100

¹ Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы», № соглашения 14.В37.21.0982 («Социальная идентичность в массовых представлениях и общественном дискурсе в условиях полиэтничного региона»).

Как видно, для 49 % жителей края, принимавших участие в исследовании, этническая идентичность, наряду с гражданской и религиозной идентичностью, является значимой характеристикой в полной мере. Этническая идентичность включает в себя три основных компонента (когнитивный, аффективный, поведенческий) и подразумевает осознание индивидами принадлежности к конкретной этнической группе. Когнитивный компонент идентичности отвечает за наличие связи со своим народом, возникающей в процессе формирования у индивидов представлений об этносе и собственном соответствии данной этногруппе. Что касается аффективного компонента этнической идентичности, то он включает в себя оценку собственной этногруппы. За поведение в различных ситуациях внутригруппового и межгруппового взаимодействия отвечает поведенческий компонент идентичности [1, с. 80]. Для того чтобы сформированная этническая идентичность была позитивной, необходимо развивать все указанные компоненты.

Этническая идентичность не только позволяет индивидам осознавать свою уникальность, фиксировать отличительные признаки своей группы, но и влияет на толерантность в целом и на оценки, отношение к другим этногруппам в частности. Сформированная позитивная этническая идентичность ведет к формированию чувства уважения к другим этногруппам, т. е. толерантности. Как показывают различные исследования, позитивная этническая идентичность является основой толерантности, взаимосвязана с ней [2, с. 111]. Толерантность, в свою очередь, играет важную роль в межэтнических отношениях в целом, подразумевает под собой наличие позитивного образа иной, отличной от собственной, культуры при сохранении позитивного восприятия особенностей культуры собственной этнической группы. Если говорить о взаимосвязи этнической идентичности и толерантности, то можно обнаружить ряд проблем: не всегда отношение к другим этническим группам характеризуется толерантными установками. Особенно данное утверждение актуально для жителей Краснодарского края, на территории которого проживают представители различных этнических групп. Подобная этническая структура края заслуживает внимания в области межэтнических установок, которые нельзя охарактеризовать как полностью толерантные.

В ходе исследования были выявлены определенные проблемы, связанные с наличием этнических стереотипов, предубеждений респондентов в отношении к представителям некоторых этнических групп. Так, например, респондентам предлагалось указать ассоциации с родом деятельности представителей различных этнических групп. В результате группировки ответов было установлено, что ассоциации, связанные с видами деятельности представителей собственной этнической группы, в целом характеризуются перечнем

традиционных видов деятельности (военные, врачи, учителя, работники сельского хозяйства, экономисты, юристы, т. е. поле видов профессиональной деятельности представлено достаточно широко). Что касается «профессиональных» ассоциаций с представителями других этнических групп, то не всегда ответы респондентов попадали под определение «традиционных». Так, например, представители чеченского народа у респондентов ассоциировались с бандитами, террористами, продавцами наркотиков. Аналогично применительно к цыганам респонденты указывали не профессии, а род деятельности представителей данной этнической группы: воры, торговля наркотиками, ювелирными украшениями, гадания. Также часто представителей цыган определяли как безработных.

Также респондентам был предложен список качеств, которые были изначально объединены в следующие группы: 1) отношение к обществу, большим группам, людям – гуманистические и коммуникативные характеристики; 2) отношение к себе, общая направленность личности; 3) опыт и образ жизни; 4) отношение к собственности; к труду. Полученный список состоял из 56 качеств, из которых респонденты должны были выбрать по 10 качеств, характерных, с их точки зрения, для указанных представителей этнических групп. При обработке данных в качестве стереотипных условно рассматривались по 5 качеств, которые чаще всего приписывались представителям этнических групп. Результаты обработки представлены в таблице 2.

Таблица 2

Качества представителей этнических групп

Представители этнических групп	Качества, выбранные респондентами
Русские	Отзывчивые, гостеприимные, дружелюбные, ленивые, злоупотребляющие алкоголем
Украинцы	Общительные, обладающие чувством юмора, эгоистичные, бесхозяйственные, ленивые
Белорусы	Гостеприимные, вежливые, терпеливые, бесхозяйственные, выносливые
Народы Средней Азии	Общительные, подозрительные, адаптирующиеся, бесхозяйственные, бережливые
Армяне	Общительные, обладающие чувством собственного достоинства, предприимчивые, конкурирующие, деловитые
Народы Северного Кавказа	Гостеприимные, агрессивные, обладающие чувством собственного достоинства, гордые, приверженные к порядку
Чеченцы	Агрессивные, неприветливые, эмоциональные, жестокие, консервативные
Цыгане	Общительные, настойчивые, эмоциональные, ленивые, бесхозяйственные

На основе полученных данных становятся очевидными стереотипные образы представителей этнических групп, существующие в

сознании респондентов – жителей Краснодарского края. Благодаря негативным этническим стереотипам и предубеждениям, которые придают однородность стереотипизированным группам, происходит приписывание ряда несовершенств этнической группе в целом, а не отдельным ее представителям.

Использованная шкала социальной дистанции показала, что наибольшая социальная дистанция характерна по отношению к чеченцам, цыганам, народам Средней Азии. Так, например, представителей народов Средней Азии 30 % опрошенных жителей края могут принимать в качестве гостей страны. В качестве родственников представителей чеченской группы могут принять лишь 3 % респондентов, в свою очередь большинство опрошенных (30 %) не хотят видеть чеченцев в стране. Цыган респонденты не могут принять в качестве родственников и друзей, 34 % опрошенных могут видеть цыган в качестве гостей страны и 26 % опрошенных жителей края – не желают видеть данную группу в пределах страны. Данная шкала доказывает присутствие негативных межэтнических установок в отношении некоторых этнических групп, опосредованных выделенными стереотипами, предубеждениями.

Кроме описанного выше метода «приписывания качеств», бланк анкеты содержал экспресс-опросник «индекс толерантности»: респондентам необходимо выразить свое согласие (или несогласие) по поводу таких утверждений, как: *в смешанных браках обычно больше проблем, чем в браках между людьми одной национальности; к кавказцам станут относиться лучше, если они изменят свое поведение; нормально считать, что твой народ лучше, чем все остальные; я готов принять в качестве члена своей семьи человека любой национальности; я хочу, чтобы среди моих друзей были люди разных национальностей; к некоторым нациям и народам трудно хорошо относиться; я могу представить чернокожего человека своим близким другом* [4]. В результате обработки экспресс-опросника 53 % респондентов характеризуются средним уровнем толерантных установок (индивидуальные баллы варьировались от 22 до 36); 47 % опрошенных характеризуются низким уровнем толерантных установок (баллы варьировались от 16 до 21), примечательно, что среди опрошенных жителей края не было выделено респондентов с высоким уровнем толерантных установок.

Проведенное исследование показало, что межэтнические установки жителей полиэтнического региона характеризуются наличием определенных проблем. По отношению к представителям таких этнических групп, как народы Средней Азии, чеченцы, цыгане, мнения, оценки являются в большей степени негативными. Подобные межэтнические установки, возникающие под влиянием этнических стереотипов, предубеждений, приводят к осложнениям во взаимодействиях между различными этническими группами, про-

живающими на территории края, к возможному отказу от подобного взаимодействия.

Этническая идентичность, представляющая собой осознание причастности к определенной этнической группе и позволяющая индивидам ощущать свою значимость, найти свое место в жизни, является одним из значимых факторов в процессе формирования межэтнической толерантности. Поэтому необходимо вести работу по формированию именно позитивной этнической идентичности – развивать все ее образующие компоненты для формирования толерантных установок по отношению к представителям других этногрупп в том числе.

Библиографический список

1. Гуриева С. Д. Межэтнические отношения: этнический фактор в межгрупповых отношениях // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2008. – Т. 5. – № 4. – С. 79–83.
2. Лебедева Н. М. «Синдром навязанной этничности» и способы его преодоления // Этническая психология и общество. – М., 1997. – С. 104–115.
3. Солдатова Г. У., Кравцова О. А., Хухлаев О. Е., Шайгерова Л. А. Экспресс-опросник «Индекс толерантности». URL: <http://www.gumilev-center//.ru> (дата обращения: 31.07.2013).

ОБРАЗ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ¹

В. Н. Муха, А. В. Иванчикова

**Кубанский государственный технологический
университет, г. Краснодар, Россия**

Summary. In the article discusses the relationship of ethnic stereotypes and ethnic identity. Discusses the concept of ethnic stereotypes. Presents the results of research an image of Russia by the method of of free association.

Key words: ethnic identity; ethnic stereotypes; projective techniques; the image of Russia.

Образ страны и образ народа тесно взаимосвязаны, поэтому при изучении образа страны в массовом сознании исследователи уделяют особое внимание образу народа. Система образов часто связана с устойчивыми стереотипами, причем в большинстве своем негативными [6, с. 55]. Каждый народ имеет свое устойчивое представление о других народах на уровне бытового мышления. Этно-

---

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-23-01000 а(м) «Особенности социальной идентичности в контексте современных интеграционных процессов в союзе Беларуси и России».

культурные стереотипы – это обобщенное представление о поведении и манерах какого-либо народа. Стереотипы относятся ко всему народу в целом, а также характеризуют любого его представителя, задают нормативный образ его личности. Стереотипы существуют как на уровне поведения, так и на уровне сознания. Используя стереотипы, иногда даже бессознательно, люди пытаются сравнить свою культуру с другой. Особенность стереотипов такова, что они настолько прочно проникают в подсознание, что их очень трудно не только преодолеть, но и осознать вообще [2, с. 207]. Категоризация / стереотипизация образов другой культуры и ее представителей в обыденном сознании ведет к формированию чувства общности. А это, в свою очередь, играет немаловажную роль в формировании идентичности в целом и этнической идентичности в частности [4, с. 9].

Исследование стереотипного образа – сложная процедура, поскольку исследователь имеет дело с коллективным бессознательным, с глубинными ментальными пластами, заложенными традицией, общественным и личным опытом, неясными текущими переживаниями. Для выявления стереотипных образов обычно используются наряду с социологическими опросниками, содержащим вопросы, направленные на определение оценок и мнений, также социально-психологические тестовые методики. К ним обычно относятся: определение «индекса толерантности», психосемантические методы, проективные методы, шкала для определения социальной дистанции («шкала Богардуса») и другие [3, с. 194]. Социально-психологические методики позволяют измерить структуру, амбивалентность, выраженность, направленность этнических стереотипов, уровень толерантности и «длину» социальной дистанции. Количественные показатели этих параметров обычно рассматриваются в качестве эмпирических индикаторов эмоционально-оценочного компонента этнического стереотипа. Применение проективных и психосемантических методов является оправданным в социологических исследованиях с позиции того, что они являются ориентированными на анализ содержания малоосознаваемых, с трудом вербализуемых феноменов [1, с. 59]. То есть такие методики подходят для изучения этнических стереотипов и образов стран, народов. Проективные методики представляют собой специальные техники клинико-экспериментального исследования тех особенностей личности, которые наименее доступны непосредственному наблюдению или выявлению путем опроса.

В рамках проекта «Социальная идентичность в массовых представлениях и общественном дискурсе в условиях полиэтничного региона» весной 2013 года в Краснодарском крае было проведено социологическое исследование (выборочная совокупность 1200 человек, ошибка выборки $\pm 3\%$). В данном исследовании особое место было уделено образу России в контексте изучения этнической иден-

тичности. Использовался метод свободных ассоциаций. Далее полученные ассоциации группировались в 7 групп, за основу группировки были взяты компоненты образа страны, выделенные В. Н. Ракачевым [5, с. 30].

По результатам изучения образа России посредством метода свободных ассоциаций был сделан ряд выводов.

Во-первых, наибольшее количество ассоциаций (23,4 %) представляют собой личные оценки, отношения, интенции, при этом в числе таких ассоциаций положительных (46,5 %) и нейтральных (43,8 %) ассоциаций подавляющее большинство.

Во-вторых, следующая по упоминаниям группа ассоциаций – природно-географические и климатические. В данной группе все ассоциации носят нейтральный характер. Наиболее часто приводимые ассоциации: лес (10,8 %), медведи (8,7 %), холод (7,5 %), природа (7,5 %).

В-третьих, политический элемент образа России составляют в основном как нейтральные (70,2 %), так и отрицательные (25,2 %) характеристики. При этом политический образ в большинстве случаев соответствует образу власти: *«тандем, образ президента, Путин, Медведев»*.

В-четвертых, в экономическом образе России присутствуют в основном (68,3 %) отрицательные ассоциации, связанные с проблемами в экономике страны: *«коррупция, разруха, развал, нищета, безработица»* и прочее. Следующая по упоминаниям группа (20,7 %) – нейтральные ассоциации: *«Газпром, ЖКХ, Роснефть»* и прочее. Другими словами, в экономическом образе присутствует небольшая доля положительных элементов (*«богатая»*), однако данные элементы скорее описывают потенциал, возможности, чем нынешнее экономическое положение.

В-пятых, хотя в этнокультурном образе присутствуют негативные характеристики (15 %), но в основном его составляют положительные описания, такие как положительные качества, присущие народу. Негативные ассоциации были представлены *«бытовыми»* ассоциациями, (*бедность, алкоголизм, неуверенность в завтрашнем дне* и др.), однако в данном случае можно предположить, что это вызвано негативным видением экономического и политического элементов образа России в общем.

В-шестых, группа ассоциаций *«культура и искусство»* представлена в основном бытовыми ассоциациями: *баня, блины, водка, балалайка* и прочее, а также *«символьной»* архитектурой – *Кремль, Большой театр, Красная площадь*. Все ассоциации в данной группе носили нейтральный характер. Наиболее *«популярные»* – *матрешка* (19,8 %), *водка* (17,8 %) и *Кремль* (10,6 %).

В-седьмых, исторический элемент образа России в представлении респондентов в основном неоднороден, т. к. ассоциации, пред-

ставленные в этой группе, по большей части встречаются 1–2 раза. Наиболее общими ассоциациями являются *ВОВ* (15,8 %) и *СССР* (15 %), однако и они встречаются редко.

Другие ассоциации, которые сложно было отнести однозначно к какой-либо группе, касались символики России, бытовых моментов (*плохие дороги, автопром, дом, футбол, пробки* и прочее), военного потенциала и др. Так среди символов встречались герб, орел и триколор. Небольшая часть ассоциаций также касалась военной мощи России. Однако символические, бытовые и военные ассоциации встречались достаточно редко, поэтому были отнесены в категорию «другое».

Таким образом, по результатам анализа свободных ассоциаций относительно образа России был сделан вывод о том, что образ России в представлениях россиян является неоднозначным, т. е. в нём присутствуют как положительные, так и отрицательные элементы. Наличие неоднозначности в образе страны может также неоднозначно сказываться на становлении и укреплении российской идентичности.

Библиографический список

1. Баранова Т. С. Психосемантические методы в социологии // Социология: 4 М. – 1993–1994. – № 3–4. – С. 55–56.
2. Жбиковская О. А. Стереотипы поведения и образ жизни русских и французов // Омский научный вестник. – 2007. – № 4 (58). – С. 207–209.
3. Малькова В. К. Стереотипы русских, россиян и России в современной российской прессе // Этнодиалоги. Альманах. – 2003. – № 2 (20). – С. 192–225.
4. Репина Л. П. Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем. – 2012. – № 39. – С. 9–19.
5. Ракачев В. Н. Белоруссия и белорусы в представлениях россиян: опыт социально-психологического исследования // Общество: социология, психология, педагогика. – 2012. – № 4. – С. 28–34.
6. Чубарьян А. О. Стереотипы и образы России в европейском мышлении и массовом сознании // Вестник Российской нации. – 2010. – № 14. – С. 53–75.

О ПРОБЛЕМЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КСЕНОФОБИИ И НЕТЕРПИМОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РОССИИ

Л. А. Апанасюк

Тольяттинский государственный университет,
г. Тольятти, Россия

Summary. The article views the present-day conditions of Russia in xenophobia and intolerance overcoming.

Key words: xenophobia overcoming; intolerance; present-day conditions of Russia.

Современная социально-культурная ситуация в России характеризуется существенной динамикой поликультурных процессов. В силу специфических демографических тенденций наша страна сталкивается с уникальными социальными вызовами. Низкая детородная активность населения приводит к депопуляции, обусловленной, с одной стороны, трудностями социально-экономических реформ, с другой стороны – спецификой общемировых цивилизационных процессов, обуславливающих низкую рождаемость в развитых странах. Устранить вторую причину депопуляции трудно. Большинство европейских стран вынуждены смириться с быстрым сокращением и старением своего населения и прибегнуть к широкомасштабному использованию миграционного ресурса. По данным исследований, в ближайшие 10 лет ожидается переселение около миллиарда иммигрантов в развитые страны. Нарастающие потоки мигрантов станут серьезным фактором социально-культурных и этнокультурных процессов в России: создается серьезное давление на европейско-христианские ценности и основанную на них культуру, возникает опасность утраты европейской культурной идентичности, что приведет к более сложным социальным проблемам.

Социологическое исследование показало, что в России больше половины опрошенных (53,2 %) за последнее время, так или иначе, сталкивались с фактами неприязни, притеснения по тем или иным признакам. Независимо от возраста, пола и занятости по отношению к себе это испытали респонденты в 9,3 % случаев, по отношению к окружающим это имело место в 43,9 % случаев. В общей выборке доля инцидентов с неприязненным отношением, инициированных самими опрошенными, составила 10,6 %, по отношению к окружающим без причастности самих опрошенных – 33,3 %. Только 36 % опрошенных отметили, что не встречались с подобными случаями, еще 10,9 % затруднились с ответом на вопрос. Опыт столкновения с проявлениями неприязни и нетерпимости практически не различается у представителей различных национальностей. Иными словами, собственно явление неприязни, независимо от ее оттенков,

является распространенным феноменом современного российского общества и ставит задачу борьбы с причинами ее возникновения, укрепления морально-нравственных основ общества.

Негативные процессы в российском обществе, провоцирующие ксенофобию и нетерпимость, отчасти связаны с дефицитом ценностей и атрибутов советского прошлого: стабильности, смысла и перспектив общественного развития, ощущения великой общности, устойчивой и «справедливой» общественной структуры, развитой системы социального обеспечения, а также со значительным общественным неравенством, а следовательно, конкуренцией и разобщенностью, с отсутствием чувства принадлежности к великой державе, которую во всём мире уважают и боятся. Указанные ценности служили своеобразным компенсаторным механизмом, сдерживающим ксенофобию и стимулирующим интернационализм. Напротив, дефицит социальной справедливости в российском обществе порождает резкое расслоение населения, крайне отрицательную оценку достижений тех, кто преуспел в ходе экономического переустройства России, позиционирование их деятельности как нелегитимной и несправедливой. Такое чувство ущемленности усугубляется неприязненным отношением к мигрантам, добившимся успехов в предпринимательстве. Характерным является мнение, что мигранты прокладывают себе путь правонарушениями, которые остаются безнаказанными. Так возникает неприязнь к представителям иной культуры, приводящая к ксенофобии, нетерпимости и экстремизму. В основе неприязни к иноэтничным группам лежит изоляционистское представление о России как о стране, где живут русские. Значительная доля мигрантов вытесняется за пределы пространства, признанного «своим», уже в силу их этнического происхождения: отторжению подвергаются не конкретные люди, а целые регионы, поскольку их население маркируется как внешнее, враждебное.

Библиографический список

1. Апанасюк Л. А. Ксенофобия в молодежной среде: социокультурный подход : моногр. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – 182 с.
2. Апанасюк Л. А. Преодоление проявлений ксенофобии в молодежной среде: социокультурный подход // Вестник Тамбовского университета. – 2013. – Т. 120. – № 4. – С. 284–288. – (Сер. «Гуманитарные науки»).
3. Апанасюк Л. А. Теоретико-методологическое обоснование социально-культурных программ преодоления ксенофобии в молодежной среде // Вестник Тамбовского университета. – 2013. – Т. 117. – № 1. – С. 161–165. – (Сер. «Гуманитарные науки»).

ЭТНИЧЕСКАЯ ГИПЕРИДЕНТИЧНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЭРЗЯНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

С. И. Баляев

Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева, г. Саранск,
Республика Мордовия, Россия

Summary. This article observes the psychological mechanisms of hyper ethnic identity of the Erzyanian national leaders in 1990-s. Restructuring of the system of ethnic relationships occurs through different forms of ethno-political mobilization. The basis of the change of ethnic identity for hyperethnicity is the transformation into biases and prejudices, increased intensity of hyperethnic reactions.

Key words: Erzya; hyperethnic identity; intolerance; confrontational attitudes.

У представителей национальных движений потребность в этнической принадлежности занимает одно из главных мест в иерархии лично значимых. Подобная эмоциональная трансформация рождает сверхпозитивную этническую гиперидентичность. В итоге нередко открыто проявляется интолерантность, прежде всего, к так называемым «этническим родственникам» – этническим соседям и группам со схожими культурно-языковыми особенностями.

Ещё в единых печатных изданиях 1990-х годов эрзянские авторы то и дело в публикациях называют мокшан именно «мордвой», идентифицируя себя только с «эрзей». Одновременно лидерами «Эрзянь мастор» пропагандируются идеи о навязанности этого оскорбительного имени («мордва») со стороны русских в далёком прошлом. Именно в этом состоит специфика чувства ущемлённой национальной гордости у эрзянских националов: «десятилетиями накапливался в нас комплекс неполноценности, второсортности, так как слово «мордва» ассоциируется с чем-то недалёким, примитивным, и часто, сами того не желая, мы стеснялись принадлежать к этому народу, носящему такое безликое и уничижительное имя. ...Почему с таким пренебрежительным оттенком произносится русскими слово «мордва»?» [2].

В печати «Эрзянь мастор» и других проэрзянских организаций откровенно начинается поиск абсолютных этнических различий между эрзянами и мокшанами: чётко акцентируется языковая, культурно-историческая и даже антропологическая граница. Оказывается, что «разницы между эрзей и мокшей не меньше, если не больше, чем между белорусами, украинцами и русскими или между татарами и башкирами» [3]. В конце концов

«мокша и эрзя не в состоянии понять друг друга», да и «мокшанские круглые лица приближаются по типу скорее к татарским и чувашским» [3]. Одновременно один из эрзянских священнослужителей Кочкуровского прихода в 90-е гг. В. Захаркин отмечает даже, что «эрзяне и мокшане имеют разных ангелов-народоправителей» [1].

В ряде своих публикаций националы скатываются к приписыванию мокшанам негативных черт поведения, не подобающего для уважающего себя народа, с точки зрения эрзян: «...в эрзянах, несмотря на многовековое внедрение колониальной психики, живёт желание быть самостоятельным народом... мокшане же в этом отношении пассивны. Возможно, поэтому они чувствуют дискомфорт или зависть; наверно, этим и объясняется то, что мы, эрзяне, никогда не вмешиваемся в дела мокшан, мокша же постоянно пытаются нас ущипнуть ... мокшане сами не идут и эрзянам шагать не дают» [3]. Психология такого отношения ясна: кто не с нами, тот против нас.

Обнаружение своего сверхпозитивного этнического образа нередко связаны с активным обращением к верованиям предков. Идентифицируя себя с языческой дохристианской религией, так называемой верой в Инешкепаза (верховного бога), эрзянские националы таким образом отвергают «колониальный» период своей истории. В этой части установок активисты эрзянского национального движения наиболее последовательны в действиях. По сей день иницируются различные массовые языческие мероприятия, целью которых является перевод образов прошлого из внутренней психологической ориентации на внешний инструментальный уровень. Так, один из первых таких ритуально-обрядовых праздников за всю новейшую историю Мордовии прошел 17 июля 1999 года в селе Чукалы Большеигнатовского района «Раскень озкс» («Народное моление»). По сведениям исторических источников такое действо совершалось в селе в последний раз в 1629 году. На молении совершили обряд приношения быка в жертву богу-творцу. Из жертвенного животного сварили селянку. Затем была зажжена моленная свеча.

Характерные для гиперэтнической идентичности мифологизация и героизация своей истории яркое подтверждение себе находят и в идеологии эрзянского национального движения. Сверхактуальная потребность в национальной гордости и защите её рождает поиск средств возвеличивания собственного народа на фоне неприятия других, мокшан в частности. Так, «во всех начинаниях во все времена в так называемой мордве инициаторами, застрельщиками были эрзяне... эрзя дольше мокшан сопротивлялась христианизации, эрзяне дали большое количество

неординарно насыщенных талантливых людей (патриарх Никон, протопоп Аввакум, певица Л. Русланова...)...» [3].

Вышеприведённый анализ характеризует попытку эрзянских националов перевести этническую ситуацию в республике в фазу фрустрационной напряжённости. Повышенный эмоциональный тон, часто негативный, рост интолерантности, сверхпозитивная этническая гиперидентичность эрзянских националов говорят о существовании в середине 1990-х годов отдельных предпосылок для возможного развития межэтнических, а главное, межсубэтнических отношений по сценарию роста фрустрационной напряжённости в Мордовии. Однако со стороны активистов и членов мокшанского национального движения открытого эмоционально-аффективного натиска в сторону эрзян не наблюдалось. Первые, также образовав несколько собственных национальных обществ, вели гораздо менее агрессивную политику и не вступали в конфликты с республиканской властью.

В то же время нельзя говорить о существовании широкой народной поддержки идей и действий эрзянских националов в своей же субэтнической среде. В большинстве своём эрзянское население оставалось практически индифферентным к суверенизаторским и другим этнополитическим лозунгам «Эрзянь мастор». Согласно результатам исследования, проводившегося НИИ регионологии в 1994–1995 годах, только 0,8 % опрошенных (в том числе и эрзян) высказались за создание Мокшанской и Эрзянской республики. Большинство поддержало существовавший на то время государственно-политический статус единой республики в составе Российской Федерации [4]. Видимо, большинство эрзян и мокшан республики не связывали суверенизаторские устремления националов с собственными этнополитическими установками.

Библиографический список

1. Захаркин В. О происхождении народов и небесной иерархии // Советская Мордовия. – 1993. – 31 марта.
2. Клинова Р. Вопросы есть. Кто ответит? // Эрзянь мастор. – 1995. – 17 августа.
3. Маризь К. Мы – эрзяне. Что в имени тебе моём? // Эрзянь мастор. – 1995. – 25 января.
4. Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии // Известия Мордовии. – 1995. – 28 июля.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОСНОВА ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ НА ИНДИВИДУАЛЬНОМ И ГРУППОВОМ УРОВНЯХ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Д. В. Зенович

Калужский государственный университет
им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия

Summary. The main of the article is to demonstrate analytic tools and limits of the «culture», «ethnicity» and «identity» concepts usage as research instrument for understanding the process of ethnic cultures transformation at globalization context. Discursive character of ethno cultural representations is regarded as the articulation of the relationships between having a sense of cultural identity and being placed within the social relations of an attributed «ethnic» group which has particular practices and which is subjected to societal practices. The overview of the main theoretical studies under the rubric «ethnicity» allows us to demonstrate that ethnic cultural facts are today the multidetermined products of actors that are local, national and transnational, interpreted in terms of both cultural syncretism (and hybridist) and cultural difference (and multiculturalism).

Key words: ethnic identity; ethnicity; culture; nationality; globalization.

Климат, образ правления, вера
дают каждому народу особен-
ную физиономию.

А. С. Пушкин

Изучение межкультурного взаимодействия в полиэтническом социуме должно быть направлено на сохранение позитивной и чёткой этнической идентичности на индивидуальном и групповом уровнях как основы этнической толерантности.

Интенсивное развитие процесса глобализации – очевидный факт современной истории, который делает относительными любые национальные границы. Постоянно происходящая модернизация большинства сообществ, этнополитическая интеграция, всё более растущая доля массовой культуры и разнообразные перемещения человека по земному шару делают людей похожими. Глобализация, мировые и интеграционные процессы, появление новых независимых государств, массовая миграция населения, глубинная трансформация политической и общественной жизни вызвали интерес к проблеме идентичности, то есть принадлежности индивида к тому или иному этносу.

Необходимость обращения к проблематике этнической идентичности сегодня вызвана спецификой социально-политических реалий начала XXI века, предполагающей всё более отчётливое обозначение поликультурности и полиэтничности мира в социальном и психологическом дискурсе.

Этническая идентичность изучается как междисциплинарный феномен социологами, этнологами, психологами, историками, философами и политологами. Каждая научная дисциплина имеет свой угол зрения и инструментарий изучения. Но наибольшие достижения были сделаны в отечественной и мировой науке при междисциплинарном подходе.

Этническая идентичность в современных условиях неизбежно трансформируется под влиянием процессов модернизации. В то же время современный мир демонстрирует тот факт, что этническая идентичность характеризуется устойчивостью, и по-прежнему определяет поступки и поведение людей.

Какое содержание вкладывается в понятие «идентичность»?

В переводе с латинского языка «идентичность» – *identicus* – тождественный, одинаковый, с английского языка «*identity*» переводят как тождественность, дословно – идентичность; как подлинность; и даже как личность, индивидуальность. Во французском языке «*identite*» – тождество, совпадение; «*identique*» – идентичный, тождественный, одинаковый, а также – равнозначный, аналогичный; «*identifieur*» означает идентифицировать, отождествлять и, кроме того, опознавать [5].

Понятие «идентификация» впервые введено в научный оборот З. Фрейдом в 1921 году в эссе «Психология масс и анализ человеческого Я» [6]. Исследователи отмечают при этом, что З. Фрейд вкладывал в него содержание близкое по смыслу понятию «подражание», ключевому для теории Тарда. В частности, Элленбергер пишет: «То, что Тард называл подражанием, Фрейд назвал идентификацией, и во многих отношениях, похоже, что идеи Фрейда это и есть идеи Тарда, выраженные в психоаналитических понятиях» [8, с. 528]. Это нетрудно доказать: в одной из работ Фрейда идентификация определяется как «... ассимиляция одного «Я» другим, в результате которого первое «Я» ведёт себя в определённом отношении так же, как и второе, имитирует его и в некотором смысле вбирает его в себя» [3, с. 311]. Каждый индивид, по мнению З. Фрейда, есть частица множества масс, связанных посредством сети идентификаций. И поэтому человек строит свой идеал «Я», руководствуясь множеством образцов и моделей поведения, которые он выбирает более или менее сознательно. Функция процесса идентификации двойственна. Во-первых, он включён в процесс социализации человека. Во-вторых, выполняет защитную (адаптивную) функцию. Разрыв идентичностей, даже их ослабление преобразует повседневное окружение человека в чужой, непонятный и враждебный мир. У человека создаётся впечатление, что он один перед лицом опасности, он превращается в антисоциальное существо, руководствующееся в поведении формулой «Каждый за себя!». Это состояние З. Фрейд назвал «психологической нищетой масс» [6]. Согласно определе-

нию французского социолога А. Турена, «идентичность – осознанное самоопределение социального субъекта» [4, с. 360]. Следовательно, идентификация – это процесс эмоционального и иного самоотождествления индивида, социальной группы с другим человеком, группой или образом, освоение значимых социальных ролей.

В процессе своего становления этническая идентичность проходит ряд этапов, которые соотносятся с этапами психического развития ребёнка. Одним из первых концепцию развития у ребёнка осознания принадлежности к национальной группе предложил психолог Ж. Пиаже. В исследовании 1951 года он проанализировал формирование понятия «Родина» и одновременно с ним развивающихся образов «других стран» и «иностранцев». Развитие этнической идентичности швейцарский учёный рассматривает как осознание когнитивных моделей, ответом на которые являются этнические чувства. Пиаже выделяет три этапа в развитии этнических характеристик:

1. В 6–7 лет ребёнок приобретает первые – фрагментарные и несистемные – знания о своей этнической принадлежности.

2. В 8–9 лет ребёнок уже чётко идентифицирует себя со своей этнической группой, выдвигает основания идентификации – национальность родителей, место проживания, родной язык.

3. В младшем подростковом возрасте (10–11 лет) этническая идентичность формулируется в полном объёме, в качестве особенностей разных народов ребёнок отмечает уникальность истории, специфику традиционной бытовой культуры [4].

В проведённых в настоящее время многочисленных исследованиях уточняются и конкретизируются возрастные границы этапов в развитии этнической идентичности. Первые «проявления» диффузной идентификации с этнической группой большинство авторов обнаруживает у детей 3–4 лет. Имеются данные о первичном восприятии ярких внешних различий (цвета волос, кожи) детьми до трёх лет. Но практически все психологи согласны с Пиаже в том, что «реализованной» этнической идентичности ребёнок достигает в младшем подростковом возрасте, когда рефлексия себя имеет для человека первостепенное значение.

Этнический статус чаще всего остаётся неизменным на протяжении всей жизни человека. Но всё-таки этническая идентичность не статичное, а динамичное образование: процесс её становления не заканчивается в подростковом возрасте. Различные внешние обстоятельства могут заставить человека любого возраста на переосмысление роли этнической принадлежности в его жизни, приводить к трансформации этнической идентичности.

Значительно варьируется осознание людьми своей этнической принадлежности в зависимости от того, в какой среде они живут: в моноэтнической или полиэтнической. Ситуация межэтнического

общения даёт индивиду больше возможностей для приобретения знания об особенностях своей и других этнических групп, способствует развитию межэтнического понимания и формированию коммуникативных навыков. Отсутствие опыта межэтнического общения обуславливает, с одной стороны, меньшую предрасположенность к подобным контактам, с другой стороны, меньший интерес к собственной этничности.

Таким образом, этническая идентичность более чётко осознаётся, а знания о различиях между группами приобретаются раньше, если человек живёт в полиэтнической среде. Насколько точны эти знания и насколько позитивны социальные установки, во многом зависит от того, к какой группе он принадлежит – большинства или меньшинства.

С этнической идентичностью тесно связаны проблемы межэтнического взаимодействия и этнической толерантности и интолерантности. Этническая идентичность и этническая толерантность и интолерантность выступают в качестве показателей межэтнических отношений. Межнациональные отношения функционируют на институциональном уровне и реализуются через взаимодействия государственных и общественных учреждений и на уровне контактов между группами, между людьми разной этнической принадлежности. Межличностные отношения людей разной национальности – это особая сфера. Люди, общаясь повседневно в деловой и неформальной обстановке, на практике ощущают равенство или неравенство, партнёрство или ущемление, уважение или унижение, т.е. всё то, что мы определяем как толерантные или интолерантные, дружественные, нейтральные или напряжённые отношения.

Психолог Н. М. Лебедева, основываясь на положениях концепции Дж. Бери и М. Плизанта [7] о психологической природе этнической толерантности и её роли в регуляции жизнедеятельности социальной группы и на результатах собственных исследований, приходят к выводу, что только уверенность в собственной позитивной групповой идентичности может дать основания для уважения других групп [1]. Позитивная этническая идентичность понимается как отнесение индивидом себя к данному этносу на основе позитивной оценки его культуры, способствующей укреплению этнического самосознания группы и сохранению её целостности как этнокультурного организма. Позитивная этническая идентичность проявляется в виде позитивного образа «мы – группы», включая её этнокультурные особенности, чувство сплочённости, эмоциональной приверженности группе и общей удовлетворённости её представителей своей этнической принадлежностью [2, с. 164–173]. Угроза позитивной идентичности приводит к нетерпимости и этноцентризму. Позитивная этническая идентичность способствует сохранению внутренней межгрупповой гармонии, а также – позитивного лич-

ностного самоощущения. Таким образом, в групповом сознании существует устойчивая, закономерная связь между позитивной идентичностью и толерантностью.

Как уже отмечалось, межэтническая толерантность проявляется в поступках, но формируется она в сфере сознания и связана с этнической идентичностью. Все виды гиперидентичности повышают уровень интолерантности в межэтнических установках. Не этническое самосознание вообще, а гиперболизация его (эгоцентризм, этноцентризм и т. п.) отрицательно влияет на толерантность. Перерастание этнического самосознания в гиперидентичность и рост интолерантных установок связаны не только с процессами в психической форме, но и в сферах социальной, экономической, политической жизни.

В постоянно меняющемся мире в условиях неопределённости именно этническая идентичность, являясь характеристикой личности, состоящей в ощущении и переживании собственной принадлежности к определённой этнической группе, восприятием себя представителем конкретного народа, выполняет важную защитную функцию. Как компромисс между испытываемой многими в условиях неопределённости социальной ненадёжностью и острой потребностью в защищённости – этническая идентичность становится для многих универсальной формулой ответа на вопрос о смысле существования и социального действия. Идентичность является одним из важнейших механизмов личностного освоения социальной действительности, лежащего в основе формирования системы личностных смыслов. Неизменность этнического, проявляясь на обыденном уровне, составляет постоянную основу существования личности. При этом социальная сущность этнической принадлежности возводит её до мировоззренческого ориентира в кризисные периоды жизни общества. Принадлежность к этносу фиксирует как биологическую, так и социальную принадлежность индивида. И, несмотря на то, что кроме этнических существует масса других групп и отношений, влияющих на статус личности, этнические характеристики остаются их инвариантом.

Следовательно, изучение межкультурного взаимодействия в полиэтническом социуме должно быть направлено на сохранение позитивной и чёткой этнической идентичности на индивидуальном и групповом уровнях как основы этнической толерантности. Что способствует формированию установок толерантного сознания у подростков.

Библиографический список

1. Лебедева Н. М. Социальная психология аккультурация этнических групп : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05 : М., 1997. – 310 с.

2. Левкович В. П., Андрияшак И. Б. Этноцентризм как социально психологический феномен обыденного сознания в ситуации социоэтнических изменений // Этническая психология и общество. – М., 1997. – С. 164–173.
3. Моковичи С. Век толп: исторический трактат по психологии масс. – М., 1996. – С. 311.
4. Пиаже Ж. Речь и мышление ребёнка. – М.: Римис, 2008. – 448 с.
5. Фадеичева М. А. Этническая идентичность: индивид между холизмом и робинзонадой // Этническая идентичность и проблема этнотолерантности: пути преодоления этноцентризма в современных теориях и социальных практиках.
6. URL: http://ppf.uni.udm.ru/conf_2002/entos.htm.
7. Фрейд З., Коган Я., Ермаков И. Психология масс и анализ человеческого «Я». – М.: Азбука, 2012.
8. Berry J. W., Pleasant M. Ethnic tolerance in plural societies // Paper given at the International Conference on Authoritarianism and Dogmatism. Potsdam, N. Y., Wiley, 1984.
9. Ellenberger H. F. The discovery of the Unconscious: Basic Books. N. Y., 1970. – P. 528.
10. Touraine A. Production de la societe. 1973. – P. 360.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА «ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ»

Е. И. Горбачева
Калужский государственный университет
им. К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия

Summary. In the article it is shown that a holistic conception about the process of civilian identity formation is possible only in the context of analysis of cultural-historic forms of the civism. It is grounded that in Russian conditions initiation of the civilian identity, as a form of person's participation in the civilian sphere and her self-categorization in terms of the objects belonging to the sphere, is connected with the reception of the Enlightenment ideas and accepting norms of a civilized personality.

Key words: civilian identity; cultural-historic analysis; forms of civism; norms of a civilized personality.

Гражданская идентичность является неотъемлемым компонентом самосознания современной личности. Изучение оснований ее становления в конкретных исторических условиях социальной жизнедеятельности индивидов и их групп приобретает особую значимость в связи с поиском и «конструированием» такой модели гражданской идентичности, которая была бы адекватна специфике российского социума. Необходимость научной проработки множественности культурно-исторических форм осознания и переживания личностью опыта гражданского поведения диктуется также междисциплинарным характером исследований и неоднозначностью реализуемых в них подходов к осмыслению гражданской идентичности.

Раскрытие ее специфического содержания традиционно осуществляется в парадигме «нация – государство», а сам термин

«гражданская идентичность» выражает отождествление индивида с обществом в таких его типических социокультурных измерениях, как язык, ментальность, социокультурные ценности, нормы поведения [3]. Соответственно, вводится понятие «государственно-гражданская или национально-гражданская идентичность», которое предполагает, наряду с лояльностью к государству, «отождествление с гражданами страны, представления об этом сообществе, солидарность, ответственность за судьбу страны и чувства, переживаемые людьми (гордость, обиды, разочарования, пессимизм или энтузиазм)» [4, с. 14]. С этой точки зрения нельзя не учитывать различия между восточной, или этнической, моделью нации (как культурным сообществом, сформированным естественным образом индивидами, родившимися в его границах) и западной, или гражданской, моделью, которая трактует нацию в терминах политического сообщества, созданного договорным путем, что не может не оказывать влияние на культурно-исторические формы переживания и осознания роли гражданина и воплощающие их ценности и практики [9].

Принципиально иным решением в определении оснований гражданской идентичности является ее рассмотрение с позиции осознания личностью своей принадлежности к сообществу граждан, не связанной с определенным государством, опирающейся на значимый смысл группового объединения на основе гражданских ценностей и практик гражданского участия. Любая идентичность предполагает в конечном счёте практику исключения из прочих общностей, объединяемых языком, культурой, религией, территорией, и только гражданской идентичности свойственен транскультурный, трансконфессиональный и транснациональный характер. Её можно отнести к так называемым «цивилизационным идентичностям» [10]. Исходя из такой постановки проблемы генезиса гражданской идентичности, можно полагать, что она складывается посредством рецепции ценностных нормативов цивилизованной личности и их воплощения в релевантных им практиках гражданского участия.

Цивилизованность как личностный норматив включает рациональность, трактуемую как здравый смысл и установки свободного от предрассудков критического мышления, толерантность (прежде всего, религиозную и этническую), приверженность принципам равноправного сотрудничества в принятии общезначимых решений, способность к компромиссам и социальному согласию в разрешении конфликтов между частными интересами, отстаивание автономии личности, стремление к творческому самовыражению в индивидуализированных формах [5].

В связи с этим вполне правомерно представляется исследование генезиса гражданского поведения и его репрезентаций в сознании и самосознании личности, базирующихся на опыте тех стран, где гражданские практики возникали в условиях богатой

культурно-исторической традиции [12]. Это опыт гражданской культуры античности, парламентской монархии Англии Нового времени, гражданского республиканизма буржуазной Франции, практик «самостояния» личности в России в первой половине XIX века. При этом важнейший этап в генезисе ментальных и институциональных оснований гражданской идентичности современной личности приходится на период второй половины XVIII века – первой половины XIX века [6].

По И. Хонахану, при рассмотрении специфики гражданственности как социального измерения личности (в качестве ее репрезентативного примера им был взят гражданский республиканизм) нельзя обойти следующие проблемы: 1) гражданская добродетель и ее принятие в качестве образца личностного самоопределения; 2) реализация гражданской свободы в индивидуальном поведении; 3) выбор практик политического (или неполитического) участия; 4) тема признания другого в условиях культурного разнообразия [15, р. 13–14]. Если следовать данному подходу, то можно полагать, что каждая из этих проблем последовательно выступала на первый план на разных исторических этапах развития традиций гражданственности.

Например, для античных Афин и Рима первичной является проблема воплощения в реальной ткани общественной жизни гражданских добродетелей [1]. В XV–XVII веках, во времена становления парламентских монархий Нового времени, доминирующей оказывается проблема гражданской свободы. В отличие от ее либеральной трактовки как отстаивания ценности и независимости частной жизни индивида в борьбе с государством, для реализации ценностей гражданской свободы не обязательно наличие политического режима, полностью отрицающего монархическое правление. По мнению К. Скиннера, осуществление гражданских свобод возможно, в частности, при конституционной монархии, то есть в рамках правления, при котором монарх, как и другие граждане, также ограничен законом и не может действовать в отношении других граждан по собственному произволу [8]. В XIX веке главной для развития идей гражданственности выступила проблема политического участия граждан в правлении в рамках больших территориальных государств. Для современных европейских сообществ – это проблематика умения «жить и действовать совместно с другими» и признания правильности такого социального устройства.

Для российского социокультурного контекста все эти проблемы одновременно актуализируются [6], что определяет появление особых форм гражданской идентичности.

Начиная с конца XVIII века, и особенно в первой четверти XIX века, в России растет число разного рода альтернативных государству практик социальности, на которые опирается публичная

сфера, или сфера «частных лиц» [2; 14]. Эти практики возникают и применяются в литературных салонах, просветительских и литературных обществах, масонских ложах, офицерских клубах, а затем – и в тайных обществах. Наряду с ними увеличивается количество периодических печатных изданий и книг, обеспечивающих коммуникацию внутри публичной сферы и способствующих формированию нового для России феномена – «общественного мнения». Это особое коммуникативное пространство, сфера влияния «публики» [13; 16]. Как показывает В. Л. Каплун, «публика» – это особая социокультурная группа (изначально она выделяется преимущественно из дворянской среды), которая осознаёт себя как нечто отличное как от двора и придворного общества, так и от народных масс, поскольку они в силу отсутствия необходимых образовательных и материальных ресурсов не имеют возможности участвовать в публичном общественно-политическом процессе [7].

Характер и специфика воздействия «публики» на распространение нормативов цивилизованной личности в той или иной стране зависят от конкретных исторических условий ее развития. Так, в европейских странах (Великобритания, Франция, немецкие государства) получили широкое распространение социальные институты, транслирующие нормативы цивилизованной личности, и «публика» продуцировала культурные образцы гражданственности, отвечающие принципам представительной демократии. Гражданство предполагало равный доступ к участию в управлении государством, а основой для гражданской идентичности служили конкретные аспекты выполнения социальной роли гражданина. Осознание себя гражданином зависело от уровня и степени автономности правосознания, которое характеризуется таким усвоением цивилизационных ценностей, норм и образцов поведения, когда они воспринимаются как внутреннее достояние личности. Подчинение требованиям, заключенным в роли гражданина, в данном случае являлось для индивида результатом его «собственного выбора и свободной воли, выступало как добровольное самопринуждение» [11, с. 83].

В России начала XIX века западноевропейские практики реализации избирательных прав и свобод не получили развития, а влияние «публики» на формирование общественного мнения в основном было ограничено дворянской средой. Здесь складывалась специфическая форма гражданской идентичности, ориентирующаяся на литературные, прежде всего античные, ценностные и поведенческие модели. Подобная идентичность предполагает у ее носителей тенденцию к стилизации собственного повседневного существования на основе заимствуемых из книжной культуры художественных, исторических, философских образцов. Тут важно подчеркнуть, что предлагаемые книжной культурой нормативы гражданственности оказывались востребованными потому, что уже появлялись практи-

ки, их воплощающие как в частной переписке, так и в публичном пространстве критики и рассуждения [2; 7; 16]. В них актуализировались характерные для культуры гражданского республиканизма ценности свободы и другие гражданские добродетели, например, готовность как к политическому, так и неполитическому участию в общем деле, стремление к обретению славы, величия, рефлексия собственной личности как морального и политического субъекта. Подобная основа для самоидентификации себя с гражданскими культурными образцами является общей и для сторонников просвещенной монархии, например, таких как Карамзин, и для политических радикалов, таких как Радищев, а уже затем декабристов и их сторонников в образованной среде российского дворянства [7].

Можно заключить, что конкретные формы гражданской идентичности являются результатом сложного и порою противоречивого процесса социокультурного генезиса и распространения образцов гражданственности, ключевую роль в которых выполняют нормы цивилизованной личности.

Библиографический список

1. Андреев Ю. В. Цена гармонии и свободы. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. – СПб. : Алетейя, 1998.
2. Бекасова А. Отцы, сыновья и публика в России второй половины XVIII века // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 113. – С. 99–129.
3. Гришина Е. А. Гражданская идентичность российской молодежи: опыт мониторинговых исследований 90-х годов: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – М., 2000.
4. Дробижева Л. М. Формирование государственно-гражданской идентичности // Жизнь национальностей. – 2007. – № 1. – С. 11–18.
5. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. – М. : Новое издательство, 2011.
6. Каплун В. Л. Общество до общности: «общество» и «гражданское общество» в культуре российского просвещения // От общественного к публичному : коллективн. моногр. / науч. ред. О. В. Хархордин. – СПб. : Издательство ЕУСПб, 2011. – С. 395–486.
7. Каплун В. Л. «Жить Горацием или умереть Катонем»: российская традиция гражданского республиканизма (конец XVIII – первая треть XIX вв.) // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 5. – С. 197–219.
8. Скиннер К. Свобода до либерализма. – СПб. : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2006.
9. Смит Э. Национализм и модернизм: критический обзор теорий современных наций и национализма. – М. : Практикс, 2004.
10. Тлеуж А. Х. Конструирование российской коллективной идентичности. – М. : Социально-гуманитарные знания, 2010.
11. Фан И. Б. Политический театр эпохи буржуазных революций: рождение гражданина // Общественные науки и современность. – 2007. – № 5. – С. 75–86.
12. Федотова Н. Г. Генезис идейных и институциональных оснований гражданской культуры : автореф. дис. ... канд. философ. наук. – В. Новгород, 2005.

13. Шарнтъе Р. Культурные истоки Французской революции. – М. : ИД «Искусство», 2001.
14. Bradley J. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // American Historical Review. – 2002. – Vol. 107. – № 4. – P. 1094–1123.
15. Honohan I. Civic Republicanism. – London, N.Y. : Rutledge, 2002.
16. La Vopa A. J. Conceiving a Public: Ideas and Society in Eighteenth-Century Europe // Journal of Modern History. – 1992. – Vol. 64. – P. 79–116.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ГРАЖДАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ч. С. Гусейнзаде, Т. Ф. Мусаев

**Азербайджанская государственная нефтяная академия,
г. Баку, Азербайджан**

Summary. The global changes in the world make the nation look for the new resources which can provide competitiveness of state in current conditions. These resources of society in the conditions of globalization are national idea which is based on the concept of national identity and filled with new content and tolerance, unification of all sections of society around the ideology of civic nationalism as a form of social identity in multiethnic society.

Key words: national identity, tolerance, civic (state) nationalism.

Процесс глобализации всё в большей степени оказывает влияние на ход развития практически всех стран мирового сообщества. История современного развития человечества свидетельствует о серьёзных трансформациях в мире, которые охватывают все сферы жизни народов. Потенциал прежних подходов в решении проблем формирования обществ уже иссяк. Требуются новые – инновационные методы и источники, которые стимулировали бы её сильное развитие.

Происходящие в современном мире глобальные изменения требуют от нации организованности, дисциплины и поиска эффективных путей для выживания, создания новых социально-экономических форм и ценностей, которые могли бы обеспечить конкурентоспособность государства. Локомотивом достижения этих целей выступает сама нация, интеллектуальный уровень и творческие способности которой должны совершенствоваться соответственно новым изменениям.

Современный этап истории развития человечества диктует, что нация, опираясь на её человеческие и естественные ресурсы, созданную социально-экономическую и духовную базу, природно-

географические условия, должна быть способна сформировать общество, отвечающее духу наступающей новой эры, используя мировой опыт цивилизаций в национальной стратегии развития. Возможностей для интенсивного обновления, модернизации и формирования нового интеллектуального общества сегодня больше, чем когда-либо.

Следует отметить, что каждая нация имеет свою национальную стратегию (во всяком случае, должна иметь). Однако это не значит, что все нации в состоянии создать её, хотя в своём большинстве они к этому стремятся. Национальная стратегия, направленная на решение конкретных задач, составляет силу нации.

Воплощение в жизнь национальной стратегии является повседневной заботой политической элиты любой нации, чем-то вроде подсознательной необходимости для неё, естественной и не подлежащей сомнению. Национальная стратегия каждого государства должна быть, прежде всего, нацелена на сохранение территориальной целостности страны, укрепление её государственной независимости и безопасности народа, создание современного государства, современной экономики и современного общества.

Достижение этой стратегической цели возможно в том случае, если каждый член общества будет стремиться познать тенденции и пути современного развития, захочет добиться собственного процветания. А для этого надо повышать уровень образования, развивать способность думать, учиться мыслить, совершенствовать трудовые навыки, усиливать социальную ответственность, и в итоге конкурентоспособность личности и страны в целом. Рост в составе нации числа креативных и умных людей, интеллектуалов, обладающих творческой энергией, может придать ей ту движущую силу, которая приведёт к созданию современного общества. Эти качества нации должны лежать в основе инновационной модернизации страны, как главной составляющей материализации национальной идеи.

Другим важным фактором решения задач инновационной модернизации страны и строительства современного общества является наличие социально ориентированной либеральной экономики, социальной справедливости и сильной демократической власти.

Опыт многих государств говорит о том, что с ростом внутриполитической и экономической стабильности в стране возникают потребности в ценностях, которые отвечали бы тенденциям дальнейшего развития общества, настроенного теперь уже на переосмысление прошлого, отдельные ценности которого адаптируются к современным условиям. Общество ощущает в себе стремление к новым ценностям, выражением которых стала бы новая идеология развития, соответствующая идеям национального и государственного строительства в новых условиях. Наряду с развитием национальной идентичности, общество, сохраняя ценности, ещё не размытые про-

цессами глобализации, стало обращаться к новым источникам развития, которые обеспечивали бы конкурентоспособность страны.

Реформы начала 2000-х годов задали темп социально-экономическому развитию многих стран, дали толчок переходу к новому, инновационному осмыслению проблем их развития. Приоритетом становится модернизация всех сторон жизни общества, позволяющая войти в число развитых государств мира.

Важно выделить прямую взаимосвязь модернизации, национальной идентификации и решающей роли государства. Вне укрепления национальной идентичности и ведущей роли государства в жизни общества, нет реальных шансов на модернизацию. Чтобы сделать модернизацию реальной политикой, надо чтобы население, включающее в себя представителей всех этносов страны, глубоко осознавало свою общую национальную идентичность, а государству придать ту функцию, которую оно должно иметь в современных условиях. Необходимо это и для креативного класса, формирование которого во многом зависит от степени осознания и развития национальной идентичности, поддержки со стороны государства, зрелости личности и общества.

Сегодня «для поддержания чувства принадлежности к обществу и мотивации вовлечённости на уровне больших групп, олицетворяющих связь индивида, общества и государства, формальных скреп в виде полученного по праву рождения или приобретённого гражданства, оказывается явно недостаточно. Сам процесс поиска и обретения содержательных идентификационных ориентиров становится важнейшим ресурсом утверждения самооценности личности» [6].

Для многих стран мира вопрос о том, как эффективно осуществляется сегодня цель национального развития, становится одним из главных вызовов современной эпохи. Тематика национальной идентичности и толерантность как ресурс инновационного развития настойчиво пробивают себе дорогу в мировую политику. Модернизация не исключает национальных ценностей, наоборот, использует их потенциал. Эта проблема в условиях перехода в постиндустриальное общество приобретает большую актуальность как необходимость осмысления ожидаемых социальных и экономических перемен, а также интеллектуального обеспечения процесса модернизации. Для решения этих задач и формирования на этой основе качественно нового общества требуется консолидация всего креативного и инновационного потенциала страны, что возможно при наличии национальной идеи, базирующейся на концепции национальной идентичности.

Национальную идентичность и толерантность всех этнических и конфессиональных групп мы рассматриваем как важное средство защиты государства и, одновременно, необходимый инструмент для развития общества. В государствах с высоким уровнем национально-

го неравенства и наличием больших недовольных социальных групп порог рисков может достичь опасных для общества пределов. В таких обществах роль стабилизирующего элемента берут на себя индивидуальные и групповые интересы выживания. В процессе взаимодействия государства и его граждан вокруг решения проблемы может возникнуть другая ситуация, когда национальная идентичность будет наполняться новым содержанием, из которого «вырастают», по выражению С. Хантингтона, «национальные интересы» [9].

По нашему мнению, эпоха постиндустриализма несколько усложнила проблему национальной идентичности. Наряду с усилением идентичности чётко сигнализирует о себе и процесс нивелирования идентичности. Индивидуальная идентичность чутко реагирует на влияние изменившейся среды, тогда как коллективная выделяется значительной инертностью. Для определённого круга людей их индивидуальная идентичность становится ситуационной – в отличие от более стабильной коллективной идентичности. Множественность становится типичным признаком индивидуальной идентичности. Противостоять этому процессу может только сам человек, который несёт ответственность за свою идентичность.

При методологических подходах в изучении нации, национализма и национальной идентичности следует уходить от крайностей. Вместе с тем, было бы ошибочным недооценивать конструктивную деятельность творческой интеллигенции и политической элиты в деле формирования идеологии национализма и теории нации. Однако апелляция лишь к конструктивизму с присущей ему абсолютизацией субъективного фактора и отрицанием историзма только вредит объективному осмыслению этих феноменов.

По нашему мнению, единственно верный подход в определении методологии изучения сущности нации, национализма и национальной идентичности – это комплексное использование идущих из реальностей элементов примордиализма, инструментализма и конструктивизма, дающих широкие возможности при исследовании проблемы. «Избегая крайностей примордиализма и конструктивизма, можно достаточно чётко указать на иной методологический подход, отличный от того и другого и в то же время берущий всё ценное от них». Этот подход «базируется на онтологизме (бытийности) нации и может быть определён как исторический реализм, заключая в себе как признание объективности существования нации и национальных атрибутов, так и плодотворную творческую деятельность людей, общественных институтов по её формированию и развитию» [1].

Процесс образования института «нации» можно разделить на следующие фазы: хронологическую первую – культурная и этническая нация и вторую – гражданская нация. В основе идеи «нации» лежат следующие признаки: национальная идентичность, национальное самосознание и патриотизм. Определяющим является со-

став и содержание нации, её территория, язык, культурные традиции, историческая память и другие, сопутствующие ей, атрибуты.

По мнению профессора Бостонского университета (США) Лири Гринфельд, «национальная идентичность в её современном смысле есть идентичность, которая выводится из принадлежности к «народу», основной характеристикой которого является определение его как нации. Каждый представитель переопределённого подобным образом «народа» приобщён к его высшей, элитарной сущности, и именно вследствие этого стратифицированное национальное население воспринимается по существу как однородное, а классовые и статусные различия как искусственные. Этот принцип лежит в основе национализма каждой нации и является подтверждением того, что их можно рассматривать как выражение одного и того же феномена».

Продолжая свою мысль, профессор Гринфельд отмечает: «Признание за народом верховной власти и признание глубинного равенства разных слоёв народа, составляющие сущность современной национальной идеи, в то же самое время являются главными принципами демократии. Демократия родилась с чувством национальности. Демократию и национализм внутренне нельзя полностью понять в отрыве от их глубинной связи. Национализм был той формой, в которой демократия впервые явилась миру, спрятанная в идее «нация», как бабочка в коконе. Изначально национализм развивался, как демократия: там, где сохранялись условия для такового развития, эти два понятия стали тождественны. Но с распространением национализма в различных странах и в связи с тем, что главный упор в национальной идее стал делаться на исключительность народа, а не на верховности его власти, изначально тождество национальных и демократических принципов было утеряно. Следует подчеркнуть, что в вышесказанном подразумевается: демократию нельзя экспортировать. Некоторые нации могут быть к ней глубинным образом предрасположены, в том смысле, что это предрасположение встроено в их определение как наций, то есть в их изначальное понятие «нация». Другим же нациям подобная предрасположенность глубоко чужда и для того, чтобы они могли воспринять и развивать демократическую идею, требуется изменение их самоопределения» [3].

В свою очередь, немецкий философ И. Г. Гердер считает, что нации, будучи органическими составными частями человечества, являются истинными субъектами истории. Хотя нации состоят из индивидов, всё же их развитие является в определённом смысле результатом усилий последних. Каждая нация обладает своими особенными внутренними способностями. Подчинение искусственным правилам и имитация чужого опыта для неё являются опасными. Индивиды не существуют сами по себе: чтобы наиболее полно реализовать себя, они должны быть членами нации; каждая нация, в

свою очередь, является органической частью человечества, разделяя его судьбу и содействуя его прогрессу своими достижениями [4].

Учитывая вышеизложенные точки зрения, необходимо отметить, что формирование нации – это сложное историческое и социально-культурное явление, которое включает в себя территориальный, языковой, культурный, политический, экономический, психологический и другие компоненты. Однако без наличия интеллектуального, а затем и политического класса, национальной элиты, ускорить процессы складывания национальной идентичности невозможно. Идея нации, раз возникнув и воплотившись в форму этнополитического национализма, ускорила происходящие изменения в сознании масс, а у политической элиты – в её мировоззрении, дала им конкретное направление, определила возможность будущего развития и стала в этом развитии главным фактором.

Сегодня в зарубежных странах издаётся огромное количество книг и статей, авторы которых пытаются разобраться в судьбах наций и национализма. Главное – изменился подход к изучению этой проблемы. Позитивным фактором интерпретации национализма в научной литературе является отказ от негативного содержания, которым наделяли понятие «национализм». Нередко сегодня национализм понимается как комплекс идеологических представлений и политической практики, где пальма первенства отдаётся интересам нации и национально-культурным ценностям. Верность национальному государству и национализму, сохранение национальной идентичности становятся важной чертой современной эпохи. Национальные процессы в современном обществе дают основание сказать, что время глобализма и постмодерна не в состоянии противодействовать этому явлению.

Однако существует и такое мнение, что национализм разобщает и, следовательно, он вреден, так как является основой для конфликтов. Но вместе с тем трудно не согласиться с тем, что национализм сохранил своё существование только потому, что даёт людям ощущение собственной принадлежности к родственной социальной группе, общности, единой истории и самосознанию. Да, он даёт людям нечто, находящееся за пределами их собственного «Я». Разумеется, национализм может быть и весьма опасным, если будет иметь этноцентристский агрессивно-шовинистический характер и выйдет из-под контроля. Но он выживает и процветает, имея на это серьёзные причины. Главное, чтобы он не носил в себе такую смысловую нагрузку, как ксенофобия, разрушительный национал-сепаратизм, шовинизм, национальное чванство и национальный эгоизм.

Сегодня в научной литературе концепция нации рассматривается с двух позиций – гражданско-политической и этнической. Что же касается вопроса о соотношении нации и национализма, то здесь

некоторые исследователи считают, что нация является производным от национализма. «Именно национализм порождает нации, а не наоборот» [2]. «Нация есть продукт идеологии национализма...» [8]. Национализм предвещает формирование наций.

Природа национализма может быть понята и объяснена как с позиции теории перенационализма, рассматривающей развитие нации с точки зрения длительной и непрерывной временной протяжённости, так и с позиции модернистов, рассматривающих развитие нации и видов национализма как результат их недавней модернизации. В соответствии с модернистской теорией именно в период модернизации государство мобилизует и объединяет нацию с помощью новой националистической идеологии, как правило, более наступательной, чем прежняя идеология. И делается это для того, чтобы легче было вписаться и удержаться в новой системе международных отношений, стабильное пребывание в которой сопряжено с серьёзными вызовами и угрозами выживанию нации.

Национализм – это идеология, но не только. Это и государственная практика. На наш взгляд, государственный (гражданский) национализм – это государственная идеология и практика её применения в политических целях.

Гражданский (государственный) национализм в современном обществе должен и может носить только объединительный характер и являться её защитной силой. Одна из важных его задач – стать помехой идеологиям, способным разрушить единство нации, сдерживать возможность прихода зарубежных сил с чуждыми идеологическими воззрениями, которые способны расшатать стабильность, навредить курсу всеобщего развития.

Гражданский (государственный) национализм – это здоровый национализм, который вырастает из исторических традиций и коллективизма современного многонационального общества. Он согласуется с нынешней эпохой и устремлён в будущее. Здоровый национализм является одновременно основой строительства государственности. В многонациональном государстве этническое содержание нации постепенно нивелируется и замещается гражданским элементом. Поэтому необходимо усилить общественное содействие формированию в стране гражданского (государственного) национализма как формы общенациональной идентичности.

Мировой опыт доказывает, что государства, формирующиеся на основе гражданского национализма, или, как минимум, стремящиеся к этому, развиваются более успешно. В государствах, формирующихся на основе политического национализма, значительная часть национально-этнической энергии растрачивается на разрешение внутренних конфликтов. Только гражданская идентичность, как форма, отдающая преимущество общим интересам государства,

позволяет направить неисчерпаемую энергию национального и культурного разнообразия на развитие государства.

Гражданский национализм – это весомый ресурс решения проблем между государством и обществом. Идеология гражданского национализма, с одной стороны, должна удовлетворять духовные потребности общества, неустанно вызывая в его памяти героические страницы истории нации, её необыкновенные качества, а с другой – оказывать поддержку власти в деле консолидации общества для решения важных задач развития. Эта идеология должна акцентировать внимание граждан на восприятии национальной культуры и национальной уникальности через интересы государства, которое они должны укреплять и развивать.

Идеология гражданского национализма призвана развивать в гражданах чувство преданности и любви к земле, на которой формировалась нация, внушать им осознание принадлежности к неповторимой культуре, что должно не только вызывать у граждан гордость, но и наполнять их сознание смыслом жизни для творчества. Ничто не может состязаться с идеологией гражданского национализма по силе своего влияния на людей.

Необходимо отметить, что национализм и модернизация относятся к числу тех явлений, которые определили облик цивилизации в XX веке, создав потенциал для её трансформации в сторону информационного общества. Гражданский национализм способствовал проведению модернизации в условиях политического транзита, а также стал идеей, позволившей решить такие проблемы общества, как социальный инфантилизм, подростковая преступность и другие проблемы молодёжи, которые при взаимодействии с общими негативными тенденциями вызывали кризис социальной ответственности в целом. Гражданский национализм в полиэтничестве – это способ видения окружающего мира обществом, которое характеризуется внутренним единством.

«Понятие «нации» сегодня, несмотря на впечатляющие итоги экономического и политического сближения в рамках интеграции, остаётся насыщенным эмоциональным содержанием. Высокий накал дискуссий вокруг национальной и этнической идентичности в ряде европейских стран свидетельствует об ином уровне их наполнения, о большей интенсивности переживания по сравнению с идентичностью европейской» [7]. Во многом по этой причине в научных кругах на повестку дня выносится вопрос о формировании политической идентичности, которая может быть результатом комбинации элементов этнонациональных, гражданских, конфессиональных и идейно-политических ориентаций на уровне индивидуального и группового сознания.

Идейно-ценностной концепцией национальной идентичности может быть такая модель, которая объединила бы в себе как этниче-

скую, так и гражданскую идентичность. Известно, что базовыми ценностями такой идентичности являются толерантность, межнациональный и межконфессиональный мир и согласие. Государство, не имеющее этнической и культурной однородности для обеспечения своей стабильности, не может нормально существовать и развиваться без толерантности. Толерантность – явление высокой духовности и нравственной культуры. Она формируется как необходимый социальный механизм для балансирования различных взглядов, социальных настроений, идейных и мировоззренческих позиций, особенно в полиэтническом обществе.

Толерантность является следствием необходимости существования социума, независимо от наличия или же отсутствия противоречий. Феномен толерантности заключается в том, что она противостоит только этническому национализму, а не государственному, который призван обеспечить духовное, социальное и национальное единство общества. Толерантность разрушает в структуре общественной жизни те тенденции, которые являются катализатором социального напряжения и дискомфорта. Однако толерантность не исключает гражданского национализма – идеологии и политики государства.

Основой толерантности выступает национальная культура, которая не ограничена только культурой титульного этноса, а является культурой всех граждан страны, независимо от этнической принадлежности, так как их объединяют общая территория, общая культура, общий язык общения и общее стремление к укреплению своей государственности.

Гражданское понимание национальной идентичности – это тот созидательный путь, который обеспечит в современном обществе устойчивое межнациональное согласие и мир, являющиеся основой процветания страны. Для достижения гармонии между общегражданской и исторически сложившимися в обществе этническими и религиозными идентичностями важно, чтобы все идентичности были интегрированы в общегражданскую идентичность. При этом целесообразно, не игнорируя, принимать во внимание особенности исторического прошлого, закрепившиеся в коллективной памяти этносов страны и воспроизведённые в мифах и символах; особенности экономической, правовой и религиозной культуры, определяющие взаимоотношения внутри этноконфессиональных общностей; коллективные эмоциональные состояния, возникающие как реакция на конкретные события в стране и за рубежом [5].

Говоря о качественно новой ступени, на которую по ряду причин современное общество не смогло подняться в прошлом, следует помнить, что сегодня у человечества имеется на это шанс, которым мы все обязаны воспользоваться. Национальная идея, с учётом того, что глобализация открывает для неё новые возможности, должна ос-

новываться исключительно на новом осмыслении государственности, истории и традициях совместного проживания этносов страны, на особенностях духовно-ценностных установок. Наше настоящее – это движение к современным достижениям человечества. Поэтому важным представляется верное понимание и реализация современной национальной задачи – современной национальной идеи.

Библиографический список

1. Баграмов Э. А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов // Вопросы философии. – 2010. – № 2.
2. Геллнер Э. Нации и национализм // пер. с англ. – М. : Прогресс, 1991.
3. Гринфельд Лия. Национализм. Пять путей к современности. – М. : Когито Центр, 2013.
4. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. – М. : Наука, 1977.
5. Мехтиев Р. Азербайджанская идея в XXI веке в контексте нации креативных людей. – Ч. I, VI. 2012. URL: www.vesti.az.
6. Семенов И. С. Дилеммы утверждения национальной идентичности в глобальном мире // Дестабилизация мирового порядка и политические риски развития России. – М. : ИМЭМО РАН, 2010.
7. Семенов И. С. Метаморфозы европейской идентичности // Полис. – 2008. – № 3.
8. Тишков В. Что есть Россия и российский народ // Pro et contra. – 2007. – № 3.
9. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности // пер. с англ. А. Башкирова. – М. : Издательство АСТ, 2004.

ГОСУДАРСТВА ЮЖНОГО КАВКАЗА В ПОИСКАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е. А. Кошечкина
Невский институт языка и культуры,
г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. The Southern Caucasus is a region of geopolitical importance. The author analyses politically, economically and culturally significant qualities of the region, due to which it can be called a zone of strategic interests of the main global and regional actors. Special attention is paid to the question of the formation of regional identity of the Southern Caucasus' states. Regional identity contributes to the consolidation of society, and the harmonious and sustainable development of a state.

Key words: region; regional integration; regional cooperation; regional identity; the South Caucasus.

Южный Кавказ представляет собой особый геополитический евразийский регион, включающий три государства – Армению, Грузию, Азербайджан. Эта территория – «лакомый кусок» для сопредельных государств. На протяжении последних нескольких веков за неё боролись Россия, Турция и Иран. В постсоветский

период геополитическое противоборство никуда не исчезло, напротив, оно продолжилось с новыми силами. И к уже перечисленным государствам в борьбе за Южный Кавказ добавились США и ЕС. При этом объединения стран Южного Кавказа не наблюдалось никогда. Скорее, наблюдался баланс сил между противоборствующими сторонами, и именно это выступало неким гарантом стабильности в регионе.

Один из представителей классической геополитической теории К. Хаусхофер выделяет Кавказ как одну из исторических зон противоборства наравне с Босфором, Гибралтаром, зоной Суэцкого канала и др. [7]. Географическое положение его настолько удачно, что представляет собой перекрёсток между всеми сторонами света. Это даёт возможность контролировать (в случае контроля региона) более обширные территории в Евразии. Но регион является значимым и в геоэкономике, поскольку таит в себе огромные запасы высококачественных нефти и газа [8].

Социокультурно же Южный Кавказ продолжает оставаться «закрытым». И этот узел противоречий между экономическим, политическим и культурным аспектами развития в дополнение к современным реалиям глобализационных процессов сказывается на развитии региона. По меткому замечанию К. С. Гаджиева здесь «в сложнейший узел переплетены трудно разрешимые социально-экономические, национально-территориальные, конфессиональные, геополитические и иные интересы» [3].

При этом нужно сказать, что Южный Кавказ понятие условное и, скорее, чисто регионально-географическое. Нет стабильности ни в экономике, ни в политике, есть фрагментарность, разница интересов. Существуют сильнейшие противоречия во внешней политике, военные конфликты из-за территорий и по политическим мотивам, нет единого религиозного пространства, нет единства и в правовой сфере.

Экономически страны нестабильны. Только у Азербайджана есть значительные запасы природных ресурсов, Армения и Грузия ими бедны. Армения ориентируется во внешнеполитической деятельности на Россию, Грузия – на США, Азербайджан на Иран и Турцию. Не поддерживаются старые и не налаживаются новые интеграционные связи именно в рамках региона. При этом каждая страна старается судорожно сохранить свои национальные отличия. И не обращает внимания на нужды соседа.

Ещё недавно государства Южного Кавказа не были готовы к диалогу между собой из-за существующего узла проблем, обусловленных обострением этнонациональных и, соответственно, территориальных противоречий. Для Грузии это проблема отношений с Южной Осетией и Абхазией, для Армении и Азербайджана – проблема Карабаха.

При всём этом у государств Южно-Кавказского региона есть все предпосылки не только для мирного сосуществования, но и для успешного интегрирования в политической, социальной, экономической, военной, культурной областях. Опыт сотрудничества у стран данного региона есть. Они могут и должны договариваться между собой, пусть даже для этого понадобится международное вмешательство. Нужна лишь добрая воля населяющих страны народов.

Страны Южного Кавказа подвержены двум прямо противоположным тенденциям. С одной стороны, явное стремление народов к возвышению всего национального, а с другой – последствия развития в составе советского государства, что многими приравнивается к отсутствию национальной идентичности [1]. Некоторые исследователи полагают, что на Южном Кавказе установился многоярусный статус-кво, и в зависимости от интересов и текущей ситуации расшатыванием или же наоборот поддержкой равновесия занимаются практически все игроки, причём действия этих сил носят или конструктивный, или же деструктивный характер [9].

В первую очередь указывается так называемый «конфликтный ярус». Это пресловутый Карабахский конфликт, и абхазо-осетинский в Грузии. Сюда же можно добавить и проблемы с Аджарией, хотя официально Аджария никогда не просила независимости у Грузии. Второй ярус – так называемый коммуникационный. По оценкам экспертов, в частности В. Якубяна (эксперт по проблемам Южного Кавказа, Ереван) одним из наиболее весомых факторов, тормозящих интеграционные проекты и торгово-экономическое сотрудничество на Южном Кавказе, остаётся простой главных коммуникационных артерий региона. Разблокирование северных (абхазская железная дорога) и южных (армяно-турецкая граница) ворот Южного Кавказа может стать ключевым моментом для развития региона [9].

Проблема с коммуникациями возникла всё из-за тех же сложностей – этнических и территориальных. Грузия ввела санкции против Абхазии, а Азербайджан против Армении. Турция же по соглашению с Азербайджаном закрыла в 1993 году сухопутную границу с Арменией, прекратив транспортное сообщение и экономические связи. Единственным каналом связи остались регулярные авиарейсы между Стамбулом и Ереваном. Армения оказалась в экономической и транспортной блокаде (единственной открытой границей кроме двух небольших участков границы с Ираном на территории Азербайджана осталась граница с Грузией). Все газо- и нефтепроводы, по которым энергоресурсы поставляются из Азербайджана в Европу, обходят армянскую территорию. В 2006 году Армения протестовала против строительства железной

дороги между Азербайджаном и Турцией через территорию Грузии, предлагая пользоваться армянской станцией Гюмри. Дорога Карс–Гюмри остаётся недействующей из-за блокады.

Однако ощутимого эффекта страны, организовавшие блокаду, не добились. Армения перепрофилировала экономику на производство и переработку малогабаритной продукции (в основном, ювелирной) с низким транспортным коэффициентом. В настоящее время идёт строительство автомагистрали "Север-Юг". Этот транспортный коридор призван ослабить блокаду Армении со стороны Турции и Азербайджана, нивелировать экономические потери и сделать её надёжной транзитной страной между государствами Восточной Европы и Ираном. В перспективе через Армению налаживание транспортных коммуникаций по маршруту Россия-Иран-Индия.

Ситуация на Южном Кавказе сложная. Будучи мостом между Югом и Севером, Востоком и Западом этот регион представляет собой на сегодняшний день узел противоречий. Страны стоят перед необходимостью налаживания диалогов во всех сферах, от культуры до экономики.

Первые попытки диалога уже есть. Например, новое правительство Грузии, сформированное в октябре 2012 г., заявило, что нужно налаживать диалог с Абхазией и Южной Осетией, не забывая при этом интересов самой Грузии. Результаты пока невелики (расформированы секретные воинские подразделения Грузии, действовавшие на абхазской земле, несколько увеличился товарооборот через Ингури, открыто два дополнительных пограничных пропускных пункта, начата совместная работа по поиску пропавших без вести, включая погибших на войне и живых, которые находятся в заключении), но для дальнейшего развития сотрудничества значимы. Международные наблюдатели надеются, что будет сделан шаг, который изменит обстановку на игровом поле, а именно восстановление разрушенной железной дороги, которая шла по берегу Чёрного моря, соединяя Сочи, Абхазию, Западную Грузию и Армению. Если будет восстановлена эта железная дорога, весь регион получит колоссальные выгоды. Новое правительство в Тбилиси выдвигало такую идею прошлой осенью, но она натолкнулась на сопротивление со стороны Азербайджана и грузинской оппозиции [2].

Между Грузией и Арменией начался диалог по вопросам Джавахка (населённой армянами провинции Грузии). В частности, грузинские парламентарии выразили готовность решать социально-экономические проблемы Джавахка, был создан специальный фонд. Летом 2013 г. в праздновании основания армянского села Дамала в Грузии приняли участие парламентские делегации Грузии и Армении.

Новое правительство Грузии изменило и отношения с Арменией в целом. Радикально внешняя политика, конечно, не поменялась, но визит премьер-министра Грузии в Ереван и отказ от радикализма говорит о том, что Армения неминуемо становится объектом большего внимания в грузинской дипломатии [5]. Ереван, в свою очередь, высоко оценил активный и постоянный политический диалог между Арменией и Грузией. Об этом заявил зам. министра иностранных дел Армении Шаварш Кочарян 25 мая 2013 г. на встрече со своим грузинским коллегой Давидом Джалагания, обсуждая вопросы дальнейшего политического, экономического и культурного сотрудничества.

Ведению конструктивного диалога между Арменией и Азербайджаном препятствует ситуация вокруг Нагорного Карабаха, которую оценивают как информационно-пропагандистскую войну. Прорывом считается проведение в 2012 г. в Тбилиси международной конференции с участием представителей СМИ и общественных организаций Армении и Азербайджана. Конференция состоялась в рамках проекта «Альтернативная информация для армяно-азербайджанского диалога» Исследовательского центра «Регион» (Армения) и Института мира и демократии (Азербайджан). Целью конференции и проекта в целом было предоставление СМИ, читателям двух стран и обществу в целом возможность ознакомления с альтернативной информацией, альтернативными мнениями, которые существуют в двух обществах, и не только по армяно-азербайджанским отношениям. Глава департамента конфликтологии и миграции Института мира и демократии Ариф Юнусов, присутствовавший на конференции, отметил, что целью проекта является попытка убрать или хотя бы смягчить образ врага, сформировавшийся в двух обществах [6].

В июле 2013 г. благодаря руководителям Программы развития предприятий и конкурентоспособности рынка (EDMC) Агентства международного развития США и Проекту ознакомления с памятниками Армении (АМАР) стартовала двухлетняя международная программа «Черноморский коридор Великого шёлкового пути» (BSSRC) при участии представителей Армении, Греции, Турции и Грузии. Она нацелена на стимулирование туризма, трансграничного сотрудничества, развития информационных технологий и инноваций, а также на экономическое развитие 173 общин Армении, Турции, Греции и Грузии. Предполагается, что Программа будет способствовать открытию границ между странами и сближению государств. Посол США в Армении Джон Хефферн отметил, что «сотрудничество протяжённостью в 3000 км является очень полезным для четырёх стран. Данный проект направлен не только на развитие сферы туризма в странах, но и на восстановление многовековой истории» [4].

Всё это малые шаги, но при продолжении подобной практики они могут превратиться в широкую дорогу для переговорного процесса между странами, помогут преодолеть изоляционизм, обусловленный политическими амбициями лидеров стран. Необходимо развивать возможности для ведения политического диалога в регионе, выработать на совместной основе, возможно, с помощью или участием международных сил или ведущих государств меры доверия, которые положат конец войнам, конфликтам, спорам и претензиям друг к другу. И наконец, утвердить региональный правопорядок, опирающийся на взаимоуважение и сотрудничество народов и государств Азербайджана, Армении и Грузии.

Библиографический список

1. Баядян Г. Глобализация и постсоветские национальные культуры // Южный Кавказ: региональный аналитический журнал. – 2002. – № 3.
2. Ваал де Т. Почему не заработала Абхазская железная дорога? URL: <http://armtoday.info> 03.06.2013.
3. Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа. – М. : Международные отношения, 2003.
4. Программа «Черноморский коридор Великого шёлкового пути» официально стартовала в Армении. URL: <http://newsarmenia.ru> 16.07.2013.
5. Рцхиладзе Г. Значение Армении в новой внешней политике Грузии // Глобус : аналитический журнал. – 2013. – № 6.
6. Степанян Д. Армения – Азербайджан: время, общение, диалог // Ноев Ковчег : Независимая информационно-аналитическая международная армянская газета. URL: <http://noev-kovcheg.ru> 02.02.2012.
7. Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // О геополитике. Работы разных лет. – М. : Мысль, 2001.
8. Эйвазов Д. Геополитические уроки постсоветского Кавказа: путь к глобализации или возвращение к классической евразийской геополитике? // Кавказ и глобализация. – 2001. – № 1.
9. Якубян В. Южный Кавказ скатывается к кризису. URL: www.regnum.ru/news/531077.html 19.10.2005.

ПУШТУНИСТАН: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В. И. Кашникова

**Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Приморский край, Россия**

Summary. The article covers to the ancient conflict around of the creation independent state's creation on the Afghanistan-Pakistan border. In introduction the author gives concept of the ethnos discourse and shows, how the ethnic identity proves in a century of globalization and multiculturalism. Also the author mentions political crisis of Afghanistan and shows interest of other international scene actors in the solution this issue.

Key words: ethnos discourse; multiculturalism; globalization age; Pushtunistan; pushtun; Afghanistan; Pakistan; India; Britain Empire; Afghan-Pakistani border; Taliban militants; American pushtun project; border corps.

Понятие этноса часто используется в современных работах ученых, занимающихся данной проблемой (Бромлей Ю. В., Van den Berghe P. L., Бек У., Белл Д., Бенхабиб С., Валлерстайн И., Левин З. И., Моисеев Н. Н., Тоффлер Э., Фукуяма Ф., Хантингтон С.). Дискурс этноса особо остро стоит в глобализирующемся мире XXI века, хотя корнями уходит в конец XIX века – века гуманизма, когда только начали проявляться классовые противоречия, когда стали актуальными понятия «рабочий», «пролетарий», «гражданин», активизировалась расовая борьба между «белыми и черными», и это переживали все государства в разные промежутки времени.

Именно в современном мире проблема этноса заставляет человека задуматься об этнической идентичности. XXI век – век глобализации и мультикультурализма. Для небольших народностей – возможность укрепить и сохранить свою идентичность и, может быть, даже уникальность.

В век мультикультурализма дискурс этноса стал возможен, поскольку человек, относящийся к определенной этнической группе, вполне может сохранить свою уникальность, пребывая в любом государстве. Это мы можем увидеть, к примеру, в США, а также China Town в любом городе мира.

На первый взгляд, вопрос этнической идентичности не должен вызывать беспокойства, но дискурс этноса включает в себя также вопрос самоопределения данного этноса. Данный дискурс становится возможным в ситуации исторически сложившейся и обуславливающейся острой конфликтной ситуацией. Яркие примеры тому – Южноосетинский конфликт, Нагорный Карабах, Палестина, Косово (несмотря на то, что с 2008 года это Республика Косово, чью независимость признали 98 государств – членов ООН), Чечня.

Таким образом, данный вопрос сложен и многогранен в ситуации исторической неопределенности и размытой этнической иден-

тичности. Каждая этническая общность должна заботиться о сохранении и поддержании своей границы, так как происходит изменение самой общности, следовательно, меняется граница, и ее надо поддерживать, чтобы не раствориться в глобализирующемся мире.

Ситуация, возникшая в связи с Пуштунистаном, превращает его буквально в геополитический центр XXI века. История данного конфликта уходит корнями в VI век н. э., далее – в период правления Великих Моголов, Великих географических открытий, «жемчужины» Британской Короны, разделения Индии и наши дни. На протяжении столь длительного времени пуштуны требовали независимости и создания Пуштунистана.

Пуштуны – иранский народ, населяющий в основном юго-восток, юг и юго-запад Афганистана и северо-запад Пакистана, основными отличительными характеристиками которого служат восточно-иранский язык пашто, традиции номадизма, кодекс чести Паштунвалай и разветвлённая родоплеменная структура. Точная численность пуштунов не может быть подсчитана ввиду отсутствия переписей в Афганистане с 1979 года, но приблизительно она оценивается в 42 млн чел., из них только около 30 % проживает в Афганистане, где пуштуны – ведущий и доминирующий этнос страны [4]. Стоит заметить, что это один из древнейших самоидентифицирующихся народов в мире, причем за пределами Пуштунистана не проживающий.

Политическое разделение в 1893 году между Афганистаном и Британской Индией, географически выразившееся так называемой линией Дюрана, условной и почти не маркированной границей, привело к накаливанию ситуации и к негативному отношению со стороны пуштунских племён к своим соседям, затем последовало усиление антиколониальных настроений в районах проживания пуштунских племён, и они в результате стали стремиться к независимости и свободе от британского правления [8].

Британская империя не раз пыталась подчинить себе Афганистан, но все попытки оказались тщетными.

В период обретения независимости Индии, а затем разделения пуштунскому населению, проживающему в Северо-Западной пограничной провинции, было предложено британским правительством право выбора вступить в состав Пакистана или остаться в составе Индии. Право на полную независимость региона не было предусмотрено. После объявления бойкота «несправедливому» референдуму на голосовании жителей провинции было принято решение войти в состав Пакистана. В период войны за независимость Индии пуштунское население, проживающее в Северо-Западной приграничной провинции, было воодушевлено теорией Махатмы Ганди, и многие его представители являлись членами ненасильственной группы под лидерством Худай Хидматгарана и Хан Абдул Гаффара.

Пуштунское население в Пакистане не чувствовало себя отделенным от политической жизни страны. В 1950–1960-е годы пуштуны заняли многие высшие должности в пакистанском правительстве и вооруженных силах страны, чего нельзя сказать о положении пуштунов в Афганистане. Кабульское правительство не может признать «мнимой» границы по линии Дюрана, о чём свидетельствуют ухудшения афгано-пакистанских отношений в 1950-е годы. В 1970-х годах Пакистан и Афганистан вновь оказались в напряжённых отношениях после подавления восстания белуджи и пуштунских националистов со стороны правительства Зульф리카ра Али Бхутто. Пакистанское правительство решило принять ответные меры против пуштунистанской политики Афганистана, поддерживая исламистских противников афганского правительства, в том числе будущих лидеров моджахедов Гульбеддина Хекматияра и Ахмада Шаха Масуда. Эта операция была весьма успешной, и в 1977 году афганское правительство Муххамеда Дауда было готово урегулировать все нерешённые вопросы в обмен на снятие запрета Национальной народной партии на провинциальную автономию для пуштунов, которая была гарантирована Конституцией Пакистана, но отменена правительством Бхутто, когда вся страны была поделена на две провинции – Западный и Восточный Пакистан [9].

С мая 2007 года разгорелся новый виток конфликта между странами, пакистанские войска вторглись на территорию Афганистана и установили военный форпост. В ходе краткосрочной войны погибли десятки человек. Конфликт до сих пор не урегулирован, по состоянию на 2013 год стычки продолжаются [3].

Дальнейшая судьба Пуштунистана с позиций афганского и пакистанского правительства сильно отличается. Кабул выступает за присоединение всей территории пуштунов к своему государству, объясняя это исторической особенностью проживания пуштунов. Это, естественно, неприемлемо для Пакистана. В свою очередь пакистанская конституционная комиссия согласилась 31 марта 2010 года переименовать Северо-Западную пограничную провинцию в Хайбер-Пахтунхву [7].

Конституция Пакистана регулирует правовые взаимоотношения в Зоне Племян, по сути, дублируя правила, которые были установлены британцами в 1901 году как Регулирование приграничных преступлений. Юрисдикция Верховного суда Пакистана не распространяется на Зону Племян и на провинциально управляемые территории; законы, издаваемые в провинциальной ассамблее Хайбер-Пахтунхву, не могут быть применены к данным территориям, только губернатор соответствующей провинции и президент Пакистана могут регулировать жизнь Зоны Племян [6].

Считаю возможным упомянуть еще один вариант – так называемый американский пуштунский проект. Ни для кого не секрет, что

американское руководство заинтересовано в афгано-пакистанской границе, по которой и проходят «границы Пуштунистана». Суть проекта в создании Приграничного корпуса, то есть организованной по государственному принципу военизированной структуры, которая может стать началом настоящего социально-политического переворота в пуштунском обществе, эффективным инструментом его модернизации [1]. Данный приграничный корпус может осуществить «огосударствление» разделенного пуштунского этноса.

Для США важно создание нового государства вблизи афгано-пакистанской границы именно потому, что пуштунские племена являются основной социальной базой талибов, а территория Пуштунистана остается стратегическим тылом Талибана. Поэтому принципиальная трансформация Талибана невозможна без изменения политики в отношении пуштунских элит. Переговоры с талибами, о которых так много говорят СМИ, правительства великих держав, невозможны, поскольку вести переговоры, по сути, не с кем. И проект Пограничного корпуса, предлагаемый американцами, как раз и направлен на достижение этой цели.

Итак, на данном этапе судьба пуштунского народа находится не только в руках их самих, заинтересованность в создании нового государства на карте мира есть у Соединенных Штатов Америки. Но, тем не менее, неугасающие конфликты на афгано-пакистанской границе не предвещают стабильности в регионе Южной Азии. Общая слабость этнополитического движения пуштунов не сможет привести к созданию Пуштунистана. Необходимо поднять националистические настроения среди пуштунского этноса, сформировать субъектность пуштунской элиты, тем самым объединить пуштунов Афганистана и Пакистана.

Библиографический список

1. Андрей Серенко. Американцы занялись Пуштунистаном // Информационный портал «Афганистан.РУ». 26.11.2007. URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/10578.html> (дата обращения: 19.08.2013).
2. Feroz Ahmed. Ethnicity and politics in Pakistan. – Oxford University Press, 1998. – 294 p.
3. Перестрелка произошла на афгано-пакистанской границе между пограничниками двух стран // Военный обозреватель. 02.05.2013. URL: <http://warsonline.info/pakistan/perestrelka-proizoshla-na-afgano-pakistanskoy-granitse-mezhdu-pogranichnikami-dvuch-stran.html> (дата обращения: 18.08.2013).
4. Пуштуны. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%83%D1%88%D1%82%D1%83%D0%BD%D1%8B> (дата обращения: 16.08.2013).
5. Слинкин М. Ф. Этнические проблемы в Афганистане (историко-политический анализ) // Вопросы духовной культуры – исторические науки. URL: http://archive.nbuv.gov.ua/articles/Kultnar/knp66/knp66_46-60.pdf (дата обращения: 19.08.2013).

6. The Constitution of Pakistan. Chapter 3: Tribal Areas of Part XII: Miscellaneous. URL: <http://www.pakistani.org/pakistan/constitution/part12.ch3.html> (дата обращения: 19.08.2013).
7. Pakistan debates key amendment bill // BBC News. 2 April 2010. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/8600447.stm (дата обращения: 18.08.2013).
8. Stumbling into Chaos: Afghanistan on the Brink. November 2007. URL: http://www.proasyl.de/fileadmin/proasyl/fm_redakteure/Newsletter_Anhaenge/130/Afghanistan_on_the_brink.pdf (дата обращения: 17.08.2013). Remembering Our Warriors. Babar “the great”. URL: <http://www.defencejournal.com/2001/apr/babar.htm> (дата обращения: 18.08.2013).

THE WORLD GOVERNMENT AS A CONSEQUENCE OF GLOBALIZATION. IS IT POSSIBLE?

V. A. Shakhova
Syktvykar State University,
Syktvykar, The Republic of Komi, Russia

Summary. This article observes if the modern world needs the World Government or not and could all humankind be united under one common political authority. Some questions are given for potential readers to ask themselves.

Key words: the World Government; globalization.

From the early history some politicians, historians, philosophers, experts have asserted that the world should be ruled from the one universal center [1]. But the idea of uniting humanity under one empire or monarch, however, became an ambivalent appeal by the seventeenth century with the entrenchment of the system of sovereign states after the Peace of Westphalia (1648). Nowadays some international institutions such as The United Nations Organization, The Group of Eight (G8), and The Group of Twenty (G20) have already appeared and now they partly remind of a prototype of the World Government [2]. But can we assert with confidence that appearance of such organizations is due to the trends of globalization? Is it correct to compare such organizations with the World Government? And the most significant question – is it possible to create the World Government nowadays and solve all the main problems of the modern society within this one body?

Nowadays the World Government is only a concept. And as any organization it should include not only features of international organization such as a presence of Charter, permanent membership, the budget, regular meetings and other characteristics [3]. For instance let's look at the United Nations Organization. It can't be the World Government a priori. It was created in 1945 «to maintain international peace and secu-

riety» [4] and it is still actual. But first of all UNO is organization with some particular goal. Of course we can't compare it with other organizations because it's more or less unified than others but it doesn't suit my interpretation of the World Government. As we know all organizations were created for some purposes but national interests, sovereignty, inviolability of borders were the most important principles which are still meant as inalienable. On the other hand the concept of World Government is larger and these principles would be subjected to risk. From this it follows that the World Government is concept of some institution which would rule the entire world including all the nations, all the existing international organizations touching and controlling all spheres of human life but the political activity and structure of states would be in priority. Do the countries need it and are they ready for creation of it?

Judging by nowadays situation it's impossible in nearest future. Despite the fact that the most if not all of countries are ready for integrating within one or even more international organizations they are acting differently there. The most vivid example in here is Asian countries and their integration. They started integrating after the European Union. Namely Association of South East Asian Nations (ASEAN) was founded in 1967 [5]. It's still functioning but in contrast to the European Union there aren't existing supranational structures which should govern the whole organization. So on the one hand there is just intergovernmental management in ASEAN and all of its members are positioning themselves firstly as independent states because it's very important for them (all of members are former colonies) and the membership in organizations isn't so important for them as it's significant for European countries. On the other hand in European Union there is well-coordinated system of government and it seems that we can't imagine today all European countries to be splintered. So this example demonstrates that all countries are ready for integrating but in varying degrees. And there's a question from here again – how can the same former colonies agree with the idea of creating the World Government by their own request?

It's just the only one example of the fact that it's not impossible to create the World Government. UNO (as the most vivid prototype of this) doesn't manage its task in increasing frequency, the world faces new problems and conflicts, economic interdependence is increasing... The future plans of the different states' governments depend on how they interpret these facts and how they would ask questions above.

In 1944 Mr. Mortimer Adler published the book named «How to think about war and peace» in which he resolutely protected the World Government as guarantee of maintenance of peace [6]. Maybe person who was writing at the height of the II World War was right?

References

1. World Government // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/world-government/>
2. Thomas G. Weiss What Happened to the Idea of World Government? // The International Studies Association (ISA). URL: http://isanet.ccit.arizona.edu/newyork09/Weiss_ISA_SPEECH_final_18_Feb_2009.pdf
3. Ernst B. Haas When Knowledge Is Power. Three Models of Change in International Organizations // UC Press E-Books Collection, 1982-2004. URL: <http://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?docId=ft6489pomp;brand=ucpress>
4. Charter of the United Nations // United Nations. URL: <http://www.un.org/en/documents/charter/index.shtml>
5. The Founding of ASEAN // Association of South East Asian Nations. URL: <http://www.asean.org/asean/about-asean/history>
6. Mortimer J. Adler How to think about war and peace // The great ideas online. Nº 211. URL: <http://www.thegreatideas.org/aww/tgio211.pdf>

II. ЯЗЫКОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АРХЕТИПЫ В НАЗВАНИЯХ РАСТЕНИЙ ПО ЦВЕТОВОМУ ПРИЗНАКУ

З. А. Суджян

Ереванский государственный университет архитектуры
и строительства, г. Ереван, Армения

Summary. This article observes the etymology of Armenian Highland phytonyms. The carried-out comparative study, the roots and origin analysis of Roman and German languages show that these terms were formed in the era of the Indo-European languages community and they have their own dialectal features.

Key words: phytonyms; cornflowers; blood lily; whiteweed; etymology; semantic status.

Номинация растений связана с определенной логикой надделения растений соответствующим семиотическим статусом на основании одного из их объективных признаков – цвета. Нами выделены фитонимы, относящиеся к флоре Армянского нагорья, Малой Азии и Европы. Во многих терминах прослеживается связь между наименованием растения и определенным явлением окружающего мира, чаще всего с явлениями природы, в которых тоже отражено понятие цвета. Приведем некоторые из них с целью сравнительного семантического анализа.

Армянскому названию растения *լիպլիածաղիկ*, или *ցորենածաղիկ*,¹ соответствуют в англ. *cornflower*, нем. *Kornblume*², лат. *Centaurea cyanus*, русск. *василёк*.

Арм. *լիպլիածաղիկ* и *ցորենածաղիկ* – сложные слова, вторая часть которых – видовой показатель *ծաղիկ* ‘цветок’. В *լիպլիածաղիկ* ‘синий цветок’ слово *լիպլի*³ Р. Ачарян возводит к пехл. *karot*, перс. *karid*, санск. *karota* ‘пепельно-синий’, а перс. *kabutar*, по Г. Гюбшману, ‘голубь’. По М. Фасмеру, производное от

¹ Источником армянского фактического языкового материала служит для нас словарь *Ռ. Ղազարյան . Բուսանունները բառարան (далее – ԲԲ), Երևանի պետական համալսարան, Եր., 2002, տես՝ լիպլիածաղիկ:*

² Никифорова А. С. Немецко-русский и русско-немецкий словарь (далее – НР). Изд-во «Цитадель-Трейд». См.: *Kornblume*.

³ Աճառյան Հր. Հայերեն արմատական բառարան (далее – ՀԱԲ), հ. II, ԵՀՀ, Եր., 1973, տես՝ *լիպլի*:

голубь – ‘голубой’¹, что полностью соответствует арм. *լիսլոյլ*, но не *սիսլոյլ*. Возможно, синий цвет приобрёл современный смысл под влиянием моря, сверкающего под лучами солнца, или цвета неба с сияющим на нём солнцем. В эпосе «Давид Сасунский» отец Цовинар – владыка *синего* морского царства – крепости *Կիսլոյլ կողմ* ‘синяя сторона’, или *Բերդ Լիսլոյլի* ‘синий замок’, на южном берегу Ванского озера.

Вторая лексема – *ծաղիկ* Р. Ачаряном не этимологизирована, но во всех случаях *ծաղիկ*, *ծաղկել* – синонимы слова *рост* (растения). Патрубани сопоставляет *ծաղ* и *ծաղիկ*, считая, по-видимому, что в слове *ծաղիկ* суффикс *իկ*², тогда как *ծաղ* – основа слова. Г. Б. Джаукян приводит слово *ծաղիկ* как пример отклонения от закономерностей палатализации переднеязычных, необычный для армянского языка, когда **dh > c* ‘*ծաղիկ*’ (цветок) – арм. *dalar* ‘зелёный’, ‘молодой’ восходит к и.-е. **dhal* ‘цвести’, ‘зеленеть’ при **dhel* ‘светить’, ‘светлый’, откуда арм. *դաղիկ* ‘желтый’ и **tal* ‘расти’, ‘зеленеть’³.

Арм. *ցորենածաղիկ* ‘цветок пшеницы’ – сложное слово, состоящее из двух основ: *ցորեն* и *ծաղիկ*. Лексема *ցորեն* Р. Ачаряном не этимологизирована. Он приводит *ցորեն* и мнение ряда лингвистов, которые предлагают очень большой разброс вариантов: *молоть*, *травя*, *золото* и др. Й. Шефтеловиц предлагает санск. *kana* ‘зерно’, и это значение мы будем рассматривать. Однако следует учесть, что древним индоевропейским словом в значении ‘зерно’ является форма и.-е. **H₂at*, которой соответствуют арм. *հաւ* ‘зерно’, др.-в.-нем. *ezzeesc*, готс. *atisk*⁴.

Синонимами к арм. *ցորեն* являются значения в современном армянском языке: *հացահատիկ*, *հատիկ*, *ճնն*, *կարմրահատ*, *պիտակահատ*, *հաճար*, *քրիկ* и др. Эти термины означают разные сорта пшеницы, что свидетельствует о высокой степени селекции данного растения среди армян. В основе ряда приведенных выше терминов лексема *հաւ* ‘зерно’, которая также встречается в прозвище богини плодородия и зерна Анаит – *Ոսկեհաւ* ‘Золотое зерно’, или ‘Золотое семя’. Одним из прозвищ Великой богини-матери Деметры было Сито ‘хлеб’, ‘мука’. Статуя

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка (далее – ЭСРЯ). Т. I. М.: Прогресс, 1986. См.: *голубь*.

² ՀԱԲ, h. I., 1973, տե՛ս *ծաղիկ*:

³ Джаукян Г. Б. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ер.: АН АРМ ССР, 1967. С. 207, 210.

⁴ Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси: Изд-во Тбилисск. ун-та, 1984. С. 656.

⁵ Սուրբաշտիս Ս. Հայոց լեզվի հոմանիշների բառարան, Հայկական ՍՍՀ ԳԱՀ, Եր., 1967, տե՛ս *ցորեն*:

Деметры Хлебной упоминается у Элиана (1, 27). Гималида ‘Мучная’ – эпитет Деметры как богини, дарующей зерно.

Первичный ареал культивирования пшеницы локализуется в Передней Азии, где найдены ее дикие сорта. И не случайно, что изделия из пшеницы были основной повседневной и ритуальной праздничной пищей армян. В армянской традиции известны употребление изделий из пшеницы в натуральном виде и в виде разнообразных круп, изделий из размолотых зерен – муки.

Зерно как пшеница в данном контексте можно принять условно, и тогда арм. *ցորեն* будет соответствовать англ. *corn* ‘зерно’, ‘пшеница’, а арм. *ծաղիկ* ‘flower’, ‘цветок’, т. е. *cornflower* – официальной номинации цветка *ցորենածաղիկ* в английском языке. Однако лексема *ցորենածաղիկ* ‘цветок пшеницы’ не имеет мотивации ни по цвету, ни по внешнему виду в соотношении с русск. *васильком*.

В нем. *Kornblume* – сложное слово, где *Korn* ‘зерно’, ‘blume’ ‘цветок’, что соответствует арм. *ցորենածաղիկ* и англ. *cornflower*.

Лат. *Centaurea¹cyanus* – сложное слово, заимствованное от греч. ‘*κένταυρος*’² – *κεντέω* ‘колоть’, ‘ранить’ и *ταῦρος* ‘бык’, т. е. ‘колющий (нападающий) бык’, указывает на убийство и на внешний признак – головку цветка с колючками. Если внимательно присмотреться к лепесткам цветка, можно заметить, что каждый напоминает корону. Свое название растение предположительно получило от имени кентавра Хирона, умеющего врачевать целебными травами, т. к. содержит греческие слова *κένταυρέα/κένταυριον*, что означает ‘принадлежит кентавру’ и *χῦανός* – ‘синий’.

Василёк в русском гербарии считается лекарственным растением, и с древних времен его применяли для получения синей и голубой краски. С васильками у славян связано два праздника: «пошел колос на ниву, на белую пшеницу, уродись на лето рожь с овсом, со дикушей, со пшеницей» – отмечался при появлении колосьев на ниве и «именинный сноп» – проводился в конце лета перед уборкой урожая. Женщины-хозяйки выходили с хлебом и солью зажинать ниву. Вязали первый сноп, украшали его васильками и ставили в красный угол дома. Первый сноп и носил название именинника.

Васильки имели широкое ритуальное применение – их клали за иконы, украшали кресты в церквях на Троицу, из васильков плели обрядовые венки. Считается, что сакрализация этого растения связана с легендами о нахождении Креста Господня. Так, сестра Константина Елена на месте, где иудеи спрятали крест Спасителя, обнаружила пахучую целебную траву – базилик / василик. Васи-

¹ Латинско-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. См.: *Centaurea*.

² Древнегреческо-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий. Т. I. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. См. *Κένταυρος*.

лиск – вид ящерицы, змея, *rex serpentium* ‘царственная змея’. В христианской традиции бытует версия, что василек олицетворяет Антихриста, дьявола, который появился из яйца, снесенного жабой. Лексема *basil / vasi*, т. е. *базилевс* – *царский, великолепный* соответствует имени собственному Василий и названию армянских ритуальных новогодних печений – куколок (*р*)*шիհլ-րшիհլ*, которые являются хлебными изваяниями божества плодородия.

Этот цветок имеет множество диалектных вариантов названий: *блават (синий), синецветка, синьки, синюшник, ржаная лоскутница* и др. Русск. *синий* цвет связан со словом ‘сиять’, ‘блестящий’, ‘сверкающий’, ‘сияющий’, др.-инд. *chaya* ‘блеск’, ‘тень’¹. Как видим, в слове ‘синий’ содержится значение ‘тёмный’, например, в выражении ‘иссиня-чёрный’, что встречали при разборе армянского цветка *լիւլիւնիկ*.

В данном случае связь арм. *ցորեն*, англ. *corn*, нем. *Korn* с изготовлением из пшеничной муки куколок (*ц*)*шի/րшիհլ* очевидна, а также с русским обрядом символического посева и цветения как залогом хорошего урожая. В то же время *լիւլիւն* ‘синий’ цветовой признак растения.

Так, все значения приводят к выводу, что армянское, английское и немецкое названия цветка являются калькой. В настоящее время трудно определить, какой язык был основой для производных терминов, но понятно, что этот термин сложился в среде земледельческого народа, где зерновые были основным средством существования, ‘царской пищей’. Слово ‘зерно’ встречается во всех названиях данного растения, кроме русского, т. к. оно растет в изобилии на поле с зерновыми культурами.

С красным цветом связан цветок *սրբնիւշնշի*, или *սրբնիւծաղիկ*, англ. *blood lily*, нем. *Blutblume*, лат. *Haemanthus coccineus*, русск. *хемантус*.

В армянском языке имеет место словосочетание, или словосложение, из двух основ *սրբնի* (*ariwn*) и *շնշի* с соединительной служебной морфемой. В данном случае нас интересует основа *սրբնի* / *սրբնի* ‘кровь’ – ‘*սրենիւղնրթնի*’, которая восходит к и.-е. **esHr/-n(t^[h])* ‘кровь’, санск. *aruna* ‘красный’.

Рассмотрим слово *շնշի*. По Р. Ачаряну, семитское имя *Сусанна* в оригинале звучало как *Шошана* ‘šošan’, или ‘šušan’, что означает ‘белая водяная лилия’, ‘белая лилия’, или ‘лотос’². Дословный перевод имени *Շնշի* стал еще одним вариантом – *Лилия*, которое, как и *Сусан* – *Шушан* – *Шушаник*, распространено в Армении и воспринимается как подлинно национальное.

¹ ЭСРЯ. Т. III. М., 1987. См.: *синь*.

² ՀԱԲ, հ. III, Եր., 1977, տե՛ս շնշի:

Синонимичное название растения *սրբնիւծաւիղի* ‘крававый цветок’ связано с армянским преданием. В нём рассказывается, что этот цветок родился от крови мученика Вардана. Поэтому его собирают и сушат, а на Масленицу, во время праздника Вардана, толкут и посыпают им порог дома и тоныр.

Англ. *blood lily* ‘крававая лилия’, нем. *Blutblume*, где *Blut* ‘кровь’, а *blume* ‘цветок’, а лат. *haemanthu coccineus* происходит от греч. *haema* ‘кровь’ и лат. *coccineus* ‘красный’ (алый), т. е. ‘красная кровь’. Так психологически сближаются, точнее, воспринимаются как близкие, два термина – *красный* и *кровь*. Это соответствует внешнему признаку растения, цветки красноватые.

В смысловом значении первая основа в армянском, английском, немецком и латинском совпадают как цветовой признак – *кровь* (красный), а в русском языке – заимствование из греческого, тоже восходит к цветовой характеристике. В армянском и английском совпадают собственно названия цветка – *лилия*, что в немецком заменяется словом ‘цветок’.

Арм. *Ոսկեշիվ*, или *ոսկեւոտն*, англ. *goldenrod*, лат. *Solidago virgaurea*, русск. *золотая розга, золотарник*.

Арм. *ոսկեշիվ* состоит из двух корней *ոսկե* ‘золотой’ и *շիվ* ‘прут’ с соединительной гласной *ե*. Арм. *oski* ‘золото’, как фин. *vaski* ‘медь’, предполагает более раннюю форму с группой *sk/-sh-* (ср. регулярные чередования типа *-h-/-k-* в древних языках Малой Азии)¹.

Англ. *goldenrod* состоит из двух корней. Здесь имеет место не собственное сложение, образованное от самостоятельных частей речи, а сохранение в своём составе целиком двух слов: *golden* ‘золотой’ или ‘желтый’² и *rod* ‘прут’.

В русск. *золотарник* также является сложным словом, где основа *золот(о)* соответствует арм. *ոսկե* (*h*), ст.-слав. *злато*, вост.-лит. *želta’s*³. С древнейших времен блеск золота сопоставлялся с блеском солнца (лат. *sol*), отсюда русск. ‘золото’.

Английское и немецкое слово *gold*, голландское *goud* в европейских языках связаны с и.-е. *ghel* ‘золотой’.

Научное родовое название растения состоит из двух слов *solidago virgaureus* от лат. *solidus* ‘крепкий’, ‘здоровый’, благодаря его лекарственным свойствам, а видовое – от лат. *virga* ‘прут’ и лат. *aureus / aurum* ‘желтое’ и родственно с Авророй (*Aurora*) – богиней утренней зари. В армянской мифологии ей соответствуют Арус, Аршалуйс, санскр. Ушас.

¹ Иванов В. В. История славянских и балканских названий металлов. М. : Наука, 1983. С. 105.

² Diana Adams. Chief Lexicographer. – Glasgow : Collins Paperback English Thesaurus, 1998. С. 272. См.: *golden*.

³ ЭСРЯ. Т. II. 1986. См.: *золото*.

Итак, сравнение указывает, что в основе словообразования – калька *золотая розга*, где *золотой* – окраска цветков в соцветии, а *розга* – по подобию стеблей на прутьях.

Арм. *սպիտակածաղիկ*, *սպրեւ-չսպրեւ*, *սպրեւ-մեռնեւ*, *սպիտակ մարգարտածաղիկ*, *վարդավարի ծաղիկ*, *ջանգլուլուի ծաղիկ*, англ. *whiteweed*, *oxeye daisy*¹, нем. *Wiesen-Wucherblume*, лат. *Leucanthemum*, русск. *нивяник*, *поповник*.

Словообразование арм. *սպիտակածաղիկ* состоит из цветового показателя *սպիտակ* ‘белый’ и видового *ծաղիկ* ‘цветок’. Арм. *սպիտակ*, пехл., перс. *spetak*, *sipeda* / *siped* восходят к и.-е. *k’uen-to* и *k’uei-t* со значением ‘светить’, ‘сиять’, ‘святой’, ст.-слав. *sveti* ‘белый’, ‘блестеть’, ‘свет’, ‘свят(ой)’². Слово *ծաղիկ* Р. Ачарян не этимологизирует. Он приводит мнение Патрубани, который сопоставляет *ծաղր* и *ծրծաղ*. Х. Педерсен рассматривает *γελείν* ‘ψαγῆν’, ‘ծաղῆν’ и *γελαω* ‘ծրծաղῆν’.

В англ. *whiteweed*, где *white* ‘белый’, *weed* ‘сорная трава’, в *oxeye daisy* – *ox* ‘бык’, *eye* ‘глаз’ (бычий глаз), *daisy* ‘маргаритка’ (ср. *սպիտակ մարգարտածաղիկ*).

В нем. *Wiesen-Wucherblume* – *Wiesen* ‘луговой’, *Wucher* ‘рост’, ‘высокий’, *Blume* ‘цветок’³.

Русск. *нивяник* в словаре М. Фасмера не значится. В русск. *нивяник* чаще называют *луговой ромашкой*, поскольку растет на лугах во всех регионах Евразии с умеренным климатом. Здесь наблюдается совпадение *луговой* с немецким *wiesen*. Нивяник длительно цветёт, всё лето, в том числе и в день Ивана Купалы – праздник, аналогичный армянскому празднику Вардавар (*Վարդավար*), отсюда и синонимичное название *վարդավարի ծաղիկ*. Этот белоснежный цветок с золотой серединкой является символом Солнца, за что растение получило названия *Иванов цвет*, *солнечник*, *золотистый цветок*, *белица-трава*.

Латинское название *Leucanthemum* состоит из греч. *leukos* ‘белый’ и *anthemon* – ‘цветок’, где цвет растения относится к внешнему признаку и обозначает окраску краевых язычковых цветков в соцветии.

Цветок арм. *սպրեւ-չսպրեւ*, *սպրեւ-մեռնեւ* ‘жить-не жить’, ‘жить-умереть’, или *մարգարտածաղիկ* ‘цветок Маргариты’, ‘маргаритки’ похожи на ромашку, и поэтому по лепесткам гадают, выдергивая их поочередно и приговаривая: *սպրեւ-չսպրեւ* или *սպրեւ-*

¹ БАРС. См.: *oxeye daisy*.

² ՀԱԲ, h. IV. 1978. տե՛ս *սպիտակ*: Подробно см.: **Топоров В. Н.** Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре – *svet // Языки культуры и проблемы переводимости. – М.: Наука, 1987. С. 184–246.

³ НР. См.: *Wiesen-Wucherblum*.

վերնուել. По всей вероятности, *ջանգյուլուսի ծաղիկ* (*Համբարձման ծաղիկ*) ‘цветок Вознесения’, *վարդավարի ծաղիկ* ‘цветок Преображения’ – оба названия связаны со сбором цветов и обрядовой процессией с подношением букетов жителям села и гаданием, которое имело место в праздник Вознесения Господня либо на Преображение Господне. Другое русское название цветка *поповник* тоже имеет отношение к христианскому термину в переносном значении ‘святой’.

В то же время *վարգարիսի ծաղիկ* ‘цветок Маргариты, маргаритки’ указывает на имя Марии Богородицы, и это дает основание полагать, что он некогда имел сакральную функцию не только как цветок, на котором гадали, но и был священным символом Св. Марии. Если суммировать все значения, то можно отметить связь цветового и светового понятий: белый – светлый и светлый – святой.

По всей вероятности, в сложившихся наименованиях цветов большое значение имело психологическое восприятие внешнего вида цветка, его цвет, сравнение с другими предметами окружающего мира. Часто народ старался настолько точно охарактеризовать растение, что складывались словосочетания как родовое и видовое определение. Мы считаем, что приведенная выше терминология, связанная с названиями растений, – это диалектные варианты, сложившиеся внутри индоевропейского сообщества еще до лингвистического отделения языков и народов. Но где была их прародина, как двигались племена, – отдельная проблема, не входящая в нашу компетенцию.

Библиографический список

1. Ղազարյան Ռ. Բուսանունների բառարան. – Եր. : Արեգ, 2002.
2. Никифорова А. С. Немецко-русский и русско-немецкий словарь. – М. : Цитадель-Трейд, Вече, 1997.
3. Աճարյան Հր. Հայերեն արմատական բառարան. – Եր. : Երևանի համալսարանի հրատարակչություն, 1973.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М. : Прогресс, 1986.
5. Джаукян Г. Б. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. – Եր. : Изд-во Академии наук Арм. ССР, 1967.
6. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси : Изд-во Тбилисск. ун-та, 1984.
7. Սուրբիսյան Ս. Հայոց լեզվի հոմանիշների բառարան. – Եր. : Հայկական ՍՍՀ գիտությունների Ակադեմիայի հրատարակչություն, 1967.
8. Петросян Э. Х. Шара и Астхик – верховные боги Ширака // Историко-филологический журнал. – Եր. : ՀՀԳԱԱ «Գիտություն» հրատարակչություն, 2007. – № 3.
9. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1949.
10. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.

11. Иванов В. В. История славянских и балканских названий металлов. – М. : Наука, 1983.
12. Adams Diana. Chief Lexicographer. – Glasgow : Collins Paperback English Thesaurus, 1998.
13. Гальперин И. Р., Медникова Э. М. Большой англо-русский словарь. В 2 т. – М. : Русский язык, 1987.

ИСТОРИКО – ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНГЛИЙСКИХ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ

И. М. Байкова

**Каспийский институт морского и речного транспорта –
филиал Волжской государственной академии водного
транспорта, г. Астрахань, Россия**

Summary. This article observes historical and etymological aspects of some marine terms concerning sphere of freight and insurance affair.

Key words: historical and etymological aspects; marine terms; freight and insurance affair.

Морская терминология представляет собой лексику, интересную с точки зрения истории её возникновения, становления и развития.

Прослеживая этимологический ряд отдельных морских терминов, мы старались раскрыть самую суть понятий, относящихся к области фрахтового и страхового дела.

Остановим своё внимание на некоторых из них. Так, термин *demurrage* образован от древнефранцузского (XVII в.) *demorage*, от *demoger* «задержка, запаздывание», от латинского *demorari* «задерживаться, мешкать», от *de* («от», «вдали от») + *morari* («отложить»), от *morā* «пауза, задержка».

Русский термин «демередж» явно заимствован из английского языка, но со временем он претерпел фонетические изменения и имеет отличное от английского языка произношение. Скорее всего, здесь представлено лексико-графическое заимствование.

Обратившись к истории функционирования слова *freight* – фрахт, мы выяснили, что исходным было слово *fracht* – из позднего голландского или немецкого *vracht*, *vrecht*. Т. е. изначально оно означало транспортные расходы (XIII в.) и, вероятно, произошло от утраченного древне-фризского слова, от прото-германского *FRA-aihtiz* «абсолютное владение, собственность» (древний верхненемецкий *frecht* – «прибыль»). Интенсивный префикс *FRA* + *AIK* и означает «быть хозяином, владеть». С конца XIV в. Это слово имеет значение «транспортировка грузов или пассажиров за деньги». В датский язык *fragt* и в шведский *Frakt*, по-видимому, эти слова также пришли из фризского языка. Как глагол слово функционирует с XIV в.

Русский термин «фрахт» является фонетической калькой от немецкого *Fracht*, поскольку и в английском, и в русском языке эти слова являются заимствованиями, то по значению они идентичны.

Ещё один часто встречающийся термин *charter*. Он произошёл от древнефранцузского *chartre* (XII в.) – «договор, письмо, документ», а прежде – от латинского *chartula*, что означает в буквальном смысле «малая бумага», уменьшительное от *charta*, *carta* «бумага, документ».

Русский морской термин «чартер» представляет собой графическую кальку от английского *charter*, а его значение целиком совпадает с английским термином.

Рассмотрим этимологический аспект термина *notice*. Значение его – «информация, интеллект» появилось в XVII в.

Это слово произошло от среднефранцузского *notice* (XIV в.), а прежде взято из латинского языка, где *notitia* – «известность, знаменитость, слава, знание». От *notus* – «известный», причастия прошедшего времени от *(g)noscere* «узнавать, знакомиться (с)» от *gno-sko-*, суффиксальной формы корня *gno-*. В значении «официальное предупреждение» это слово зафиксировано с конца XVI века. Значение «знак, предоставляющий информацию» появилось в начале XIX века.

В русском языке существует термин «нотис», который является графической калькой и имеет более узкое лексическое значение.

Таким образом, мы проследили эволюцию некоторых морских английских терминов, которые либо сохранили английское произношение, их смысловое значение, либо претерпели существенные изменения в переводе в ходе их использования в морской практике.

Обращение к терминам, имеющим историческое значение, обусловлено стремлением раскрыть этимологию этих терминов с целью их лучшего восприятия и запоминания, расширения рамок лингвистической культуры и повышения интеллектуального уровня.

Библиографический список

1. Аллен Р. Толковый словарь английского языка // *Oxford Primary Dictionary*: более 30000 слов. – М. : Астрель: АСТ, 2007.
2. Большой Оксфордский толковый словарь английского языка // *Oxford School Dictionary*: 45000 слов и выражений / под. ред. А. Делаханты, Ф. Макдональда. – М. : Астрель: АСТ, 2007.
3. Хугаева Л. Р. 4500 базовых слов английского языка и их исторические корни // *Учебный словарь-справочник*. – М. : Издательство НЦ ЭНАС, 2005.

КОНЦЕПТ ЭТНИЧЕСКОГО “ЧУЖОГО” В ФОЛЬКЛОРНОЙ ПРОЗЕ

И. В. Грищенко

Институт филологии, Киевский национальный
университет им. Тараса Шевченко, г. Киев, Украина

Summary. The article is devoted of the researching into the concept of the ethnic Alien in folklore prose. It ascertained that only aspiration to understand and perceive ethnic Alien can become a way to the to strengthening of positions of ethnic Other.

Key words: folklore prose; concept; ethnic Alien; ethnic Other.

Современная научная парадигма характеризуется повышенным интересом к проблеме этнического – изменения в геополитической ситуации постоянно требует все новых и новых ответов специфику построения взаимоотношений представителей разных этносов. На территории постсоветских стран эти процессы обуславливаются этническим ренессансом, который несет в себе не только интерес к своему этническому началу, но и новый взгляд на своего иноэтнического соседа. Часто этот процес пытаются ограничить только воспоминаниями давних обид, вытягивание на поверхность давних конфликтов.

Богатым информационным источником, который содержит важную информацию об этноментальных особенностях, бытовой специфике, исторических событиях, этнических и культурных контактах, по праву является фольклор. Е. Ивановская указывает, что фольклорный феномен выступает как общее знание и общее достояние этноса, социальной группы, отдельных индивидов при условии, что представляет традиционные коллективные ценности [4, с. 35].

Объектом исследования является фольклорная проза (социально-бытовые сказки, анекдоты, народные рассказы) в записях фольклористов конца XIX – начала XX вв. на территории Украины, в которых действуют представители разных этносов. Предмет составляет специфика репрезентации фольклорного концепта этнического “чужого” в народной прозе этого периода. Цель исследования – исследовать фольклорные тексты конца XIX – начала XX вв. (социально-бытовые сказки, анекдоты, рассказы) как статическую систему для выявления концепта этнического “чужого”.

Среди исследований концепта “чужого” в контексте этнической оппозиции “свой/чужой” заслуживают на внимание работы Л. Гумилева, В. Топорова, Ю. Кристевой, В. Иванова, Ю. Степанова, А. Юдина, М. Элиаде, А. Серебрянниковой, О. Беловой, М. Петроченко, О. Стоколос-Ворочук и др. Новизна исследования состоит в выделении основных признаков, которые демонстрируют наличие фольклорного концепта этнического “чужого” в фольклорной прозе.

Согласно исследованиям В. Масловой, концепт – метальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения – совокупность языковых средств. <...> концепты – это не любые понятия, а лишь наиболее сложные, важные из них, без которых трудно себе представить данную культуру. Концептом становятся только те явления действительности, которые актуальны и ценны для данной культуры <...>, являются своего рода символами, эмблемами, определенно указывающими на породивший текст, ситуацию, знания. Они являются носителями культурной памяти народа” [6, с. 37–38]. Ю. Эмер акцентирует на отличии концептов фольклорного дискурса от концептов других дискурсов, которое состоит в специфике содержания, которая обуславливается коллективной установкой фольклорного социума. “Отражая коллективные ценностные установки, фольклорный дискурс в художественной форме представляет обобщенный взгляд на стереотипные бытовые и бытийные ситуации, в фокусе внимания оказываются ценностно значимые события (в широком понимании)” [11, с. 92-93].

Введя понятие этноса как группы людей, противопоставляющей себя всем другим таким же коллективам, Л. Гумилев указывает, что основу составляет не сознательный расчет, а чувство комплиментарности – подсознательное чувство взаимной симпатии и общности людей, определяющего диаду “мы – они” и, соответственно, деление на “своих” и “чужих” [цит. по: 9, с. 18]. Для определения “своих” и отделения их от “чужих” существуют целая неписаная система. Исследователи указывают, что желание формировать своеобразные классификации (в основу которых положено свое впечатление о них, опыт) – является базой системы основных свойств человека, которое помогает ему преодолеть страх перед континуальностью вселенной, ведь, по выражению Р. Барта, “ничто так не ободряет, как классификация”. Ю. Лотман, исследуя основные механизмы семиотической индивидуальности, выделяет границу как пространство, определяющееся “как «наше», «свое», «культурное», «безопасное», «гармонически организованное» и т. д. Ему противостоит «их-пространство», «чужое», «враждебное», «опасное», «хаотическое»” [цит. по: 5].

М. Петроченко заявляет о схожести знаний о жизни у разных этносов, но при этом акцентирует внимание на отличии в формах его хранения и передачи, что позволяет развиваться осознанию друг друга как “чужих”, “не таких” [9, с. 18]. Не зря говорят об этническом “чужом”: “Одного Бога люде, да поведенція не в кожного однака” [7, с. 125], поэтому в фольклорных жанрах выступают иноэтнические представители. Когнитивность этих текстов – неоспорима, в фольклорных текстах прослеживается многоаспектное выделение концепта этнического “чужого”, которое базируется на:

- представленнях об отличии в происхождении этноса. Каждая этническая группа в начале процесса зарождения и формирования стремится к отмежеванию, отделению от других этнических групп, выделения “своих” представителей, наделению их лучшими качествами. В исследуемых текстах этногенез представлен специфическим образом: *“Петро робив хохлів з пшеничного тіста, а Павло – москалів з рудої глини”* [7, с. 101–102], Ап. Петр из пшеничной муки *“та й злипыв галушку, а с тыейи галушки зробив чоловіка и настромив його на тын, на колок, сохнуты. <...>И, Господы! Буде йим мисто и понад Десною и за Десною”* [3, с. 122], *“Приходе Господь, духнув – пішов москаль, духнув – пішов француз; всі народи пішли, а поляка нема. Де поляк? Собака ззіла. Пішов Господь та на мосту і догнав, як ухвате її за вуха, як ударе об міст, вискочив Мостовецький, як ударе об землю – пан Земнецький, як вчеше татарина по брюху – вискочив пан Брюховецький та й пішли”* [7, с. 70] и др.

- предопределенности Богом судьбы для всех представителей этноса. В фольклорной прозе представлен мотив прихода представителей определенных этносов к Богу, который наделяет всю этническую группу общей судьбой (*“Поведу тя, Кальвіне, на добру землю; принесе ти вода риби, усе будеш їсти: риби, ачей м'ясо і кочанину”* [7, с. 18], *“но циганин-сигіятко не постиг, бо вже Бо[г] долю роздав, яку мав. – Но, – кажи циганин, – то-то би лем бити. / Но, циганин ы ннесь б'э клепачом все”* [7, с. 19], *“Та ти будеш з-за роботи жити, русине. <...>Одвів го у руський край, де пудла земля, що все треба робити, кидь хоче жити”* [7, с. 19], *“А то ж як не дати: я не дам, другий не дасть, третій, як же йому жить у Бога, де він візьме? Аже ж йому з голоду, значить, треба пропасти; на те він і циган – такий уже його хліб”* [7, с. 69]; *“Святий Петро і каже Христу потихеньку: Цьому чоловікові бути хохлом-хліборобом: він вік буде хліб робити. <...>А цьому чоловікові бути москалем, і він буде лапті плисти і в лаптях ходити”* [7, с. 102] и др.).

- отличии в религиозном плане. Религиозная принадлежность имеет огромное значение, поскольку это не только оценочный образ “чужого”, зафиксированного в культуре, это важнейшая составляющая этнокартины мира. Этноконфессиональные стереотипы по праву принадлежат к этнодифференцирующим и структуротворческим компонентам, важные для познания “своей” и “чужой” религии, обрядовости, культуры (*“-Ох, – каже, – Іванче, тут мені було нещастя: як вилізло с підколись – чорна морда, довгий ніс, ше й дві кгукголки коло ніс, то я думало, що й мене злість. Я кажу: «Осиной», а воно лізе; як сказав я руське «Харовими», то воно так і щезло, і прямо ускочило у воду. Значить, шо руське «Харовими» старше”* [7, с. 45–46], неверующие, безбожники [7, с. 202] и др.).

- мифологический контекст позволяет выделить представления о связи этнического “чужого” с представителями потустороннего мира. Элементы “чужой” культуры, иноэтнические представители часто воспринимаются этнофорами как что-то угрожающее, опасное, даже, существует представление о тесной связи с потусторонним миром, с персонажами народной демонологии. Ученые указывают, что специфика отношения к “чужим” в народной культуре состоит в объединении бытового и мифологического планов (и доминирует всегда мифологический), а представления об иностранцах всегда обращены к “суеверной” перспективе [1, с. 37]. Результаты научных выводов указывают, что оценка “чужих” как враждебных и опасных существ берет начало еще из архаических верований о том, что пришлые и не принадлежащие близкой общности люди являются представителями “другого” мира и наделены необычными волшебными способностями [1, с. 47]. Только представители “своего” этноса наделяются статусом “человек” (В украинских народных представлениях черт мог явиться в облике этнического “чужого”: “хлопця такого, як оран” [8, с. 418], превращается в еврея по имени Нухим и пугает людей [2, с. 136] или же черт имел вид “пана, одетого по-немецки” [12, с. 566]).

- маркирование этнического “чужого” как глупого, неумного, неумеху и т.д. По мнению Ю. Эмер, аксиологически фольклорный концепт ориентируется на антинорму, “через отрицание которой выстраивается идеальная модель мироустройства. Он аксиологически однолинеен, отражая оппозиционное моделирование мира: «добро/зло», «хорошо/плохо», «свой/чужой»” [11, с. 94]. Ю. Степанов указывает на связь с концептом “Чудо” как “явление, не объяснимое естественным порядком вещей”, а в некоторых формах и некоторых словоупотреблениях оба концепта прямо налагаются друг на друга (контаминируют). К таким случаям принадлежат, в частности, прилагательное *чудной* – по форме несомненно происходящее от корня *чуд-*, а по значению почти совпадающее с *чужой*, *чужий* “странный, необычный” [10, с. 484]. Возможно, поэтому этнический “чужой” в фольклорных текстах часто действует алогично (тонут в реке [7, с. 78–80], пытаются перетянуть церковь [7, с. 82], вместо церковной службы происходит святое подрыгание [7, с. 85–86], за жадность к меду – искусан пчелами [7, с. 93–94], пытается высидеть из тыквы жеребенка [7, с. 159–160] и т.д.).

Р. Штихве указывает, что наличие “чужого” способствует процессу прогресса, “общество в фигуре чужого создает для себя возмущения, которые необходимы для его дальнейшей эволюции <...> Это, конечно, не означает, что чужого вообще не существует, что он – лишь «плод воображения общества». Но общество формирует такого чужого, какой необходим ему для проведения инноваций через их воплощение в этой фигуре”. Исследователь указывает, что именно

эта удивительность “чужого” на самом деле лишь является кажущейся, и этот мираж необходим для сохранения нормативно-ценностных основ “от направленной на самое себя амбивалентности и вытеснить амбивалентность к границам общества, в фигуру чужого” [13].

Т.о, фольклорные тексты, зафиксированные в конце XIX – в начале XX вв., демонстрируют наличие концепта этнического “чужого”. Что удивительно, но и в начале XXI века доводится сталкиваться с недоброжелательным отношением или нелюбезными высказываниями по отношению как отдельным представителям определенного этноса, но и целому народу, только из-за событий произошли очень давно. Хорошо, что потомки знают и чтят свою историю, но лучше думать о будущем! Стремление понять и воспринять этнического “чужого” может стать путем к усилению позиций этнического “иного” – пусть и не такой, как этнически “свой”, но и не враг.

Библиографический список

1. Белова О. В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование): дисс... докт. филол. наук: специальность – 10.02.03. – М., 2006. – 264 с.
2. Гнатюк В. Знадоби до української демонології // Етнографічний збірник. – Т. XXXIII. – Ч. 2. – Вип. 1. – Львів, 1912. – 238 с.
3. Гринченко Б.Д. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях. – Вып. 1. Рассказы, сказки, предания, пословицы, загадки и пр. – Чернигов, 1895. – 307 с.
4. Ивановська О. Український фольклор: семантика і прагматика традиційних смислів: підручник. – К.: ВПК “Експрес-Поліграф”, 2012. – 336 с.
5. Кашкин В. Б. Маркеры своего и чужого в межкультурном диалоге // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности : в 2 ч. / [под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой]. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. – Ч. 2. – 2004. – С. 49-62. – Режим доступа: <http://kachkine.narod.ru/Articles2006/2004KashkineGlavaNR.htm>
6. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 296 с.
7. Міжетнічні стосунки в українських народних казках/ Упор., передм., приміт., словн. І.Грищенко. – К.: ЗАТ “Миронівська друкарня”, 2009. – 252 с.
8. Милорадович В. П. Заметки о малорусской демонологии // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. – К.: Либідь, 1991. – С. 407-430.
9. Петроченко М. Н. Семантический компонент "свой/чужой" в фольклорном и диалектном бытовом текстах: дисс... канд. филол. наук: 10.02.01. – Томск, 2005. – 227 с.
10. Степанов Ю. С. “Свой” и “Чужие”. Интернационализм и космополитизм. Русь, Россия, русские, россияне, родная земля // Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа “Языка русской культуры”, 1997. – 824 с.
11. Эмер Ю. А. Фольклорный концепт: жанрово-дискурсивный аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. №1(9). – Томск, 2010. – С. 91–99.
12. Ящуржинский Х. П. О превращениях в малороссийских сказках // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. – К.: Либідь, 1991. – С. 554–574.

13. Штихве Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://articles.excelion.ru/science/filosofy/12247940.html>

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД УКРАИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ КАК ПРИЗНАК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

О. С. Демина

**Барнаульский государственный педагогический колледж,
г. Барнаул, Алтайский край, Россия**

Summary. The article deals with the wedding ceremony of Ukrainian immigrants Altai Territory. Preservation of the integrity of the rite, depending on the time of migration and settlement in the territory of the cultural environment. The main stages of the wedding tradition Ukrainian immigrants.

Key words: culture; local history; oral history; Ukrainians; immigrants; Altai; wedding ceremony.

Проблема сохранения своей идентичности особенно актуальна для миграционных сообществ. К ним принадлежат и украинские переселенцы Алтайского края. Задача исследования – на примере свадебной обрядности украинских переселенцев Алтайского края определить степень сохранности, изменчивости украинских культурных традиций, определить результаты взаимодействия и взаимовлияния русской и украинской культур.

Сохранность украинской переселенческой культуры зависит от времени миграции и территории оседания переселенцев. Районы проживания украинских переселенцев представляют собой следующее. Кулундинский район располагается в западной степной зоне Алтайского края. Характеризуется наличием сёл с компактным проживанием столыпинских переселенцев из Украины. Мамонтовский район входит в центральную зону края, где украинское население преимущественно формировалось с 1890-х гг. до 30–40-х гг. XX в. и локально проживает в окружении русского населения. Бийский район относится к восточной зоне Алтайского края, характеризуется дисперсным расселением украинцев, переселившихся преимущественно в 50-е гг. XX в. в русскоязычные сёла. Полевые исследования в вышеперечисленных районах края позволяют восстановить целостность украинского свадебного обряда, степень его сохранности в иноэтничной среде.

Традиционный свадебный обряд украинцев условно подразделяется на три этапа: предсвадебный, собственно свадебный и послесвадебный. Первый этап характеризуется проведением каравайного обряда. Как главный свадебный атрибут каравай бытует на всей территории Украины. На Алтае эта традиция была зафиксирована в

среде украинских переселенцев, компактно проживающих в Кулундинском районе. Украинцы, проживающие локально или дисперсно, этого обряда не упоминают. Свадьбу было принято начинать в пятницу, поскольку считалось, что это наиболее благоприятный день для начала важнейших дел. В этот день и пекли каравай. Старожилы вспоминают: «В пятницу каравай лепим. Лепят те, кого пригласят, это должны быть порядочные женщины» [1]. Изготовление караваев начиналось с благословения каравайниц родителями жениха и невесты. Матери трижды крестили тесто. Каравай старались украсить сделанными из теста цветами, птичками. По воспоминаниям старожилки У. Е. Харченко: «Цветами украшали, и на палочках тесто в виде цветов втыкали в каравай» [2]. Хлеб, который выпекали для молодых, должен отличаться особо высоким качеством. С приготовлением караваев было связано немало примет. Вспоминает А. П. Погоньшева: «Заботились о том, чтобы каравай хорошо испёкся, если вдруг в нем трещина будет, то молодые могут развестись. Когда каравай пекли, то обязательно песни пели» [3]. Это свидетельствует о том, что в украинской свадебной традиции каравай наделяли магической силой, которая, по их мнению, должна была обеспечить счастье молодой семье. Кроме традиционного караваев при подготовке к свадьбе выпекали мелкое печенье «шишки», с которым шли приглашать на свадьбу.

Приглашение на свадьбу также являлось яркой отличительной особенностью украинской свадьбы, сохранившейся в Кулундинском районе. Как вспоминает З. В. Лушпенко: «Невеста и старшая дружка приходили приглашать в гости с поклоном, чаще под вечер. Шишку на стол кладут. Это означало приглашение, и больше ничего не говорят» [4].

Главной отличительной особенностью собственно свадьбы украинских переселенцев состояла в том, что родственники жениха и невесты гуляли каждый в своём доме со своими приглашенными гостями. Н. Н. Цыганий рассказывала: «После того как жених забирает невесту из дома, её родственники садятся за стол отмечать. А родственники жениха отмечают у него дома, вместе с молодыми» [5]. «У них своя гуляня, у нас своя. Гости вместе не гуляли, закон такой. Даже если они были с одной деревни. Так красивее, так лучше», – говорит Л. Н. Бабчук. По рассказам старожилов сёл Кулундинского района этот обычай сохранился в их среде до наших дней. Хотя теперь можно встретить и такие украинские свадьбы, где все родственники и гости гуляют вместе.

Среди отличий послесвадебного этапа у украинцев следует назвать снесь для молодой и ритуальное ряжение. В свадебном обряде украинцев, проживающих в центральных и восточных районах края с преобладанием русскоязычного населения, составляющими второго дня было подметание полов молодой, когда родственники и гости бросали для неё монеты. Обязательным моментом было и взаимное

одаривание. Молодая жена преподносила подарки новой родне: рубахи, рушники, платки. Крупные подарки невесте, как правило, делала её родня. Дарили домашних животных, утварь, материал. В Кулундинском районе по украинской свадебной традиции было принято на второй день приносить или привозить завтрак для молодой – снестать. Кроме того, старожилы Кулунды отмечают ряжение цыганами, которое не фиксируется в Бийском и Мамонтовском районах. Заходя во дворы приглашенных на свадьбу, ряженные ловили кур, уток, добавляли их к своим и всё несли в дом жениха. У. Е. Харченко вспоминает: «Песни спевали свадебные, веселые. Ряженные шли только к тем, кто гулял на свадьбе. Что могут, то и украдут. Раз гуляешь на свадьбе – то сторожи. Забирали яйца, огурцы и т. п. Приходят на гулянку и выворачивают сумку. Кто повар, тот и варит» [2].

Таким образом, из приведённого материала можно сделать выводы о том, что в Бийском и Мамонтовском районах традиционная свадебная культура переселенцев украинцев на современном этапе сохранилась слабо, что объясняется оторванностью от родовой территории и дисперсным проживанием в иноэтнической среде. В Кулундинском районе был зафиксирован локальный вариант украинского свадебного обряда. Причиной его сохранения является компактное проживание украинских переселенцев, существование украинских сёл и высокий процент украинского населения. Кроме того, взаимодействие украинской и русской свадебной традиции привело к взаимозаимствованию, взаимозаменяемости отдельных элементов свадебного торжества. Общность обрядовых моментов характеризуется единой основой формирования восточнославянской культуры.

Библиографический список

1. Беседа с жительницей с. Семеновка Кулундинского района Бабчук Л. Н. // Архив Лаборатории исторического краеведения АлтГПА (сектор устной истории и этнографии) : фонд устных источников.
2. Беседа с жительницей с. Златополь Кулундинского района Харченко У. Е. // Архив Лаборатории исторического краеведения АлтГПА (сектор устной истории и этнографии) : фонд устных источников.
3. Беседа с жительницей с. Семеновка Кулундинского района Погоньшевой А. П. // Архив Лаборатории исторического краеведения АлтГПА (сектор устной истории и этнографии) : фонд устных источников.
4. Беседа с жительницей с. Златополь Кулундинского района Лушпенко З. В. // Архив Лаборатории исторического краеведения АлтГПА (сектор устной истории и этнографии) : фонд устных источников.
5. Беседа с жительницей с. Златополь Кулундинского района Цыганий Н. Н. // Архив Лаборатории исторического краеведения АлтГПА (сектор устной истории и этнографии) : фонд устных источников.

ЛАТЫШИ БАШКОРТОСТАНА

А. Р. Хабибулина

Башкирский государственный университет,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

Summary. In article the history of settling of Bashkiria by Latvians, a current state of national Latvian culture in the Republic of Bashkortostan is considered.

Key words: Latvians; national culture; public associations; historical and cultural center; Republic of Bashkortostan.

Латыши, латвиешы (самоназвание от этнонима древнеславянской народности латгалов, или летгалов, в русских летописях – летьгола). Предками латышей были балтские племена, поселившиеся на территории Латвии в III–II тыс. до н. э. В конце I – начале II тыс. н. э. у них возникли раннефеодальные отношения, начала складываться единая латышская народность [11, с. 149].

На просторах Башкортостана первые поселения латышей, довольно сильно выделяющиеся по своей культуре, языку, религии, обычаям и обрядам среди других народов края, появляются во второй половине XIX в. [3, с. 416.] В 80–90-х годах XIX в. многие латыши покидали территорию Латвии, чтобы за её границами найти возможность получить землю в собственность. Массовое переселение латышей в Башкортостан началось в 80-е годы XIX в. В этих местах их привлекала доступная земля. Таким образом, на территории Башкортостана образовалось несколько колоний: Ауструм (400 человек), Озолы (100), Балтия (400), Баложы (300), Архангельское (1 800 человек). [4]. Самые большие колонии были в Иглинском и Архангельском районах, где до сих пор проживает значительное число латышей. После Великой Отечественной войны многие латыши возвратились в Латвию. По данным переписи населения 1959 г., общая численность латышей в Башкортостане составляла 3 804 человека, в 1970 г. – 3 500 [5, с. 64], к настоящему времени число латышей в республике составляет 1 117 человек [6, с. 19].

Латышское население Башкортостана в динамике (1926–2010 гг.)

	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Всё население	2 665,8	3 157,9	3 340,3	3 818,1	3 844,3	3 943,1	4 104,4	4 072,3
Латыши	7 045	6 692	3 804	3 531	2 604	1 956	1 508	1 117

В 1985 году Академия наук Латвийской ССР организовала комплексную экспедицию в Башкортостан для обследования степени сохранения языка, фольклора, этнографических традиций латышей. Учёными был признан высокий уровень сохранения латышской

культуры и языка [8, с. 112]. Башкирские латыши сумели сохранить свою культуру, свои песни, национальные обычаи.

Тем не менее, молодёжь сегодня живёт в смешанных семьях, в которых родным языком уже считается русский. На этом фоне создание национально-культурного общества стало стимулом к возрождению латышской культуры.

В 1993 года было создано национально-культурное общество "Ауструм", которое установило контакты с латышскими общинами России, с Обществом Латвии в России, с посольством Латышской Республики в России.

Его преемником стал Республиканский латышский национальный центр Башкортостана, созданный в октябре 1996 года. Председателем был избран Виктор Яковлевич Карклин. Основная цель Центра – возрождение культуры латышского народа в Республике Башкортостан, объединение всех заинтересованных граждан для осуществления задач по оказанию содействия в развитии духовной культуры населения, расширении и углублении знания латышского языка, изучении и пропаганде достижений латышской культуры, сохранении и возрождении фольклора, традиционных обрядов, прикладного искусства, народных промыслов. Общественная организация латышей республики является полноправным членом Ассамблеи народов РБ и Конгресса латышей РФ.

Важную роль в этнокультурном развитии латышей Башкортостана играет филиал ГУ Дом дружбы народов РБ – латышский историко-культурный центр "Максим Горький" в с. М. Горький Архангельского района РБ, созданный в 2003 году соответствии с Указом Президента Республики Башкортостан «О создании историко-культурных центров народов Республики Башкортостан» [7].

Всего в Башкортостане свою деятельность по сохранению и поддержанию национального наследия ведут 16 историко-культурных центров. Их создание, как правило, было инициировано национальными общественными организациями республики и получило поддержку государственных органов Башкортостана.

С 13 апреля 2006 г. согласно Постановлению Правительства Республики Башкортостан № 85 от 13 апреля «Об историко-культурных центрах Республики Башкортостан» определена организационно-правовая форма центров, которые получают официальный статус филиалов государственного бюджетного учреждения «Дом дружбы народов Республики Башкортостан».

Архангельский район расположен в центральной части республики. Западная часть территории района представляет собой предгорную равнину, восточная относится к западным хребтам Южного Урала. В районе протекают реки Инзер и Лемеза с притоками, по северо-западной окраине – река Сим, по западной – река Белая, по юго-западной – река Зилим. Здесь проживают представи-

тели 25 национальностей, среди которых есть и латыши. Их численность составляет 1,8 % [6, с. 151] от всего населения района. Наиболее компактным местом пребывания латышей в Архангельском районе является село Максим Горький.

Латыши появились в этих краях в конце XIX в. Они брали в аренду так называемые удельные (принадлежавшие царской семье) земли. Латышские хутора образовали Арх-Латышскую колонию Архангельской волости Стерлитамакского уезда. И после Октябрьской революции латыши предпочитали жить на хуторах, пока не началась коллективизация. В 1929 г. 19 крестьянских хозяйств объединились в колхоз с названием «Яуна Дзиве» («Новая жизнь»). В начале 30-х годов началось переселение с хуторов. В апреле 1931 г. колхоз стал называться именем Петра Стучки, а с марта 1939-го был переименован в колхоз имени Максима Горького. Отсюда и пошло название села. Колхозники, занимавшиеся животноводством и полеводством, работали на совесть. Не раз их достижения в животноводстве демонстрировались на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве.

Латыши – народ сдержанный, трудолюбивый. Их старшему поколению свойственно трепетное отношение к народным традициям. Каждый в селе знает мастера Ивана Вециса, который плетёт уникальные кленовые шляпы (без всякого подручного материала) на любимый народный праздник Лиго (Янов день). Без такой кленовой шляпы этот праздник для латыша – не праздник. Или Валентину Совину, которая вяжет варежки, красочные, с традиционным орнаментом. А вот уж сыроделие да пивоварение у каждого своё – по старинным рецептам дедов и прадедов. Вот на Янов день и проходит своеобразный конкурс: у кого сыр да пиво лучше. Конкурс на лучший латышский дворик тоже становится здесь доброй традицией и немало способствует благоустройству и украшению села [10].

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что главной задачей латышского историко-культурного центра «Максим Горький», является сохранение этой неповторимой национальной ауры.

Главным объектом историко-культурного центра считается школа. Каждый год в это учебное заведение приезжает учительница из Латвии. Она проживает в специально оборудованном для неё домике и становится на время местной жительницей. С осени до весны она обучает местных учеников латышскому языку, они её – русскому. Традиция эта пошла от возникшей у представителей посольства Латвии в Москве идеи, была поддержана местной властью и живёт уже более пятнадцати лет. После окончания учебного года гостья возвращается на родину. Отбор учителей в Латвии для России идёт на конкурсной основе, и практически ежегодно они меняются. Уроки приезжей учительницы посещают все дети из латышских семей, а вместе с ними и дети других национальностей – русские, башкиры,

татары. Познакомиться с новым языком, культурой им тем более интересно, что занятия проходят в игровой форме. Ученики хором повторяют новые слова, поют, водят весёлые хороводы. Занимаются в специальном кабинете, где выставлена экспозиция латышского музея: старинные платья и костюмы, шляпы, венки, национальные предметы быта. Музею школы присвоен статус этнографического.

В школе также проходят народные праздники, отмечаются юбилеи выдающихся деятелей латышской культуры – Вилиса Лациса, Яна Судры, Яна Яунсудрабень и др. [10].

При историко-культурном центре действуют краеведческий кружок, кружок декоративно-прикладного творчества и два фольклорных ансамбля – детский ансамбль «Авотс» («Родник») и взрослый «Атбалсс» («Эхо»), который как нельзя лучше воплощает преемственность поколений в культурном отношении, в него входят 25 человек из трёх составов: младшего, среднего, старшего [9, с. 1]. Оба коллектива являются непременными участниками всех районных народных праздников.

К основным ежегодно проводимым латышским центром праздникам относятся «Рождество», «Мартыни», «Праздник свечей», «Пасха», «Янов вечер» («Лиго»), «Праздник хлеба, сыра и мёда».

Особенно ярко проходит в деревне праздник «Лиго». Лиго – праздник вдохновенного труда. По народному поверью, к этому празднику должны быть закончены полевые работы. Радостный праздник дан латышу, чтобы он мог в день Лиго с гордостью оглянуться на сделанное, а затем снова взяться за работу. В ночь накануне Лиго никто не должен спать – заснувшие будут ленивыми работниками весь следующий год. Ансамбль «Атбалсс» исполняет любимые народом песни и танцы. Затем на поляне появляется главный герой праздника – Янис. По этому поводу фольклорный ансамбль преподносит зрителям зажигательный танец «Дети Яниса». Как только солнце скрывается за горизонтом, на высоком столбе зажигают костер. По старинным преданиям, чем дальше простирается свет от огненного столба, тем плодороднее будут поля и луга вокруг. Затем на поляне зажигают огромный костёр, символизирующий Солнце, после чего участники фольклорного праздника отправляются искать цветы папоротника, который помогает обрести необычные способности: человек сможет понимать язык зверей и птиц, ему откроются все сокровища земли. Праздник традиционно завершается коллективным танцем.

Большим событием для центра стало проведение в районе в июне 2009 г. Всероссийского фестиваля латышской песни, на который приехали коллективы из Латвийской Республики, из регионов России – Республики Коми, Красноярского края и Омской области, городов Москвы и Магадана.

Праздник латышской песни проходил под патронатом супруги Президента Латвии госпожи Лилиты Затлере.

После официальной части мероприятия состоялся парад участников. Почти два десятка фольклорных коллективов в национальных костюмах прошли по центральной площади райцентра. После чего в районном дворце культуры состоялся концерт-смотр. В течение двух часов исполнялись латышские песни и танцы. Каждый зритель мог ощутить, что народная песня (дайна) позволяет латышам осознать себя как единый народ, имеющий древнюю историю.

Праздник латышской песни – это ещё и возможность различным национальным объединениям и представителям государственной и муниципальной властей обменяться опытом в сфере сохранения и развития культур народов, проживающих в условиях диаспоры.

Латышский ИКЦ «М. Горький» постоянно расширяет перечень проводимых мероприятий и круг их участников. В последние годы были проведены конкурсы «На лучшее латышское подворье», «На лучший латышский сыр», «На лучшее ячменное пиво», «На лучший хлеб из ржаной муки», конкурс чтецов на трёх родных языках «Навеки вместе». В 2012 году совместно с Общественной организацией «Республиканский латышский национально-культурный центр Башкортостана», администрацией муниципального района Архангельский район РБ, ГБУ «Дом дружбы народов Республики Башкортостан» проведены такие мероприятия, как латышский национальный праздник «День свечей»; праздник «Мэтени» («Масленица»); познавательные мероприятия «Латышские легенды и предания», «Язык орнамента в латышской культуре», «Янтарь Прибалтики», «Как Рига строилась», «Путешествие в страну латышских сказок» и др.; праздник «Великая Пасха»; Республиканский латышский национальный праздник «Лиго»; выставка книг к 135-летнему юбилею латышского писателя Яниса Яунсудрабиня; латышский национальный праздник «Мартыни» и многие другие мероприятия. Примечательно, что эти праздники собирают не только латышей, они интересны всем жителям села, независимо от национальности. В этом отражается уважение к национальной культуре каждого народа, характерное для Башкортостана.

В марте 2012 года Латышский ИКЦ принимал участие в официальной встрече делегации Латвии под руководством Чрезвычайного и Полномочного посла Латвийской Республики в Российской Федерации Эдгарса Скуя, который посетил нашу республику уже во второй раз (первый визит в 2009 году). Эдгарс Скуя обозначил потенциальные направления сотрудничества между Уфой и Латвией – в частности, в области туризма, строительства и финансов с заключением соответствующего партнёрского соглашения [2]. В ходе встречи также были обсуждены основные вопросы сохранения национального самосознания, языка и культуры латышей [1].

Историко-культурные центры народов РБ в целом, и латышский ИКЦ в частности, являются интереснейшими объектами туризма в Башкортостане. Необходимо разработать механизмы, которые позволят эффективно использовать историко-культурное наследие, разработать механизмы в области охраны, сохранения, использования, популяризации объектов культурного наследия.

Планирование образовательного процесса с учётом этнокультурных особенностей района, бережный сбор этнографического материала о латышах, организация мероприятий в рамках юбилейных дат выдающихся национальных деятелей и творческих личностей, проведение народных праздников – всё это позволяет филиалу поддерживать и укрепить духовную основу латышского народа.

Нами дважды были проведены исследования с интервалом в 5 лет (2002–2003, 2008–2009 гг.) для выявления динамики развития межэтнических процессов на территории историко-культурных центров Республики Башкортостан, выяснения степени влияния организованных историко-культурных центров на уровень этнической идентичности населения. Исследования показали, что уровень этнической идентичности населения в результате деятельности историко-культурного центра за 5 лет вырос на 7 % (с 21 % до 28 %) [8, с. 204–205].

Благодаря серьёзным и проверенным временем межрегиональным и международным связям, а также упорному труду латышского историко-культурного центра, удаётся вести качественную работу по сохранению и развитию народных обычаев, по воспитанию младшего поколения в духе уважительного отношения к национальным традициям и к родной культуре.

Библиографический список

1. URL: <http://ddnrb.ru>
2. URL: <http://ufacity.info/news>
3. Габдрафиков И. М., Блинкена А. Я. Латыши // Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. – 2-е изд., доп. Уфа : Гилем, 2002.
4. Латыши // URL: <http://www.bashkortostan450.ru/culture/kultura-parodov/latish/>
5. Население Башкирии (По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.) : стат. сб. – Уфа : ЦСУ РСФСР Статистическое управление Башкирской АССР, 1971. – 152 с.
6. Национальный состав населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года : статистический бюллетень. – Уфа : Башкортостанстат, 2012. – 191 с.
7. Указ Президента Республики Башкортостан от 29.09.2003 г. № УП–574 «О создании историко-культурных центров народов Республики Башкортостан» // СПС КонсультантПлюс.
8. Хабибуллина А. Р. Историко-культурные центры Республики Башкортостан: форма оптимизации этнической идентичности и межэтнических коммуникаций в регионе // LAP LAMBERT Academic Publishing. – 2011. – 294 с.

9. Шарова Е. Язык музыки понятен всем. В Архангельске прошёл первый Всероссийский фестиваль латышской песни // Республика Башкортостан. – № 120 (26855).
10. Шумилова М. В. Историко-культурный центр «Село Максим Горький» – очаг национальной культуры латышей Башкортостана // URL: <http://www.bashinform.ru>
11. Этнокультурная мозаика Оренбуржья (научные статьи, очерки, статистика) / гл. ред. В. В. Амелин. – 2-е изд. доп. – Оренбург, 2003.

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В ГЕРМАНИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА КАМИНЕРА

О. В. Аронова

**Волжский филиал Международного юридического
института, г. Волжский, Волгоградская область, Россия**

Summary. The Russian culture in Germany is observed by Wladimir Kaminer trough love, the language mastering and business as the feature of the Russian character.

Key words: Wladimir Kaminer.

Впервые о Владимире Каминере я узнала несколько лет назад из документального фильма, посвященного русским эмигрантам, сделавшим успешную карьеру за рубежом. Один из сюжетов повествовал о немецком писателе русскоязычного происхождения, который в 1990 году эмигрировал в ГДР с минимальным знанием немецкого языка и через небольшой промежуток времени превратился в немецкого писателя, сделавшего сногшибательную карьеру и ставшего знаменитым на территории Германии и за ее пределами.

Владимир Каминер родился в 1967 году в Москве, в 1990 эмигрирует в восточную Германию, что не составляло в то время труда, поскольку виза была не нужна. Каминер вместе со своими друзьями селится в Берлине, в округе Марцан, в общежитии для эмигрантов. В дальнейшем его местожительство меняется [1].

Как говорит сам Каминер в одном из своих многочисленных интервью, «Мечта превратилась в путешествие, путешествие привело к дискотеке, затем появилась книга и фильм». Почему дискотека? Потому что именно с организации дискотек под ем „Russendisko“ Каминер начал свою карьеру в Германии. Аналогичное название получила и его первая книга. Когда Каминера спросили, являлось ли его целью сделать карьеру в качестве писателя бестселлеров, он ответил, что никогда не ставил перед собой данной задачи. Как человек коммуникабельный, он просто хотел общаться, по возможности с наибольшим количеством людей. Это требовало, в свою очередь, знания языка, что помогло ему в конечном итоге стать рассказчиком историй.

Так о чём же пишет Каминер? Ответ прост как никогда: о людях, о русских в Германии, о немцах, о взаимоотношениях людей с их многочисленными историями, подчас комичными, подчас грустными. Истории Каминера часто автобиографичны, он просто наблюдает, а затем переносит свои наблюдения на бумагу. Его книга «Mein deutsches Dschungelbuch» посвящена небольшим городкам Германии, в которых Владимир выступает перед немецкой публикой со своими произведениями. Как трогательно подчеркнуты здесь особенности немецкого менталитета, неспешная жизнь бургеров, с радостью встречающих столичную знаменитость.

В данной статье мы рассматриваем образ Германии в творчестве Владимира Каминера. Поскольку его творчество включает в себя множество аспектов, касающихся жизни русских в Германии, мы остановимся на особенностях интеграции русских в этой стране. К особенностям интеграции русских в Германии можно отнести предприимчивость. Так, в своей книге „Russendisko“ Владимир Каминер в рассказе „Bahnhof Lichtenberg“ передает историю превращения своего старого знакомого Андрея в успешного предпринимателя. Для этого трое друзей поехали в Wedding, в супермаркет Aldi и закупили там три рюкзака пива фирмы Hansa и колу в жестяных банках. С этим скарбом они направились к вокзалу Lichtenberg. Первоначально пиво стоило 43 пфеннига, но друзья продавали его за 1,20 марок [2].

Овладение языком является одним из важнейших признаков успешной интеграции, что также нашло отражение в творчестве Каминера. Говоря о языковом тесте, который необходим для получения немецкого гражданства, в одноименном рассказе, Каминер подчеркивает особенность данной процедуры, которая заключается в том, что понятие «языковой тест» подразумевает проверку знаний немецкого языка, однако в действительности немцы предлагают различные варианты ситуаций, которые, как предполагается, должны показать отношение к жизни будущих немецких бургеров.

Каминер уделяет большое внимание теме взаимоотношений между русскими и немцами, а также теме любви. По его мнению, в немецкой культуре, и в частности в Берлине, постоянно завязываются отношения. Данная идея нашла свое отражение в его рассказе „Beziehungskiste Berlin“.

Продолжая тему взаимоотношений, необходимо сказать, что немцы очень любят русских женщин и часто хотят видеть их в качестве своих жен. Однако для этого им приходится преодолевать много препятствий. Эта тема нашла свое отражение в рассказе Каминера „Die russische Braut“ [2].

Исходя из всего вышесказанного, можно сказать, что Каминер предлагает нам очень положительный и благожелательный образ Германии. Я думаю, это происходит потому, что интеграция Каминера в немецкоязычную культуру прошла безболезненно. Он до-

вольно быстро овладел немецким языком, а затем открыл в себе талант общения с людьми. Творчество Каминера не ограничивается написанием книг. Свою карьеру он начинал с проведения дискотек для русских, которые сегодня посещают люди всех национальностей, проживающие в Берлине. Затем началась его карьера как автора бестселлеров. А в марте 2012 года на экраны Германии вышел художественный фильм – экранизация его первой книги «Русская дискотека» с одноименным названием. В одной статье невозможно охватить всю многогранность творчества Каминера, однако будем надеяться, что продолжение следует.

Библиографический список

1. Kaminer W. Mein deutsches Dschungelbuch. – München : Wilhelm Goldmann Verlag, 2003.
2. Kaminer W. Russendisko. – München : Wilhelm Goldmann Verlag, 2000.

ФЕНОМЕН СЕТЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

З. А. Жаде

**Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп, Республика Адыгея, Россия**

Summary. The article considers the network identity as a reflection of the multiplicity of identities in the modern world; as a way of implementation of the unattainable desires; as an expression of destructive desires; as a test of a new experience; as a tool to manipulate others.

Key words: network identity; the network identification; network identity; networking; network communication; social networks.

В современном российском обществе наряду с утратой большинства традиционных идентификационных моделей вырабатываются новые стратегии формирования идентичности. В этом контексте в силу известных причин для россиян особую значимость приобрела проблема формирования сетевой идентичности. Становится всё очевиднее, что идентичность испытывает всё большее воздействие со стороны растущих информационных потоков и развивающихся технологий их обработки и передачи. Такой технологией является Интернет, который рождает единое информационное пространство, модифицируя различные общественные явления и взаимодействия, в том числе и идентичность, которая проявляется в веб-сервисе социальных сетей, так как он институционализирует и формализует образование групп пользователей глобальной сети. Рассуждая об этом, Е. В. Морозова справедливо подчеркивает, что сетевые технологии формируют открытое пространство, «в котором откры-

ваются новые возможности для развития гражданского общества, преодоления личностной изоляции граждан, фрагментации общества, ангажированности органов государственной власти» [2, с. 307].

Экстраполируя эти выводы в плоскость наших исследований, отметим, что наиболее функциональным средством проявления интернет-пространства является сервис социальных сообществ и сетей, в которых идет процесс формирования сетевой идентичности, происходящий в коллективном и индивидуальном аспектах. Различные социальные сети имеют разный функционал, что может отражаться на проявлении и, соответственно, формировании сетевой идентичности. Базами формирования интернет-сообществ, как правило, являются различные чаты, форумы, блоги, онлайн-дневники, социальные сети и иные интернет-ресурсы, отличающиеся друг от друга своими техническим возможностям и позволяющие пользователям устанавливать и поддерживать связь друг с другом без учета географических ограничений; обмениваться сообщениями и данными различного формата (текст, аудио, видео, графика); организовывать совместную деятельность, имеющую свое продолжение в реальности (например, организация флэшмобов) и т. д.

Высокая степень структурированности сетей стимулирует проявление различных типов идентичности в виде заявления ее как некоторой позиции и статуса. Ориентированность на онлайн-дневники способствует выражению сетевой идентичности с развитым когнитивным компонентом. Благодаря своим специфическим возможностям и популярности среди населения, Интернет и формируемые на его основе интернет-сообщества стали средством влияния (как положительного, так и отрицательного) на социально-политические процессы, протекающие в стране.

Ученые обратили внимание на то, что в современных условиях достаточно остро стоит вопрос о сетевой идентичности, т. е. тождестве (идентичности) личности реальной и личности сетевой [5, с. 6]. В этой связи для понимания тенденций развития российского социума в пространстве «сталкивающихся» идентичностей следует обратиться к исследованию сетевой идентичности. Необходимо отметить, что понятия «сетевая идентичность» и «сетевая идентификация» являются предметом научной рефлексии специалистов самой разной дисциплинарной принадлежности, однако политологических исследований в этой области проводится крайне мало: с одной стороны, в силу новизны самого объекта исследования, с другой – по причине понятных ограничений использования традиционного методического инструментария в ситуации его переноса в виртуальное пространство.

Прежде всего, учитывая неоднозначность понятийного ряда, представляется методологически необходимым уточнение содержания анализируемого феномена. Мы разделяем концептуальные

суждения, согласно которым сетевая идентичность рассматривается как «отождествление человеком (пользователем) себя с той или иной группой, созданной в сети; виртуальная самопрезентация. Сетевая идентичность является отражением множественности идентичностей и усиливает ее в виртуальной коммуникации. В то же время ее можно рассматривать и как разновидность пространственной идентичности, имея в виду виртуальное пространство информационно-коммуникационных потоков как среду и, одновременно, как ориентир самоидентификации» [3, с. 67].

В связи с этим встает проблема, связанная с новым определением личности, которое обусловлено широким вхождением в жизнь информационно-коммуникационных технологий, – это понятие «сетевой личности». По стратегии существования личности в сети, условно учеными выделяются четыре типа сетевой личности: реальная и полноценная, стратегия которой реализуется через отдельные сайты, отражающие реальные стороны жизни индивида; реальная личность без признаков, стратегия которой не дает полного портрета человека, а представлена лишь «нужная для повествования часть» (участие в конференции, политических дебатах и т. д.); выдуманная, в сетевом сообществе выступает, дистанцировавшись от подлинной (аутентичной) личности; распределенная, появившаяся задолго до появления сетевых технологий, может быть представлена классическим примером в русской истории Козьмой Прутковым, чьи произведения воспринимаются обществом как продукт личностного творчества. Сегодня интернет-технологии активно создают образы распределенных авторов [4, с. 32–33].

Исходя из этих рассуждений, мы считаем, что формирование сетевой идентичности, которая отличается от реальной, может объясняться тем, что люди не имеют возможности выразить все стороны своего многогранного «Я» в реальной коммуникации, в то время как сетевая коммуникация им такую возможность предоставляет. По мнению специалистов, лишенный базовых основ для самоидентификации в контексте общей, семейной истории, человек становится сингулярным, не имеющим ни реальной, ни символической опоры, обреченным на бесконечные поиски ускользающей от него подобно линии горизонта точки идентичности [1, с. 80].

Мы полагаем, что, умело вплетенная в систему многоуровневой идентичности, сетевая идентичность становится важным ресурсом интеграции общества. Она, как и другие уровни идентичности, демонстрирует многообразие модернизирующегося социума.

Библиографический список

1. Емелин В. А., Тхостов А. Ш. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета // Вопросы философии. – 2013. – № 1. – С. 74–84.

2. Морозова Е. В. Сетевые сообщества: формы политического протеста // Экстраординарность, случайность и протест в политике: тематическое и методологическое поле сравнительных исследований : сб. науч. ст. / под общ. ред. Л. В. Сморгунова, Е.В. Морозовой. – Краснодар : КубГУ, 2011. – 431 с.
3. Фадеева Л. А. Сетевая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. В 2 т. Т. 1. Идентичность как категория политической науки : словарь терминов и понятий / отв. ред. И. С. Семененко. – М. : РОС-СПЭН, 2012. – 208 с.
4. Хунагов Р. Д. Личность и цивилизация в мире аутентичности и идентичности. – Ростов н/Д : Антей, 2012. – 272 с.
5. Хунагов Р. Д. Множество идентичностей в глобализирующемся мире // Вопросы философии. – 2013. – № 2. – С. 4–8.

МОДЕЛИ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Е. Б. Токтаров

Институт философии, политологии и религиоведения
Комитета науки Министерства образования и науки РК,
г. Алматы, Казахстан

Summary. In the paper the problem of transforming identity of personality under the influence of the elements of cyberspace, presented primarily by the Internet, is considered. The importance of language factor in preserving ethnic and cultural identity codes is grounded. The author made an attempt to reveal the models of preserving ethno-cultural identity in cyberspace by identifying the most specific criteria of information policy of countries.

Key words: cyberspace; ethnic and cultural identity; the model; the language factor.

Укоренение практики использования информационно-коммуникационных технологий в повседневной жизни современного человека вызвало процесс трансформации его идентичности. Интернет-пространство даёт индивиду свободу самостоятельно конструировать свой образ в киберпространстве, а следовательно, и собственную идентичность. В условиях виртуализации процессов социализации современного человека актуализируется угроза трансформации даже такой, на первый взгляд консервативной, идентичности, как этнокультурная.

Свобода конструирования своего виртуального образа в сети Интернет даёт возможность вносить корректировки в личностную идентификацию по желанию пользователя. Данные исследования Cisco по России показывают, что 47 % людей считают, что онлайн- и оффлайн-идентичности человека часто различаются, в то же время 46 % опрошенных считают, что они полностью отличаются. Доля тех, кто ответил, что эти идентичности не отличаются, по всем странам, где проводилось исследование (США, Канада, Россия, Китай,

Индия, Бразилия, Аргентина, Германия, Франция, Польша и другие), не превышает 10 % [1]. Следовательно, в киберпространстве, представленном в первую очередь Интернетом, происходит процесс трансформации идентичностей индивидуумов, социальных групп, в том числе и этнокультурной. На данный процесс правительства различных стран отреагировали в соответствии со своими возможностями и в рамках информационной политики, что поспособствовало формированию отдельных моделей сохранения этнокультурной идентичности в киберпространстве.

Этнокультурную идентичность можно понимать как «эмоционально-когнитивный процесс объединения субъектом себя с другими представителями одной с ним этнической группы, а также его позитивное ценностное отношение к истории, культуре, национальным традициям и обычаям своего народа, к его идеалам, чувствам и интересам, фольклору и языку, территории проживания этноса и его государственности» [3]. Национальная политика практически всех государств ставит перед собой цель формирования необходимой этнокультурной идентичности граждан. Следовательно, встает вопрос о сохранении результатов национальной политики, достигнутых в реальной жизни, о защите их от угроз, идущих из киберпространства.

Наиболее значимым критерием сохранения этнокультурной идентичности в интернет-пространстве выступает язык. По мнению М. Кастельса, «языковые факторы становятся основой многих современных форм национализма, которые формируются вне государственных границ и чаще всего являются более культурными, чем политическими, и поэтому более ориентированными на защиту уже сложившихся традиций культуры, чем на создание и защиту государства» [2].

Пользователи Сети в поисках информации сталкиваются с необходимостью знать тот язык, на котором воспроизведён необходимый контент. Например, самая последняя информация о мировых процессах, о событиях за рубежом, о новых технологиях доступна на английском языке. Часто, при отсутствии необходимых пользователю материалов на родном языке, ему приходится обращаться к внешним ресурсам. Более того, в развивающихся странах уровень развития интернет-пространства не достаточно высок, что также способствует оттоку пользователей на внешние ресурсы, следовательно, вводит их в зарубежные информационные потоки. Это обусловлено стремлением человека к поиску необходимой информации, желанием удовлетворить свои культурные и информационные потребности. Интернет как раз становится той средой, где можно легко найти необходимую, интересующую информацию, мультимедийные материалы.

Практика постоянного обращения к внешним интернет-ресурсам вкупе с необходимостью знать иностранный язык отдаляет индивида от отечественного сегмента Всемирной паутины, которым правительства чаще всего пытаются управлять. Анализируя мировой опыт, можно выделить следующие модели сохранения этнокультурной идентичности:

– *модель изоляции киберпространства* (Северная Корея, Китай) – цензура, ограничение доступа, жёсткий контроль;

– *модель «сильного контента»* – привлечение пользователей на внутренние интернет-ресурсы за счёт создания качественного и востребованного контента (Россия, Южная Корея, Япония);

– *доминантная модель* – основана на доминировании отечественного контента в глобальном информационном пространстве (США, Европа);

– *зависимая модель* – характерна для развивающихся стран, которые попадают под влияние стран с доминантной моделью и моделью «сильного контента».

(Критерием для выделения моделей выступили параматры, наиболее чётко характеризующие информационную политику в сети Интернет в той или иной стране.)

В Интернете существует несколько крупных секторов, разделенных в первую очередь по языковому принципу: англоязычный, русскоязычный, на европейских языках (французский, немецкий), на восточных языках (китайский, корейский, японский). Наиболее развитым является англоязычный сектор, поскольку он содержит контент, находящийся не только в международных доменах и доменах США и Великобритании, но и имеющийся в других доменных адресах. Здесь находится подавляющее большинство контента. К англоязычным источникам обращаются пользователи из других языковых секторов, следовательно, данный сектор является доминирующим. Например, ресурсы на восточных языках пользуются популярностью в силу наличия на них востребованного контента. Так, большой популярностью пользуются южнокорейская эстрада, японские мультфильмы (анимэ и его разновидности), дорама (корейские, японские сериалы). В интернет-пространстве бывшего Советского Союза доминирует русскоязычный контент. КазНет (казахстанский сегмент сети Интернет) является слабо развитым сектором сети Интернет, его доля во Всемирной паутине мала и практически не привлекает внешних пользователей.

Таким образом, реакция правительств на вызовы и угрозы этнокультурной идентичности граждан, идущие из киберпространства, из Интернета, оформилась во вполне явные и устоявшиеся модели. Они основаны на языковом факторе, который является перво-

степенным, когда речь идёт об этнокультурной идентичности. Борьба за киберпространство, за сферы влияния во Всемирной паутине, не может осуществляться без соперничества по созданию наиболее актуального, уникального и востребованного контента, как текстового, так и мультимедийного. Всё это представляет собой борьбу за сознание пользователей сети Интернет, подавляющее большинство которых представляет собой виртуальных космополитов, следовательно, все усилия правительств в области национальной политики могут оказаться напрасными без адекватной реакции на угрозы, исходящие из киберпространства.

Очевидно, что интернет-пространство уже давно стало средой активной государственной информационно-пропагандистской работы зарубежных стран. Развивающиеся государства, страны второго и третьего миров играют незначительную роль в глобальных информационных процессах, но для сохранения идентификационных кодов, продвигаемых через национальную политику в общественное сознание, правительствам необходимо формировать новую информационную политику в интернет-пространстве. Странам, где обнаруживается зависимая модель сохранения этнокультурной идентичности, необходимо усиливать работу по созданию уникального, востребованного контента, что в перспективе должно сформировать модель «сильного контента», которая с учётом устоявшихся в киберпространстве стандартов и стереотипов является наиболее вероятным направлением развития собственного сегмента сети Интернет для развивающихся стран.

Библиографический список

1. Cisco Connected World Technology Report (2012). Report Summary on Gen Y and Technology. URL: http://www.cisco.com/assets/sol/ent/business_trend/borderless/ccwtr/ccwtr-2012-infographic.html
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
3. Крысько В. Г. Этнопсихологический словарь. – М., 1999. – 343 с.

III. ЭТНИЧНОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ У ДОШКОЛЬНИКОВ КАК ОСНОВЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ю. В. Шаплова, В. И. Белоконь

Детский сад комбинированного вида второй категории
№ 95 «Калинка», г. Таганрог, Ростовская область, Россия

Summary. The questions of creating dynamic system of interaction between the kindergarten and family for forming tolerance in modern society describes in this article. It is conducive to the harmonious development of the individual. The article shows the contents of pedagogical project for development of pre-school children (since 4 years) in the aspect of the basics of tolerant culture. The work includes materials for creating conditions for search of priceless experience of conflict-free relations between people of different cultures.

Key words: tolerance; kindergarten; children.

Преобразования, происходящие не только в педагогической науке, но и педагогической практике, обусловлены стремлением к изучению новых возможностей дошкольного детства, к поиску инновационных форм, методов организации и управления дошкольным образованием.

Использование проектного метода позволяет создать в ДОУ условия для планомерной и эффективной образовательной работы. Проектный метод позволяет объединить детей, родителей, воспитателей в совместной деятельности [1].

Задача современного образовательного учреждения состоит в том, чтобы из его стен вышли не только люди самостоятельные, но и обладающие толерантностью в качестве основы своей жизненной позиции. Формирование основ толерантной культуры у старших дошкольников базируется на обучении их навыкам бесконфликтного взаимоотношения в процессе взаимодействия с окружающими на основе сотрудничества и взаимопонимания, готовности принять других людей, их взгляды, обычаи и привычки такими, какие они есть. Воспитание у дошкольников толерантного взаимоотношения между детьми обеспечит в дальнейшем их успешную адаптацию и к условиям обучения в школе.

Понятие толерантности в Преамбуле Устава ООН звучит следующим образом: «...проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи». Таким образом, толерантность

имеет социально активную окраску и рассматривается как условие успешной социализации.

Россия – многонациональное государство, поэтому уже с дошкольного возраста нужно приобщать детей не только к культуре своего народа, но и к уважительному доброму отношению к представителям других культур. Таганрог – город со сложившимися традициями толерантности во взаимоотношениях представителей разных народов, вероисповеданий, с особым укладом дружелюбия и взаимопомощи. Этническая принадлежность семьи, её социально-экономический статус – важные факторы в развитии ребёнка, влияющие на стиль поведения, ценностные ориентации, мотивы и, в итоге на индивидуальность человека в целом. Не различия сами по себе порождают проблемы, а отношения к ним отдельных людей и общества в целом.

В связи с вступлением в силу «Федеральных государственных требований...» воспитание толерантности отражено в образовательных областях «Социализация» и «Коммуникация» и является обязательным для любого дошкольного образовательного учреждения. Формирование толерантного взаимодействия у детей начинается в совместной деятельности с взрослым, в том числе и в стенах дошкольного образовательного учреждения.

Педагоги дошкольного учреждения знакомят детей с традициями, духовными ценностями, вводят ребёнка в социальную систему взаимоотношений. От взрослого зависит характер взаимоотношений между детьми в коллективе. Чем более неоднородным становится общество, тем труднее становится поддерживать мир и спокойствие в нём.

Учитывая специфику нашего ДОУ, где 50 % старших дошкольников имеют тяжёлые нарушения речи (ТНР), проблема формирования толерантной культуры стоит особо остро. Дети с ТНР испытывают значительные трудности в коммуникации, которые носят многоаспектный характер: несформированность чувства языка; неспособность к построению развёрнутого высказывания; инертность в выборе языковых средств, обусловленная недостатками когнитивно-речевой деятельности. Это в значительной мере затрудняет процесс социализации таких детей. Воспитание толерантности, являясь важной и неотъемлемой составляющей духовно-нравственного развития личности ребёнка, особенно с недоразвитием речи, может и должно служить средством в коррекционно-развивающей работе.

Учитель-логопед, педагог-психолог, воспитатели как субъекты образовательного пространства, создают условия, обеспечивающие эффективность воспитания толерантности дошкольников:

- систематические комплексные занятия, с учётом специфики использования различных методов и средств развития у детей представлений о толерантном поведении;

- осуществление дифференцированного личностно-ориентированного подхода к дошкольникам, в том числе и с особыми образовательными потребностями, и вовлечение их в разнообразную практическую деятельность с целью обеспечения интеграции с социокультурной средой общества.

Учитывая актуальность обозначенной проблемы, возникла необходимость создания динамической системы взаимодействия детского сада и семьи, направленной на формирование социокультурной толерантности, способствующей развитию гармоничной личности.

Оптимальной формой работы считаем реализацию педагогического проекта «Формирование основ толерантной культуры старших дошкольников».

Цель: формирование основ толерантной культуры личности дошкольника.

Задачи:

- Систематизировать работу по развитию позитивного отношения к окружающему миру и культуре своего и других народов.

- Содействовать формированию толерантного поведения дошкольников, через развитие коммуникативных способностей посредством народных игр.

- Организовать систему взаимодействия детского сада и семьи по данной проблеме.

Участники проекта: дети старшего дошкольного возраста общеобразовательных и логопедических групп, родители, воспитатели, педагог-психолог учитель-логопед.

Предполагаемый результат: создание условий для приобретения детьми навыка бесконфликтного социального взаимодействия и развитие у старших дошкольников навыков коммуникации.

Принципы реализации проекта: системность, учёт специфики работы с детьми дошкольного возраста, интеграция в работе детского сада и семьи.

Деятельностно-процессуальный подход к реализации проекта:

Деятельность педагогов: диагностируют, создают условия, модифицируют дидактический материал, анализируют, оценивают результат проекта.

Деятельность детей: создают, обучаются, выполняют, контролируют.

Деятельность родителей: участвуют в проектах, развлечениях, беседах.

Методы проекта – диагностика, анкетирование, наблюдение, беседы, консультации. А также проведение тематических занятий, развлечений, народных игр.

Основные формы реализации проекта:

1. Изучение особенностей когнитивного и эмоционального компонента толерантности старших дошкольников.
2. Обобщение опыта работы педагогов ДОО в систему воспитания толерантной культуры.
3. Разработка рекомендаций для педагогов и родителей.

Организация условий:

- Педагогическая поддержка интереса дошкольников к культурно-историческому наследию разных народов;
- Осознание педагогами и родителями важности культурного многообразия для самореализации личности ребёнка;
- Развитие умений и навыков бесконфликтного взаимодействия носителей разных культур посредством игровой деятельности.
- Повышение педагогической компетенции через умение вносить в содержание общего образования идеи, отражающие культурное многообразие мира, страны, этнической группы.

Этапы работы над проектом:

1. Организационный:

- Провести анализ проблемы, поставить цель и определить задачи проекта.
- Выявить национальный состав семей воспитанников детского сада.
- Установить партнёрские взаимоотношения педагогов с родителями:
  - беседы и просмотры домашних праздников (фотоматериалы);
  - анкетирование родителей (выявить особенности отношения родителей к проявлению этнотолерантных установок и выявление знаний родителей о необходимости, задачах, средствах и методах воспитания толерантности у детей старшего дошкольного возраста).
- Изучить особенности проявления толерантности у детей 5–7 лет:
  - определить уровень знаний детей о расовых, национальных и культурных особенностях людей;
  - определить уровень развития эмоционального компонента толерантности у старших дошкольников;
  - выявить уровень сформированности представлений у детей старшего дошкольного возраста об уважительном, доброжелательном отношении к детям другой национальности и умений налаживать дружеские взаимоотношения с ними.

2. Формирующий:

- Воспитание любви и уважения к своей Родине, нации, толерантного отношения к представителям других национальностей, сверстникам, родителям.

- цикл тематических занятий по группам: «История моей семьи», «Моя страна и её соседи», «Генеалогическое древо семьи», «Мои друзья»;
- защита детских проектов «Древо моей семьи»;
- развлечения с детьми: «Русские народные игры», «Игры разных народов»;
- игровой тренинг «Пойми меня»;
- консультации для родителей: «Диалог с ребёнком» (деловая игра), «Воспитание толерантности – основа современного культурного общества»;
- семинар-практикум для педагогов «Не оценивать, а ценить» с элементами тренинга эффективного взаимодействия;
- конкурс народных игр (педагоги – дети – родители).

3. Обобщающий:

- Становление ценностного отношения, интереса к культуре родной страны, своего этноса и других народов и национальностей.
  - развлечение «Сказки разных народов»;
  - презентация детско-родительских проектов «Народный костюм»;
  - «Праздник народной игры»;
  - презентация проекта в рамках педагогического совета, родительского собрания;
- Оформление в виде буклета-публикации для родителей.
- Обновление картотеки народных игр [3].

Библиографический список

1. Галицких Е. О. Диалог в образовании как способ становления толерантности : учеб.-метод. пособие. – М. : Академический проект, 2004. – 240 с.
2. Гукаленко О. В. Поликультурное образование: теория и практика. – Ростов н/Д. : Изд-во РГПУ, 2003.
3. «Диалог культур» : проект программы поликультурного образования детей 3–7 лет. – Тимашевск, 2012. – 117 с.

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ СРЕДСТВАМИ ФОЛЬКЛОРА

С. Г. Пиченикова

Луганский национальный университет
им. Тараса Шевченко, г. Луганск, Украина

Summary. Problems of national self-consciousness of the younger generation are topical in nature. It is a kind of folk component for the formation of national identity, since – a total cultural product of social consciousness.

Key words: national identity; the younger generation; folklore.

Становление качественно новой системы образования осуществляется в условиях глобальных и интеграционных процессов современного общества. Влияют на формирование новых взглядов на учебный и воспитательный процесс многие факторы, прежде всего это обострение взаимоотношений между сверстниками в школе уже с начальных классов, также проблемы, связанные с восприятием ребенком собственного «Я», нравственные и этические нормы поведения в молодежной среде, общение ребенка с обществом и с социумом. Причины необходимости формирования новых взглядов на образование связаны прежде всего с потерей целостных взглядов на обучение и воспитание, с отхождением от национальных ценностей, с негативным отношением к национальным традициям.

Выдающиеся философы, этнографы, психологи, педагоги мира издавна определяли, что воспитание имеет ярко выраженный национальный характер. Так, например, С. Русова говорит: «Национальное воспитание обеспечивает каждой нации широкую демократизацию образования, когда ее творческие силы не будут искалечены, а наоборот, дадут новые оригинальные, самобытные сокровища для общечеловеческого развития, через уважение к своему народу воспитывается в детях уважение к другим народам...» Таким образом, формирование национального самосознания подрастающего поколения и факторы, влияющие на этот процесс, а в нашем случае это национальный фольклор, носят актуальный характер и являются проблемой, изучаемой в рамках данной статьи.

Цель исследования – определить, как с помощью национального фольклора можно повлиять на формирование национального самосознания подрастающего поколения.

Объектом исследования является психолого-педагогическая и краеведческая организация учебной и воспитательной работы в учебном заведении. Предметом исследования являются национальные традиции и фольклор, которые влияют на формирование национального самосознания подрастающего поколения. Задачи: 1) учитывая результаты современных научных исследований, проанализи-

зировать понятие «национальное самосознание»; 2) установить существующие возможности для формирования национального сознания подрастающего поколения; 3) определить направления усовершенствования процесса формирования национального самосознания в учебных заведениях.

Природа существования понятия «национальное сознание» является предметом дискуссий многих ученых, в том числе С. Рубинштейна, В. Крысько, А. Анцуповой, И. Беха, С. Борисовой, В. Кузя, Л. Мицик и других. В толковании содержания понятия «национальное воспитание» большую ценность имеют работы В. Мономаха, Я. Мудрого, Г. Сковороды, Т. Шевченко, Х. Алчевской, К. Ушинского, В. Сухомлинского и других. Исходя из научных работ в этой области, отметим, что большинство ученых рассматривает это понятие наряду с понятием «национальная идентичность» [2, с. 6–7]. Современные исследования утверждают, что национальная идентичность – это «соотношение «Я» с нацией, как способ организации для данного индивида его представлений о себе и о нации, к которой он себя причисляет» [2, с. 16]. Данное понятие имеет много составляющих – это в первую очередь осознание особенностей национальной культуры, восприятие психологических особенностей нации, отождествление себя со своей нацией и осознание себя субъектом национальной общности.

Итак, фольклор выступает своеобразным компонентом формирования национального сознания и самоидентичности ребенка, в развитом виде предстает национальным самосознанием, а также способствует восстановлению и переосмыслению национальных ориентиров. Важную роль в данном процессе играет употребление родного языка. Начиная с самого рождения ребенка, когда мать поет колыбельные на родном языке, рассказывает о традициях, читает национальные сказки, закладывается основа формирования исторической памяти, духовности, национальной идентификации. Национальный фольклор помогает сформировать мировоззрение ребенка, определить нравственные и поучительные принципы, поскольку в фольклоре часто используются темы добра, зла, дружбы, измены, любви. Фольклор выступает движущей силой на пути формирования национального самосознания, потому что это «особый совокупный культурный продукт, древнейшая форма общественного сознания в виде устойчивых формул обряда» [1, с. 11–12].

В фольклорных произведениях отражается как знаковый, так и символический уровень реального явления. Фольклор обладает такими особенностями, которые образуют предпосылки эффективности применения его в контексте задач активного психолого-педагогического воздействия: установление хороших отношений, ослабление напряжения, когнитивное обучение, изменение поведения за счет нового эмоционального опыта, приобретение и усвоение

социальных навыков и новых форм поведения, убеждения или внушения [4, с. 72–85].

Сегодня потребности подростка в потоке художественных образов, в иллюзорной жизни ощущаются всё больше. Подросток нуждается в фиктивном существовании в виртуальном мире, где он является владельцем многих возможностей независимо от финансового и возрастного статуса, соответственно, увеличивается потребность в вымысле. Жизненный мир подростка соотносится с подобным миром товарищей, однако не для поисков сходства, а для выявления собственной уникальности, непохожести ни на кого. Пространство реальных взаимоотношений со знакомыми и друзьями пополняется представлениями о взаимоотношениях, которые взяты из прочитанных книг или просмотренных фильмов.

Поэтому сегодня возникает необходимость создания новой системы воспитания, которая бы опиралась на национальные традиции и фольклор. Соответственно, в процессе обучения и воспитания можно создать условия для импровизирования, что даст детям свободу самовыражения, желательное отсутствие за определенный вид работ оценки, что позволит ребёнку более уверенно и смело выражать свою позицию, которая перерастёт в коллективное эстетическое переживание. Итак, учитывая всё вышесказанное, можно сделать вывод, что в сложных условиях формирования сознания именно фольклор выступает мерилем морально-этической составляющей общества. Материал фольклора максимально может удовлетворить потребности психоэмоционального состояния подрастающего поколения. Стремление к гармоничности и непротиворечивости, потребность в овладении кодом национальной культуры делают фольклор достойным объектом всестороннего научного изучения.

Библиографический список

1. Белех А. С. Педагогическая технология, духовность и поликультурный подход в формировании личности ученика // Формирование духовной культуры учащейся молодежи средствами искусства: основные концептуальные идеи : науч. сб. – Луганск, 2000. – Вып. II. – С. 11–12.
2. Борисова С. В. Формирование национального самосознания будущих учителей средствами украинского музыкального искусства : автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Луганск, 2002. – 20 с.
3. Зыкова М. Н. Фольклор как средство психолого-педагогического воздействия на развитие самосознания и формирование самоидентификации школьника // Мир психологии. – М., 2004. – № 3. – С. 72–85.

РОЛЬ ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ НЕМЦЕВ

О. С. Дронова
Северо-Кавказский федеральный университет,
г. Ставрополь, Россия

Summary. The article considers interpretation of the category of «national consciousness» as the expression of specific national identity. National consciousness is reflected in specific features of everyday life, customs, history and culture, which are fixed in the folklore texts. The way of thinking, the way of judgment and specific features of people's worldview is expressed in the folklore texts. It reflects the national spirit and national character, traditions and customs, beliefs and superstitions. Therefore, folklore, as part of national culture, accumulating spiritual-practical experience of the people, is one of the sources for understanding of the national consciousness.

Key words: national consciousness (of groups, communities); mental setup (of individuals); archetype; folklore; children's folklore (or childlore).

В последнее десятилетие в политической, публицистической, социологической, этнографической, обществоведческой и даже исторической литературе всё чаще используется понятие «национальное самосознание». Национальное самосознание проявляется в идеях, взглядах, мнениях, чувствах, эмоциях, настроениях и выражает содержание, уровень и особенности представлений членов нации о своей определённой идентичности и отличии от представителей других общностей; о национальных ценностях и интересах; истории нации, её нынешнем состоянии и перспективах развития; месте своей социально-этнической общности во внутригосударственных, межгосударственных и межнациональных отношениях [3, с. 25].

Одним из уникальных источников, раскрывающих специфику национального самосознания того или иного народа, является фольклор. В фольклорных текстах вербализуются и запечатляются фундаментальные общечеловеческие и специфические национальные мотивы, представления, образы, характеризующие наивную картину мира этнической общности. В теоретическом анализе фольклора и мифологии широко используется понятие «архетипа» как первичной схемы образа, воспроизводимой бессознательно и априорно, впервые введённое швейцарским психоаналитиком и исследователем мифов К. Г. Юнгом [4, с. 148]. Согласно этой концепции, архетипы, будучи прообразами, элементами «коллективного бессознательного» в процессе мифотворчества проецируются в образы, т. е. получают содержательную характеристику, образы же обретают вербальную реализацию в мифах, сказках, легендах, пословицах, потешках и других произведениях фольклора.

Национальные особенности народа проявляются в образах героев фольклорных текстов. Создаваемые в фольклорных текстах об-

разы – художественное закрепление суждений и представлений ребёнка, носящих, как правило, стереотипный характер, что обусловлено сущностью самого явления фольклора как коллективного творчества, а значит, отражающего общий, коллективный опыт народа, его национальное самосознание. Возьмём, к примеру, широко известный в сказках персонаж «die Hexe» (в буквальном переводе с немецкого звучит как «Ведьма»). Проведённый сопоставительный анализ лексики поэтических произведений детского немецкого фольклора позволил выявить спектр лексических единиц, создающих стереотипный языковой образ ведьмы. Немецкие Ведьмы живут в опрятных, симпатичных, аккуратных домиках. Их домики сделаны из печенья, пирогов и сахара. «...es war aber ein kleines Gärtchen an dem verwünschten Häuschen, darin standen zwölf Lilien Blumen» [6, с. 91]. У немецкой ведьмы в доме всегда порядок, чистота, уют – всё высокоорганизовано, всё имеет своё место. Всё это говорит о национальном характере немцев. Они всегда последовательны, точны и аккуратны.

Немцы – нация, отличающаяся логическим подходом ко всему – в работе, в семейной и личной жизни, в отдыхе. Отношение немцев к работе можно назвать образцовым. Прежде всего, они трудолюбивы. Ежедневно выполняя одну и ту же операцию, не зависимо от её сложности, немец никогда не станет сомневаться в её целесообразности. О пунктуальности немцев ходят легенды. Они её ценят и никогда не позволяют себе опаздывать, так как считают это крайне неуважительным. Эта ценность времени и порядка прививается ребёнку с глубокого детства через произведения фольклора.

В языковой картине мира ребёнка абстрактное понятие «время» маркируется в его конкретных проявлениях: распорядок дня, последовательность дней недели, тиканье часов; смена времён года, календарь праздников. Несубстанциональное, то есть не являющееся физической сущностью, время приобретает физический смысл, физическое значение, поскольку материализуется в стихах в конкретных, доступных ребёнку из его собственного опыта образах [1, с. 85]. Ребёнок первоначально постигает время в его цикличности и лишь позднее – в его линейности. В первые месяцы да и годы жизни отношения малыша со временем целиком и полностью регламентируются взрослыми – именно они структурируют его жизнь, устанавливая её ритмы, очерёдность событий и занятий и учат тому, что такое время, на собственном примере. Приучить ребёнка к дисциплине помогает детский фольклор. В колыбельных песнях, настраивая малыша на сон, мать поёт о том, что завтра на смену ночи придет новый день, а сейчас пора спать: Guten Abend! Gute Nacht!// Dein Bett ist gemacht// Alle Freunde wollen jetzt ruhn//Gute Träume wünsch ich nun//Morgen früh//Da freut sich //Schon der neue Tag auf dich //Morgen früh //Da freut sich //Schon der neue Tag auf dich [5,

с. 247]. С помощью стихов ребёнок осваивает и запоминает последовательность различных временных циклов, учится ориентироваться во временном потоке и управлять своими ощущениями от времени. Поэтому детский фольклор активно используется в качестве воспитательного средства в детских садах и начальных классах с целью игрового освоения ребёнком различного рода информации. Например, дней недели в популярной песенке «Laurentia, liebe Laurentia»: Laurentia, liebe Laurentia mein, //wann wollen wir wieder beisammen sein?// Am Sonntag!//Ach wenn es doch endlich schon Sonntag war'// und ich bei meiner Laurentia wär', Laurentia! [7, с. 231]. В каждой последующей строфе (их всего семь по числу дней в неделе) происходит последовательная замена дня недели, остальной же текст остаётся полностью неизменным. Родители в Германии часто используют подобные стихи, чтобы приучить ребёнка структурировать свое время, знакомят с законами общественной жизни, в которой отводится специальное время как работе, так и отдыху. Время детей в обществе также структурировано, как и у взрослых: A,a,a, – der Januar ist da.// In die Schule kommen wieder,// Singen neue frohe Lieder,// lesen, schreiben, rechnen hier,// Viele Kinder und auch wir. Ei, ei, ei, – die Ferien sind vorbei [5, с. 356]. Немцы точно понимают, что есть время отдыха, а есть время для выполнения определённых обязанностей. У немцев гипертрофированное чувство порядка. Они крайне дисциплинированы и педантичны. К своим обязанностям относятся очень ответственно и выполняют их с огромной тщательностью. Для них неприемлемо делать «на глазок». Дисциплинированность и педантичность формируется в немцах с детства.

Анализ различных жанров произведений немецкого фольклора позволил выделить нам характерные черты немецкой нации. Это последовательность, точность, аккуратность, трудолюбие, логический подход ко всему. Невероятную ценность для немцев представляют время и порядок. Таким образом, фольклор каждого народа имеют свой ярко выраженный национальный характер, так как он показывает уклад жизни народа, особенности той среды, в которой бытует. В разных фольклорных жанрах отражаются национально-культурные особенности страны, помогающие глубже понять особенности народа.

Ознакомившись с рядом произведений немецкого фольклора, мы приходим к следующим выводам: во-первых, национальное самосознание – это целостная картина мира в её ценностных ориентирах, существующая длительное время, независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях; во-вторых, национальное самосознание неразрывно связано с фольклором – коллективным творчеством, в котором не новаторство, а традиция играет

определяющую роль, ведь именно традиция обеспечивает преемственность и сохранность культуры народа.

Библиографический список

1. Лойтер С. М. Поэтика детского стиха в её отношении к детскому фольклору. – Петрозаводск, 2001. – 213 с.
2. Мальцева Д. Г. Германия: страна и язык. Landeskunde durch die Sprache. Лингвострановедческий словарь. – М. : Русские словари, Астрель, Аст, 2001. – 416 с.
3. Крысько В. Г. Этнопсихологический словарь. – М. : МПСИ, 1999.
4. Юнг К. Г. Структура психики и архетипы. – М. : Акад. проект, 2007. – 302 с.
5. Böhme F. M. Deutsches Kinderlied und Kinderspiel Volksüberlieferangenaus allen Landen deutscher Zunge. – Leipzig: Breitkopf u. Härtel, 1998. – 756 S.
6. Grimm V., Wiegen- und Kinderlieder. Gesammelt durch die Brüder Grimm . – Weimar: Verlag Hermann Döhlhaus Nachfolger, 1999. – 160 S.
7. Weber-Kellermann I. Das Buch der Kinderlieder: 235 alte und neue Lieder. – Mainz: Atlantis-Schott, 2002. – 351 S.

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛА

А. С. Берберян

Российско-Армянский (Славянский) государственный
университет, г. Ереван, Армения

Summary. The article is invited to review training programs and the effectiveness of university education from the perspective of professional competence. Also developed ways to prepare individuals for intercultural communication necessarily taking into account national and cultural component.

Key words: intercultural communication; ethno-psychological component; professional.

В настоящее время становится очевидным тот факт, что основополагающим подходом при модернизации образования является не организационный, а психолого-педагогический подход, актуализирующий содержательное, в том числе этнопсихологическое своеобразие образовательных реформ. Именно такой подход определяет разумные и продуктивные формы образовательной когерентности. Болонская система в современном образовательном контексте Армении апеллирует к осознанию смыслообразовательных процессов в его истинных, а не надуманных интересах и мотивах. Инновационные теории обучения, в противовес традиционной, выдвигают стратегию обучения, базирующуюся на интенсификации социокультурных особенностей, сочетающих автономное развитие личности с интеграцией в национальную культуру. Миссия современного образования заключается в овладении базовыми компетенциями. Диа-

пазон базовых компетенций обширен, начиная с формирования и развития когнитивных процессов, креативности и заканчивая администрированием и сотрудничеством.

Научная проблема, актуальная на сегодняшний день для современного образования, – рассмотрение учебных программ и результативности обучения в ракурсе профессиональных компетенций. Эта проблема порождает определённые сложности: компетенции не получают адекватного отражения в учебных программах, как на уровне ключевых категорий в содержательно-формирующем блоке, так и на оценочно-корректирующем уровне. Оценивание и контроль в системе традиционной парадигмы опирается на учебную успешность в соответствии с жёсткими эталонами. Продукты самостоятельной работы, включающие творческие элементы, не выявляются. Они имеют абсолютную значимость для человека современной культуры и для общества, развивающегося в этой культуре [3]. Проблема подготовки специалиста, обладающего профессиональной гибкостью и высоким уровнем адаптации к меняющейся образовательной и социокультурной среде в условиях реализации Болонской декларации, предполагает глобальную мобильность студентов и, соответственно, межкультурную коммуникацию. Трансформации социокультурной ситуации в мире актуализируют проблему преподавания коммуникативной, этнокультурной и этнопсихологической компонентов в единстве. Одним из путей решения проблемы компетентного подхода в межкультурном контексте является создание вариативных практико-ориентированных программ, реализующих этнопсихологический компонент. Национально-культурный аспект определяется нами как совокупность представлений об основных национальных традициях, обычаях и реалиях страны, в которой обучаются студенты в рамках реализации Болонской декларации. Учебная программа по формированию этнопсихологической компетентности позволяет добиться полноценной межкультурной коммуникации.

Многочисленные исследования психологических аспектов межнационального взаимодействия культур (Дж. Берри, Р. Брислин, Г. Триандис, Н. М. Лебедева, Т. Г. Стефаненко, Р. Редфилд и др.) свидетельствуют о том, что содержание и результаты многообразных межкультурных контактов зависят от способности его участников достигать согласия. Культура межнациональных отношений предполагает сложный процесс использования единого ряда специальных знаний и навыков, которые необходимо формировать [4, 7]. В целях повышения эффективности межнационального общения необходимо в процессе учебной деятельности формировать у студентов специальные знания, умения и навыки через комплекс дисциплин теоретической и практической направленности, в частности: “Этнопсихологии, разработанный нами учебный курс: “Психология и этика

межкультурной коммуникации”, тренинговые формы обучения, систему учебной и научно-исследовательской деятельности студентов.

Структура национально-культурной подготовки специалистов может быть представлена в виде следующих взаимосвязанных блоков: теоретического, практико-ориентированного и тренингового. Ключевыми понятиями, рассматриваемыми в теоретическом блоке, являются понятия «этнокультурные и этнопсихологические аспекты межкультурной компетенции».

В теоретической части дисциплины “Психология и этика межкультурной коммуникации” предполагается ознакомление с основными понятиями, такими, как межкультурная коммуникация, культура межнационального общения, адаптация, психологическая аккультурация, культурный шок.

Установление открытых и доверительных отношений и создание благоприятного психологического климата для межнационального общения не гарантирует эффективной межличностной коммуникации, ей необходимо целенаправленно учиться. В современной психологии разработаны способы подготовки индивидов к межкультурному взаимодействию. Классификация основных типов включает просвещение, ориентирование, инструктаж и тренинг [2, 6].

1. Просвещение. В рамках учебных дисциплин студенты знакомятся и приобретают знания о культуре и этнических особенностях народов различных стран. Информация об этнических особенностях представляется студентами в форме рефератов, сообщений, эссе. Выступая с докладами в качестве гида, студенты знакомят аудиторию с историей, географией, обычаями и традициями страны. В ходе обсуждения и дискуссии выявляются этнические различия и общность.

2. Ориентирование. На базе РАУ систематически организуются студенческие научные конференции и семинары-презентации. В научных докладах раскрываются этнокультурные и этнопсихологические характеристики той или иной страны, на семинарах, презентациях моделируются реальные ситуации, адекватно отражающие этнические особенности народа, его быт, нравы. Так, например, демонстрация моды, элементов военно-прикладного, декоративно-прикладного искусства, национальной кухни была организована в презентации, создавая ситуацию имитации жизненного проживания в конкретной среде.

3. Инструктаж. В процессе учебных занятий мы используем кейс-метод как деловую игру в миниатюре. Информация преподносится студентам в виде проблем межкультурной коммуникации: по конкретному сценарию между различными участниками группы разыгрываются ситуации межнационального содержания без расшифровок, причём в обсуждениях предполагается активное участие, как студентов, так и преподавателей. Модели ролевых и деловых

игр максимально приближены к ситуациям учебной деятельности, профессионального общения, решения житейских проблем.

4. Тренинг. Межкультурный тренинг, как справедливо замечает Г. Триандис, ставит перед собой две основные задачи:

- познакомить обучаемых с межкультурными различиями в межличностных отношениях, что требует проигрывания ситуаций, в которых что-то протекает по-разному в двух культурах;
- сделать возможным перенос полученных знаний на новые ситуации, что достижимо, если обучаемый знакомится с самыми характерными особенностями чужой для него культуры [11].

Кроме задач традиционных тренингов социокультурных умений не стоит забывать также и такие задачи психологического сопровождения, как:

- обучить участников способам психорегуляции, снятия нервного напряжения, улучшения функционального напряжения;
- помочь в снижении тревожности, неуверенности, в преодолении недоверия к миру, возникающего при попадании в другую среду [6].

Среди множества различных тренинговых программ можно выделить основные типы: общекультурный, когнитивный, атрибутивный тренинги, культурный ассимилятор, или техника повышения межкультурной сензитивности [8, 9, 10]. Мы разработали тренинговую программу, ориентированную на создание имиджа профессионала в инокультурной среде. Этапы программы:

– I этап – ориентация на личностную сферу, осознание этнических особенностей собственной культуры, национальная идентификация.

– II этап – ориентация на общение в системе профессионального и межличностного общения с иностранцами.

– III этап – осознание себя в системе профессиональной деятельности в инокультурной среде.

С помощью психологических игр развиваются навыки диссоцирования, самоанализа, “отражения” партнёра, “здесь и сейчас”, парафраза, эмпатии, глубокой рефлексии, смысловой и оценочной интерпретации объекта, социальной перцепции. Для развития наблюдательной и идеографической сензитивности необходимо практическое участие в групповом тренинге [5]. Тренинговая программа также обеспечивает освоение практических стрессозащитных и конфликтологических приёмов, формирование умений эффективной работы с информацией. В процессе тренинга применяются методики музыкотерапии, арттерапии, библиотерапии.

В научной и учебно-методических материалах представлено большое количество приёмов и методов, основанных на формировании достижения этнопсихологической компетентности в межкультурном диалоге. Однако образовательная практика показала, что наиболее приемлемыми и эффективными являются способы,

которые включают в себя рефлексии конкретных ситуаций межкультурного общения. Именно поэтому для формирования этнопсихологической компетентности используются интерактивные методы: дискуссии, деловые игры, обучающие тренинги, анализ ситуаций. Тренинг по формированию навыков межкультурной коммуникации знакомит обучающихся с культурными традициями различных этносов, а затем моделируются реальные ситуации, актуализирующие эффективное межкультурное взаимодействие. По своей направленности и целям реализации тренинги могут быть когнитивными, поведенческими и атрибутивными, помогающими понять причины поведения представителя другой культуры. Последний вид тренинга является наиболее востребованным и интересным. В любом случае в результате обучающего тренинга вырабатываются такие поведенческие паттерны и реакции, которые адекватны нормам и традициям иной культуры, что приводит к эффективному межкультурному взаимодействию, продуктивной межкультурной коммуникации.

Одно из ценных приобретений учебного курса заключается в том, что студенты разрабатывают собственную систему знаний по межкультурной коммуникации с обязательным учётом национально-культурного компонента. Таким образом, стремление к познанию сущности межкультурной коммуникации и её проявлению должно стать неотъемлемым компонентом формирования этнопсихологической компетентности в процессе подготовки современного профессионала.

Этнопсихологическая компетентность стимулирует развитие толерантного сознания, позволяет разработать программу индивидуальной траектории развития личности студента. Привнесение «информации о мире, организация этой информации в связанные структуры с целью постижения её смысла» [1] способствует созданию индивидуальной культуросообразной образовательной среды.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. К проблематике психологии социального познания // Мир психологии. – 1999. – № 3. – С. 25–24.
2. Берберян А. С. Эмпатия как основополагающий метод изучения этнопсихологических особенностей представителей различных культур в процессе межкультурной коммуникации // Этнопсихологические и социокультурные процессы в современном обществе. – Балашов, 2005.
3. Карпов А. О. Исследовательская парадигма в образовании // Инновации в образовании. – 2010. – № 7.
4. Смирнов С. Д. Педагогика и психология высшего образования. – М., 2003.
5. Солдатова Г. У. Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культур, кризис идентичности. – М., 2002.
6. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. – М., 2003.

7. Хотинец Ю. В. Формирование этнического самосознания студентов в процессе обучения в вузе // Вопросы психологии. – М. – 1998. – № 3.
8. Albert R. D. Intercultural sensitizer or culture assimilator. A cognitive approach // Handbook of intercultural training. – 1983. – Vol. 2. – № V.
9. Cushner K. Assessing the impact of a culture general assimilator // Intercultural Relations. – 1989. – Vol.13.
10. Taifel H. Human groups and social categories. Studies in social psychology. – Cambridge, 1981.
11. Triandis H. Ch. Culture and Social Behavior, 2004.

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ ЭРЗЯНСКОЙ И МОКШАНСКОЙ МОЛОДЁЖИ: АНАЛИЗ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОГО КОМПОНЕНТА

С. И. Баляев

**Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева, г. Саранск,
Республика Мордовия, Россия**

Summary. This article analyses the phenomenon of ethnic stereotypes on the example of the interaction Erzya and Moksha. The author summarizes the empirical studies of students ethnic stereotypes. Particular attention is paid to the mechanisms factors, types of ethnic stereotyping.

Key words: Erzya; Moksha; ethnic stereotypes; confrontational attitudes

Эмпирическое исследование эмоционально-оценочного компонента этнических стереотипов проводилось на основе методики ДТО Г. У. Солдатовой среди 120 студентов Мордовского университета. Основной процедурой ДТО явилась оценка «типичного» представителя собственной общности и «типичных» представителей других этнических групп (в контексте объекта нашего исследования). Анализ результатов носил сравнительный характер и проводился по четырём группам: русской, эрзянской, мокшанской, татарской.

Показательно сравнение коэффициентов амбивалентности, выраженности и направленности автостереотипов. Для всех групп характерно чёткое позитивное отношение к собственному этносу (субэтносу – для эрзян и мокшан), но татарские респонденты проявили наибольшую приверженность собственной этнической общности, чем остальные, в среднем в 1,34 раза.

Уровень соотношения позитивных и негативных качеств в характере «типичного» эрзи, по мнению русских респондентов, примерно равен соответствующему уровню у «типичного» мокшанина. Как удалось выяснить, русские респонденты видят в них если и не представителей, безусловно, единого народа (мордвы),

то, как минимум, очень близких в этническом отношении. В то же время показатели позитивной направленности данных гетеростереотипов русских несколько ниже, чем в отношении татарина, соответственно. Оценка таких пар качеств, как *упрямый – настойчивый*, *хитрый – находчивый* у «типичных» мокшанина и «эрзянина», большинством русских респондентов носит выраженный негативный эмоциональный характер. Оценка остальных качеств отличается большей позитивностью и нейтральностью. В сопоставлении с данными этнопсихологического опросника можно говорить о наличии у русских респондентов некоторой степени предубеждённости к мордве. С высокой внутригрупповой согласованностью (около 75 % опрошенных) первые характеризуют мордву такими качествами: «упрямые», «настырные», «хитрые» и так далее.

В свою очередь эрзянские и мокшанские респонденты с несколько большей эмоциональной позитивностью относятся к русским. Соответствуют этому коэффициенты гетеростереотипов эрзян и мокшан. Значения коэффициентов амбивалентности данных гетеростереотипов практически идентичны соответствующим значениям собственных автостереотипов. Это означает, что в оценке «типичного» русского эрзянские и мокшанские респонденты в равной степени определены, как и в отношении собственных этнических общностей. Создаётся впечатление, что мордовские респонденты относятся критичнее к своим субэтническим образам, нежели к русскому. Они, скорее, уверены в присутствии того или иного положительного качества именно у «типичного» русского, чем у собирательного образа своей общности. Оценка «типичного» татарина эрзянами и мокшанами практически в равной степени определена и менее положительно направлена, хотя говорить о негативности данных образов нельзя.

Однако в первую очередь нас интересуют взаимные гетеростереотипы эрзян и мокшан. Соответствующие показатели положительной направленности в среднем в 3,1 раза ниже, чем при оценке «типичного» русского. В целом ряде случаев направленность данных гетеростереотипов выражено негативная. Отрицательный эмоциональный заряд содержится во взаимных оценках таких пар качеств, как *любопытный – лезет в чужие дела*, *чувствительный – нервный*, *непринужденный – наглый*, *находчивый – хитрый* и других. Причём число пар качеств, имеющих отрицательный, хоть и в минимальной степени эмоциональный заряд, превышает четверть общего числа оцениваемых пар во взаимных этнических образах. В сравнении, число негативных оценок эрзи-мокши со стороны русских респондентов – в среднем 10 % от числа всех пар качеств. Данный факт находится в рамках так называемого «парадокса этнической

дистанции», согласно которому близкие этнокультурно и соседствующие территориально этнические группы (общности) в своих национальных представлениях взаиморазличий находят всегда больше, чем в дистанцированных (этнокультурно, территориально) народах, группах. А в нашем случае ситуация осложняется и неоднозначной этнической идентичностью большинства молодых эрзян и мокшан.

Важен анализ убеждённости и согласованности респондентов в присутствии тех или иных качеств у объектов оценки, а вот выявление истинности или ложности данных стереотипов может быстро перерасти в чисто субъективный процесс, продукт умозрений, что недопустимо в такого рода исследованиях.

ЭТНИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА¹

О. Р. Тучина

Кубанский государственный технологический
университет, г. Краснодар, Россия

Summary. Article is devoted to research of features of ethnocultural and civil identity of youth of Kuban: Russians, Adyghe and Armenians. The conducted research showed that the ratio of ethnocultural and civil identity of youth of Kuban variously and depends on features of an ethnic community, however these types of identity don't contradict, and supplement each other in consciousness of the Kuban youth.

Key words: civil identity; ethnic identity; polietnichny region.

В современном мире всё возрастающий интерес к феномену идентичности связывается с процессами глобализации, в контексте которых проблематизируются традиционные основания идентификации личности, среди которых центральными являются этнос, гендер, религия, государство. Особую важность в современных условиях приобретает проблема идентичности в условиях полиэтнического региона, поскольку именно полиэтническая среда, с одной стороны, является мощным стимулом формирования толерантного и уважительного отношения к представителям других этнокультурных групп, а с другой стороны, вызывает опасность формирования нетерпимости и ксенофобии в молодежной среде [1].

---

¹ Работа выполнена в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. Проект № 14.В37.21.1999 «Проблема толерантности в контексте самопонимания этнокультурной идентичности студентами в условиях полиэтнического региона».

В основе гражданской идентичности лежит идентификация с обществом, государством и страной. Гражданская идентичность сплачивает население, является цементирующей основой социальной интеграции. При рассмотрении проблем этнокультурной идентичности целесообразно выделять два ее уровня: 1) приобщение к этнокультурному достоянию страны, гражданином которой индивид является; 2) приобщение к этнокультурным ценностям, наследию того или иного народа, представителем которого индивид является.

На уровне индивида это проявляется в том, что можно одновременно ощущать себя и частью самобытной этнокультуры, и представителем гражданской общности. Для многонациональных, полиэтнических сообществ, каковым является Россия, эти два уровня идентичности могут где-то совпадать, накладываться один на другой, а могут и не совпадать и даже вступать в противоречие друг с другом [2].

Исследование, проведенное в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы на материале исследования русских, адыгских и армянских студентов, позволило выявить некоторые особенности этнокультурной и гражданской идентичности молодежи Кубани.

Эмпирическая база исследования – студенты вузов г. Краснодара, были образованы следующие выборки: русских респондентов – 327 человек (161 женщина и 166 мужчин) в возрасте от 17 до 26 лет ($M = 20,8$, $S = 3,8$), респондентов-адыгов – 305 человек (150 мужчин, 155 женщин) в возрасте от 17 до 28 лет ($M = 22,6$, $S = 3,9$) и респондентов-армян – 219 человек (53 мужчины, 166 женщин) в возрасте от 16 до 27 лет ($M = 23,1$, $S = 4,6$).

Респондентам был задан вопрос: «Что для Вас значит быть представителем данной национальности?» Ответы респондентов были обработаны методом контент-анализа.

Исследование особенностей смысловых аспектов национальной идентичности в структуре самопонимания групп русских, адыгов, армян при помощи модифицированной методики Кайгородова выявило, что для русских студентов наиболее значимым является фактор «гражданственность» (41,8 % ответов мужчин и 35,6 % ответов женщин). Причем в ряде ответов национальная идентичность отождествляется с гражданской: «быть русским – это в первую очередь любить свою Родину». Соответственно, ценностный вектор осознания своей свободы и ответственности в контексте этнокультурной идентичности связан с чувством патриотизма (12 % ответов), конкретизацией которого является готовность защищать Родину (4,7 % ответов юношей), равнодушие к проблемам страны и способствование ее лучшему будущему (6,4 % ответов). Как отмечает один из респондентов, «быть русским – это в первую очередь жить и

трудиться на благо своей родины. Быть патриотом своей страны». Подобный патриотизм порой предполагает и критическое отношение к наличной действительности: «сидеть в стране, отставшей от жизни, но с каплей надежды вернуть свою страну к жизни»; «с одной стороны, это гордость, но с другой, немного противно. Вроде бы русские, великая нация, столько своего имеет, победы, умные люди (я бы даже сказал, великие умные люди), достижения и т. п. Но, с другой стороны, большинство русских слишком самоуверенны и высокомерны, думают только о себе».

На основании полученных данных можно утверждать, что основной чертой самосознания русской молодежи является российскость, этническая идентичность во многом совпадает с гражданской идентичностью.

В группе испытуемых-адыгов основную часть ответов составляют указания на этнокультурные традиции (39,6 % ответов мужчин и 49,2 % ответов женщин). В ряде ответов принадлежность к этнокультуре отождествляется с самой национальностью: «быть адыгом для меня значит быть носителем уникальной культуры, обычаев и традиций» (юноша адыг). При этом одной из центральных особенностей адыгской этнической культуры является наличие артикулированного национального образца, зафиксированного в нормах Адыгэ Хабзэ (адыгский этикет) – свода неписаных обычно правовых норм, правил поведения, нравственных положений, определяющих необходимые позитивные качества личности в адыгском обществе [3]. Эти правила определяют русло самопонимания этнокультурной идентичности адыгской молодежью. Поэтому самопонимание этнокультурной идентичности переплетается с культивируемыми гендерными качествами. Юноши подчеркивают силу, храбрость, надежность, щедрость, ум, трудолюбие, хозяйственность, ответственность. При этом порой происходит отождествление национальной и гендерной идентичности: «если ты адыг – ты должен быть настоящим мужчиной». Девушки отмечают такие качества, как воспитанность, скромность, застенчивость, строгость, чистота, порядочность, честность, искренность.

Таким образом, представители адыгской молодежи четко разделяют этническую и гражданскую идентичность, первая связана с соблюдением этнокультурных традиций и соответствием нормам Адыгэ Хабзэ, вторая – с проживанием на территории России и соблюдением российских законов.

Для армянских студентов наиболее значимым является фактор «этнокультурные традиции» (59,2 % ответов мужчин и 46,2 % ответов женщин), среди которых главными являются родной язык (10 % и 5 %), соблюдение обычаев и одобряемых правил поведения (10 % и 4,4 %), особенности воспитания в семье (4,8 % и 3,6 %), а также знание и активное использование фольклорных традиций (свадебных

обрядов, музыки, танцев) (20,1 % и 18,4 %). Как отмечает один из респондентов, быть армянином – «...это значит следовать традициям семьи, передающимся из поколения в поколение. Уважать и ценить старших, не перечить им, прислушиваться к их советам и мнению. Поддерживать родственные связи и помогать в трудную минуту. Самое главное – не забывать свои корни и гордиться предками».

В отличие от других групп испытуемых армянские респонденты большое значение придают этнической солидарности, поддержке соотечественников и формированию позитивного образа представителей этноса. Для армянских респондентов очень важна положительная этническая самопрезентация, прежде всего, потому, что они осознают свою «инаковость». У армянской молодежи осознание своих культурных отличий вызывает желание быть достойными представителями своей этнической группы, они осознают свою ответственность в формировании образа представителей этнокультурной общности в глазах этнического большинства. Вместе с тем армянские респонденты осознают и свою принадлежность к России, к ее народу. Как резюмирует студентка краснодарского вуза, «это ответственность, потому что я хотела бы быть достойным представителем своей национальности – я стараюсь соблюдать традиции, которые чтят мои родители и близкие. Так получилось, что мы живем не в своей стране, и мы обязаны вести себя достойно и быть благодарными стране, в которой мы живем, ведь Россия стала для нас второй Родиной. Эта ответственность для меня не обременительна, мне нравится быть одновременно армянкой и гражданином России».

Таким образом, этнокультурная идентичность в условиях диаспоры не противопоставляется гражданской, а осознается как ее составляющая, что ведет к осознанию двойной ответственности за свои поступки – перед этнокультурной общностью и страной в целом.

Проведенное исследование показало, что соотношение этнокультурной и гражданской идентичности молодежи Кубани разнообразно и зависит от особенностей этнической общности, однако данные типы идентичности не противоречат, а, скорее, дополняют друг друга в самосознании кубанской молодежи.

Библиографический список

1. Аполлонов И. А., Оганесян С. Г. Проблема толерантности в контексте самопонимания этнокультурной идентичности // Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «Современная этничность и диалог культур». – Набережные Челны, 2013. – С. 9–18.
2. Иванова Н. Л., Мазилова Г. Б. Изменения этнической и гражданской идентичности в новых общественных условиях // Вопросы психологии. – 2008. – № 2. – С. 83–93.
3. Мафедзев С. Х. Адыги. Обычаи, традиции (Адыгэ Хабзэ). – Нальчик, 2000. – 360 с.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ РОЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ¹

И. А. Аполлонов

Кубанский государственный технологический
университет, г. Краснодар, Россия

Summary. The article studies the problem of the personal dimension of ethnic identity. The feeling of belonging to a race determines the horizon normality: the space in which the evaluation of the performances of the standards and the ordinary. The basis of such assessment is personal penetration in the ideological sphere of ethnic culture, the understanding of human dignity.

Key words: ethno-cultural identity, norms, values, spirituality, «social pregnancy».

Актуальность и, соответственно, проблематичность этнической идентичности возрастает в связи с неоднозначностью процессов национального возрождения в условиях глобализации, политикой мультикультурализма и последующим отказом от этой политики. Если рассматривать данную проблему в масштабе человека, то здесь феноменологическим основанием этничности является имманентное *мне, моему самосознанию* ощущение себя представителем данного народа. Так, в самоидентификации представителей армянской диаспоры Ростовской области 57,3 % респондентов рассматривают внутреннее ощущение себя армянином в качестве основного этнического маркера [1, с. 64–65]. И в данном контексте проблема этнической идентичности обращена к осмыслению значимости фундаментального этим чувством факта национальной принадлежности в структуре *моей* личностной самоидентичности. В данном контексте этнокультурный предикат обладает двумя измерениями. Первое – этнос представляет собой собирательное понятие, относящее меня к определённой группе, как совокупности этнофоров. Второе – это культура, с которой связана целостность этой группы. И как целостность этническая культура обладает самостоятельным бытийным статусом, который не сводим к соответствующей совокупности людей. При этом стоит подчеркнуть формальный характер деления этнокультурной общности на этнос и культуру. Ведь, с одной стороны, культура не может существовать вне своих носителей, а с другой – совокупность людей не может быть общностью вне соответствующей культуры. Этнос состоит из людей, но люди определяются этнической культурой.

---

¹ Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», проект 14.В37.21.0276. «Самопонимание этнокультурной идентичности в условиях диаспоры (на материале исследования армянской диаспоры Краснодарского края)»

Чувство принадлежности к этносу можно рассмотреть в ракурсе «социальной беременности» человека, «лоном» которой является пространство этнокультурных форм. Прежде всего, с этим чувством связан горизонт нормальности, в пространстве которого осуществляется субъектное включение человека в этнокультурную традицию. Формирование этого горизонта связано с интериоризацией представлений о должном и образцовом, представляющих собой социальный код этнической традиции. Однако личностное освоение подобного кода происходит в результате опосредования этих представлений в повседневной жизненной практике, что и порождает человека не просто как этнофора – носителя определённых свойств этнической культуры, но как субъекта этнической общности.

Нормальность не тождественна представлениям об обыденности, поскольку предполагает первичную оценку этих представлений: обыденность в отдельных своих аспектах, а порой и в существенных чертах может рассматриваться как ненормальность. Вместе с тем, нормальность не может быть редуцирована к собственно нормам и социокодам, поскольку значимость последних, в свою очередь, оценивается в ходе непосредственной жизненной практики. Именно при таком преломлении взаимооценивания представлений о норме (как должно быть) и обыденности (что есть в наличии) формируется личностный горизонт нормальности.

В свою очередь, подобное взаимооценивание предполагает определённую ценностную шкалу, которую нельзя свести (по указанным выше соображениям) к культивируемым в обществе нормативам и образцам, составляющим определённый культурный код, но вместе с тем сложно вывести и из досоциального содержания индивида. Основания ценностных интенций, на наш взгляд, коренятся всё в том же чувстве принадлежности к этносу, но уже не на смысловом, а на экзистенциальном уровне, открывающем глубинную сущность собственного существования. Здесь ощущается онтологическая «половинность» себя как отдельной перцептивной данности, тогда как бытийная полнота, позволяющая обрести личностную самоидентичность, разворачивается в причастности к этническому «мы». В этом чувстве аккумулируется важность причастности к чему-то большому, привычному, своему и поэтому интуитивно правильному, то есть обладающему большей силой и большим моральным авторитетом, нежели я и мои мнения. Этничность становится моей внутренней, субъектной ценностью, первой «энергией» личности как монадического субъекта, конституирующей личностную идентичность как онтологический центр субъективного мира [4, с. 79]. И не случайно Ю. Бромлей, называет в качестве одной из главных причин этнического парадокса современности «естественное стремление ценить самобытные черты собственной национальной культуры для спасения от размывания нравственных устоев» [2].

Вместе с тем, персональное измерение этнокультурных ценностей предполагает экзегезу, представляющую собой, с одной стороны, понимание нравственных устоев своего народа, а с другой стороны, самопонимание, нахождение себя в собственном этнокультурном предикате. Подобная экзегеза раскрывает формы национальной культуры уже не как социокод, а в качестве пространства идейных оснований бытия человека. Подобные основания присутствует в нравственном чувстве, очерчивающем горизонт должного и достойного, всего того, что определяет человеческое в человеке. И поэтому её содержание трудноуловимо и ускользает от попыток рационального схватывания, не смотря на то, что порой, её ценностные доминанты могут быть чётко артикулированы и даже кодифицированы, например, в предписаниях «Апсуара» у абхазов или «Адыгэ Хабзе» у адыгов [3].

В своём существе идейные основания этнокультурной традиции представляют собой предвосхищение возможности совершенства смысла человеческой жизни, которые скрыты от сознания и обрамляет его как интуитивное (т. е. самоочевидное целостное схватывание) пред-рассуждение, с одной стороны, и как сверхсознательная «доведённость», выводящая этнические ценности в трансцендентный уровень сакрального. Причём именно эти две стороны сокрытия идейных оснований этноса и образуют тайну этнокультурной идентичности. Тайну, являющуюся предметом бесконечной экзегезы, результатом которой становится не нахождение в ней каких-то партикулярных смыслов для себя, а наоборот, нахождение самого себя, собственного лика в причастности к своему народу. И предельно национальное здесь оборачивается максимально человеческим.

Библиографический список

1. Армяне Юга России: опыт социологического исследования. – Ростов-на-Дону; Москва : Социально-гуманитарные знания, 2011.
2. Бромлей Ю. В. Человек в этнической (национальной) системе // Вопросы философии. – 1988. – № 7. – С. 42–51.
3. Тучина О. Р. Этнокультурные традиции и самопонимание личности // Культура и цивилизация. – № 2. – 2012. – С. 112–123.
4. Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. – М. : Изд-во РУДН, 2006.

СУВЕРЕННОСТЬ ЖИЗНЕННОГО ХРОНОТОПА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ

К. В. Мартиросян

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации –
Волгоградский филиал, г. Волгоград, Россия

Summary. This article examines the sovereignty of psychological space and time perspective of man as an individual component of the chronotope in the Armenian youth. We consider the characteristics of the psychological dimensions of space and time perspective. In a preliminary study involved 88 people.

Key words: time-space; sovereignty; individual psychological space; time perspective; the Armenian respondents.

Проблема суверенности психологического пространства (СПП) и временной перспективы (ВП) человека как составляющих индивидуального хронотопа актуализируется, в том числе и в контексте межэтнического общения. Сегодня это во многом связано с изменениями экономического, политического и собственно этнопсихологического характера. После распада Советского союза представители уже суверенных этносов, имеющих собственную территорию и государственность, продолжают жить в России или вновь прибывают сюда на жительство, и мы постоянно с ними взаимодействуем. Одна из проблемных особенностей этого взаимодействия состоит в том, что представители разных этнических культур никогда не будут и, главное, не захотят нивелировать свои этнокультурные и этнопсихологические особенности. Поэтому хромотопическая организация их сознания будет отличаться от таковой у представителей титульной нации и представителей других этнокультур.

Хромотоп – функционально-динамическое оформление сознания, субъективная представленность в сознании человека неразрывного единства пространства, времени и их личного содержания [3], – понятие, неразрывно связанное с идеей СПП [4]. Если соотносить это понятие с контекстом культурно-исторической психологии, то оно может рассматриваться как интегральное средство оформления этнокультурной самости человека и её границ (того, что Б. Д. Эльконин определяет как «ЭТО/ИНОЕ»). По образному выражению М. Д. Коула, – видного последователя теории Л. С. Выготского в США – человек не чувствует, что живёт в своей культуре, как рыба не чувствует воду, пока её – рыбу – не выбросит на берег, а его – человека – в иную культурную среду. Этнокультурный хромотоп – важнейшее знаково-символическое средство построения как этнокультурного семейного нарратива, так и этнокультурной исто-

рии народа. Для представителей титульной нации присутствие в сознании такого образования может не иметь особого значения. У представителей диаспоры его значение не вызывает сомнения и актуализация его содержания и структуры происходит гораздо чаще ввиду множества поводов, напоминающих об их «инаковости».

В этом тексте мы представим лишь структурную сторону хронотопа в его функции средства построения и удержания СПП. Собственно его содержание – этнокультурное и субъективно-личное, – его роль как этнокультурного медиатора, сопрягающего историю народа и образ личной судьбы – тема другой публикации.

Основные составляющие хронотопа в контексте СПП – это психологическое пространство личности (ППЛ) и психологическое время (ВП). ППЛ – субъективно значимый фрагмент бытия, определяющий стратегию жизни человека, включает комплекс физических, социальных и психологических явлений, с которыми человек себя отождествляет (территорию, личные предметы, социальные и интимно-личные привязанности, установки) [4]. Субъективно ППЛ опирается на совокупность физических и психологических маркеров, отделяющих ППЛ одного человека от ППЛ другого. Посредством СПП как определённого функционального органа (личностного образования) человек может защищать и развивать ППЛ, опираясь на опыт собственной субъектности [1], подвергая рефлексии аттитюды, включая этнонациональные стереотипы и установки [5]. Организация СПП может быть понята как селекция внешних влияний, обозначающая пределы личной ответственности и тем самым идентичность человека [4]. Кроме этого, ППЛ само представляет собой развивающуюся систему, обладающую динамичным хронотопом [3]. Как полагал К. Левин, «... в психологии мы имеем дело с ситуативными единицами, которые следует рассматривать как обладающие протяжённостью и в полевых, и во временных измерениях» [2, с. 245].

Всё вышесказанное определяет теоретический контекст нашего исследования. Сформулируем кратко содержание и направленность нашей работы в её прикладном и практическом аспектах.

Целью работы на данном этапе было, во-первых, определение степени представленности (степени остроты) проблемы суверенности в сознании респондентов, во-вторых, выявление структурной картины хронотопа (СПП и ВП) у представителей армянской молодёжи, т. е. представленности в нём и распределения, спектра жизненно важных составляющих.

Участниками этого предварительного исследования стали представители армянской национальности – молодёжь (студенты в возрасте 18–23 лет) – граждане России. В исследовании принимали участие 88 человек.

В этом предварительном исследовании мы использовали методику «Суверенность психологического пространства» (С. К. Нартова-Бочавер) и опросник временной перспективы Зимбардо (ZPTI).

Результаты исследования.

1. Распределение респондентов по типам СПП в целом по выборке: 88 человек – 30,7 % опрошенных армян демонстрируют сверхсуверенность психологического пространства; 48,8 % – с нормальной суверенностью; 20,5 % – депривированные.

По всей выборке преобладают средние (нормальная суверенность) и высокие (сверхсуверенность) показатели, как по общему показателю СПП, так и по каждому измерению (сектору) ППЛ. А именно: суверенность физического тела (СФТ); территории (СТ); мира вещей (СВ); привычек (СП); социальных связей (СС) и ценностей (СЦ). Итак, можно предполагать, что более 70 % респондентов могут контролировать, защищать и развивать своё психологическое пространство.

2. На основании полученных результатов первичной статистической обработки проведено распределение респондентов по типам временной перспективы в целом по выборке.

– ориентация на позитивное прошлое наблюдается у 3,3 % респондентов; ориентация на негативное прошлое наблюдается у 13,3 %; ориентация на гедонистическое настоящее характерна для 23,4 %; ориентация на фаталистическое настоящее характерна для 20 %;

– ориентация на будущее наблюдается у 20 %;

– наконец, ориентация на сбалансированную временную перспективу была выявлена у 20 % респондентов-армян.

3. При сопоставлении результатов различных групп с помощью U-критерия Манна-Уитни было установлено следующее:

1. Сравнение групп по полу позволило выявить существенные различия. Группы респондентов мужского и женского пола различаются между собой, как по основному показателю СПП ($0,023$, $\text{sig} < 0,05$), так и отдельно по его измерениям (секторам). У юношей в большей степени представлена:

– суверенность физического тела ($\text{sig} = 0,000$),

– суверенность территории ($\text{sig} = 0,001$),

– суверенность социальных связей ($\text{sig} = 0,000$).

В ответах девушек в большей степени проявилась суверенность мира вещей ($\text{sig} = 0,032$) и суверенность привычек ($\text{sig} = 0,007$).

2. Группы респондентов мужского и женского пола различаются между собой по следующим измерениям временной перспективы: ориентация на гедонистическое настоящее ($\text{sig} = 0,002$), ориентация на фаталистическое настоящее ($\text{sig} = 0,025$) и ориентация на будущее ($\text{sig} = 0,017$).

По таким измерениям временной перспективы, как ориентации на позитивное прошлое ($\text{sig} = 0,646$), ориентация на негативное прошлое ($\text{sig} = 0,066$) указанные группы не отличаются.

Выявлено, что девушки более фаталистично относятся к своему настоящему, чем юноши. А гедонистическая ориентация и ориентация на будущее более проявилась у юношей, нежели у девушек.

Армянские юноши демонстрируют более высокий уровень суверенности. Они чувствуют себя свободными в выборе социальных контактов (которые могут не контролироваться извне), и удовлетворении основных физиологических потребностей. Можно предположить, что они раньше, по сравнению с девушками, начинают самостоятельно жить (в силу особенностей воспитания, укоренившихся стереотипов отношения к представителям мужского пола в Армении и у представителей армянского народа в России) и реже сталкиваются с переживаниями физического дискомфорта.

Армянские девушки по показателям суверенности во многом отличаются от представителей мужского пола. Общий уровень суверенности у них существенно ниже (армянки чаще сталкиваются с воздействием внешнего контроля и вынуждены во многом подчиняться: в молодом возрасте – родителям, а во взрослой жизни – мужу, семье мужа). Однако данное подчинение не обретает форму безропотного следования, а представляет собой некий способ проявления приверженности традициям, проявление уважения, почитания старших, семьи супруга и т. д. Молодые армянки чаще испытывают физический дискомфорт, возможно, вызванный бытовыми условиями. Если армяне-юноши могут отстаивать свои ценностные установки, то армяне-девушки чаще испытывают разочарование от того, что их мировоззрение существенно отличается от мировоззрения их родителей. Поэтому конфликт «отцов и детей» в армянских семьях потенциально более вероятен между родителями и дочерьми, чем между родителями и сыновьями. Вполне возможно, что девочки очень хотели бы вести другой образ жизни, чем их родители; у юношей подобного конфликта не отмечается, а если он и присутствует, родители больше считаются с мнением своих сыновей, нежели с мнением дочерей.

Библиографический список

1. Жуланова И. В., Медведев А. М. Становление субъектного действия // Культурно-историческая психология. – 2011. – № 4. – С. 47–54.
2. Левин К. Динамическая психология // Избранные труды. – М. : Смысл, 2001.
3. Медведев А. М., Шокина Е. В. Хронотоп как схема понимания развития личности // Теоретические и прикладные аспекты психологии развития: проблемы, решения, перспективы : сборник научных трудов. – Кемерово : ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», 2007. С. 166–171.

4. Нартова-Бочавер С. К. Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. – СПб. : Питер, 2008.
5. Смолянская Л. В. Экспликация и рефлексия этнонациональных установок у студентов в контексте нравственного развития // Электронный научно-образовательный журнал «Грани познания». – 2012. – № 3 (17).

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ ЖИЗНИ

М. А. Максимов

**Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской
Федерации, г. Москва, Россия**

Summary. An article is devoted to the analysis of features of social and psychological adaptation of migrants. The specific difficulties of migrants` adaptation to new living conditions are considered in this work, and differences in adaptation of the voluntary and compelled migrants are also analyzed. The problem of social and psychological adaptation of migrants is considered as a common problem of migrants and an accepting society.

Key words: migration; social psychological adaptation; identity.

На современном этапе миграция представляет собой не только социально-экономическое, но и социально-психологическое, этнографическое, нормативно-правовое, политическое явление, которое нельзя назвать однозначным ни по своей сущности, ни по содержанию. Формируются качественно новые миграционные потоки, появление которых обусловлено складывающейся политической и экономической обстановкой в мире.

В собственном смысле слова миграция (от лат. *migratio* – переселение) – «совокупность перемещений с целью перенести место пребывания кого-либо» [10, с. 45].

В определенные исторические промежутки времени процессы миграции, приобретая массовый характер, являются отражением других более важных процессов, происходящих в обществе, и служат показателем его благополучия или неблагополучия.

Миграция как явление уже содержит в себе адаптационный компонент, являющийся, по нашему мнению, ее неотъемлемой частью, так как в процессе миграции человек оказывается в совершенно новых, незнакомых условиях, на него начинает воздействовать огромное количество новых стимулов и факторов, которые заставляют человека активно взаимодействовать со средой, изменяя ее в соответствии со своими потребностями, и при этом меняться самому в процессе взаимодействия. Таким образом, целью данной публика-

ции является изучение адаптации в рамках миграционных процессов, то есть социально-психологической адаптации мигрантов.

Адаптация живого организма к новым условиям жизни является стрессовой ситуацией, вызывающей определенный дискомфорт и требующей мобилизации всех энергетических ресурсов организма. В ситуации миграции адаптация осложняется огромным количеством факторов, влияющих на данный процесс: климатические условия, культурные, социальные, языковые, этнические и религиозные различия, установление новых межличностных контактов, неизбежные материальные и бытовые проблемы и т. д. Все эти составляющие, имеющие свою специфику в процессе адаптации, в ситуации миграции воздействуют на индивида как одно целое, создавая тем самым мощную стрессовую ситуацию, которая является действительно экстремальной.

Не менее важным условием социально-психологической адаптации мигрантов является то, что миграция ставит человека перед необходимостью реадаптации, ломая прежние, привычные формы взаимодействия с окружающей средой и заставляя искать и нарабатывать новые. Мигранту приходится не только формировать в себе новые ценности, убеждения, формы поведения, характерные для данной среды, но и найти в себе силы отказаться от прежних, а это бывает порой гораздо труднее. Поэтому процесс адаптации мигрантов может занимать огромное количество времени и исчисляться не столько временными интервалами жизни одного человека, сколько поколениями.

Применительно к проблемам мигрантов Т. Г. Стефаненко определяет социальную адаптацию как результат взаимодействия личности и социальной среды, который приводит к оптимальному соотношению целей и ценностей личности и группы [8].

В. В. Константинов считает, что «...при адаптации вынужденных мигрантов к новым условиям жизни со всей очевидностью просматривается взаимодействие двух сторон: адаптация личности вынужденного мигранта к новым условиям жизни и адаптация социальной среды (коренных местных жителей) к личности вынужденного мигранта» [4, с. 27–28].

В. В. Константинов, рассматривая адаптацию вынужденных мигрантов к новым условиям жизни, понимает под этим процессом «перестройку психологических качеств личности, поведения и деятельности субъекта адаптации в ответ на требования новой социальной среды и изменения самой социальной среды в ходе удовлетворения адаптивной потребности вынужденного мигранта в целях их полноценной взаимной деятельности и развития» [4, с. 28].

Н. П. Нейхц под социально-психологической адаптацией мигрантов понимает сложный и многоуровневый процесс взаимодействия личности или группы, являющейся участником миграционно-

го движения, с окружающей средой (природой и социумом), направленный на поиск приемлемых механизмов поведения (способов адаптирования) в соответствии с изменившимися условиями проживания и связанный с проявлением личностного или группового потенциала мигрантов [5].

По мнению Н. П. Нейхц, при прибытии на новое место мигрант попадает в незнакомую среду и процесс социально-психологической адаптации происходит по следующим направлениям: 1) к иной природно-климатической среде; 2) новой социокультурной среде; 3) иноэтнической среде; 4) иноконфессиональной среде. К основным адаптационным проблемам, с которыми сталкиваются мигранты, Н. П. Нейхц относит: различия в культурах мигрантов и принимающего населения; переживание ими депривации и изоляции; взаимоотношения с местным населением; проявление кризиса идентичности [5].

Е. А. Клыгина понимает психологическую адаптацию мигрантов в новой социальной среде как «сложный многомерный процесс взаимодействия представителей разных культур, в результате которого происходит формирование новой позитивной (общей с коренными жителями) социальной идентичности, адекватной изменившимся социальным условиям; процесс развития личностного потенциала мигрантов по мере их активного включения в различные виды деятельности (и прежде всего в профессиональную деятельность, систему межличностных отношений, социальную и социально-политическую жизнь страны пребывания, нахождение условий для реализации потребностей в самоуважении и самореализации личности)» [3, с. 48].

Процесс адаптации у мигрантов протекает по-разному в зависимости от многих факторов, наиболее важным из которых нам представляются причины миграции, а именно был ли процесс миграции вынужденным или добровольным.

Багери Масуд отмечает, что «по сравнению с фактором этнокультурной принадлежности ситуация вынужденной или преднамеренной миграции как сложная совокупность экономических, социальных и психологических условий и параметров оказывает доминирующее и корректирующее влияние на величину культурной дистанции, степень субъективной удовлетворенности жизненными изменениями, состояние психического здоровья личности и эффективность ее социокультурной адаптации» [2, с. 124].

Стоит отметить, что любая миграция в какой-то степени носит вынужденный характер: индивиду уже невозможно оставаться на прежнем месте. Но в случае добровольной миграции индивид принимает решение о миграции самостоятельно, без внешнего давления, исходя из своих потребностей. Готовность к развитию и самореализации у добровольного мигранта изначально достаточно вы-

сока, а сама ситуация миграции для него – это возможность осуществить эту готовность. В случае вынужденной миграции причина миграции лежит вне индивида и полностью диктуется внешними обстоятельствами (миграция по принуждению), что в значительной мере снижает его готовность адаптироваться к меняющимся обстоятельствам, а зачастую и сопровождается тяжелыми психологическими травмами (военные и межэтнические конфликты, потеря родственников, угроза собственной жизни и т. д.).

В своем исследовании Багери Масуд установил, что «преднамеренное, осмысленное пребывание в чужой стране, вписывающееся в общую перспективу жизненного пути личности, в целом способствует позитивному восприятию новой культуры и большей удовлетворенности от нее, что, в свою очередь, повышает эффективность адаптации к инокультурной среде. Вынужденное, бесперспективное пребывание в чужой стране, нарушающее целостность жизненного пути личности, способствует негативному восприятию новой культуры, приводит к неизбежным разочарованию и неудовлетворенности и снижает эффективность адаптации к инокультурной среде» [2, с. 114].

Багери Масуд отмечает, что ситуация вынужденной миграции определяет высокую неудовлетворенность личности жизненными изменениями и способствует развитию депрессии, психастении, паранойяльных и шизоидных расстройств [2].

Г. У. Солдатова высказывает мнение, что «в отличие от добровольной миграции в поисках улучшения жизненных условий, вынужденная миграция – один из видов перемещений людей, когда они, спасаясь от угрозы для жизни и иных преследований, вынужденно покидают места своего постоянного места жительства и ищут убежища на других территориях – в границах государства своей гражданской принадлежности или за ее пределами» [7, с. 7].

Н. С. Палагина считает, что в процессе социально-психологической адаптации вынужденных мигрантов происходят значительные изменения личностного плана, выражающиеся в снижении самооценки и уровня притязаний, деформации ценностных ориентаций и социальных установок [6].

В исследовании Н. С. Палагиной было установлено, что большинство вынужденных мигрантов дезадаптированы, что проявляется в гипотимном типе реагирования, хаотичном характере активности, в тенденции занимать оборонительную позицию, экстернальности и эскапизме. Эмоциональный фон у вынужденных мигрантов снижен, проявляются эмоциональная напряженность и склонность к беспричинной озабоченности маловажными проблемами, раздражительность, тревожное состояние. Социальная ситуация вынужденной миграции может быть охарактеризована как кризисная и даже экстремальная (т. е. создающая угрозу здоровью и жизни) [6].

Г. У. Солдатова отмечает, что «травматический опыт и жизненные трудности вынужденных мигрантов определяют нарушение у них целостности и интегрированности личности. Комплекс проблем, отражающих личностные трансформации, можно обозначить как кризис идентичности» [7, с. 259].

Согласно теории социальной идентичности Тежфела, одной из основных закономерностей идентичности является стремление человека к достижению позитивной идентичности – позитивному образу себя [12].

Позитивная идентичность позволяет воспринимать мир как стабильный и справедливый; если же позитивная идентичность утрачивается, то дезорганизуется не только внутренний мир, но и впечатления относительно внешнего [1].

Кризис идентичности обычно определяется как потеря чувства самого себя, невозможность приспособиться к изменившимся обстоятельствам, разрыв между требованиями, предъявляемыми новой ситуацией, и прежними установками и взглядами [9].

«Кризис идентичности возникает у вынужденных мигрантов как в результате событий, ставших причинами миграции, так и вследствие культурного шока и адаптации в новой среде. В результате пережитых событий разрушается само основание идентичности – происходит трансформация той картины мира, которая встраивается с самого рождения и включает в себя широчайший диапазон образов, представлений, мнений, убеждений, отношений», – считает Г. У. Солдатова [7, с. 259].

О кризисе идентичности у вынужденных мигрантов в процессе адаптации говорит и Л. А. Шайгерова: «сложный процесс адаптации в ситуации вынужденной миграции приводит к тому, что изменения идентичности личности мигрантов достигают уровня кризисных. Кризис идентичности у вынужденных мигрантов проявляется в глубоких множественных преобразованиях ее содержания, происходящих на личностном и на групповом уровнях» [11, с. 11]. Л. А. Шайгерова полагает, что преодоление кризиса идентичности – важнейшее условие успешной адаптации личности в ситуации вынужденной миграции, но он нередко достигает такой глубины и силы, когда собственных ресурсов личности оказывается недостаточно и для его преодоления требуется психологическая помощь. Помощь в преодолении кризиса идентичности, по мнению Л. А. Шайгеровой, возможна через коррекцию нарушений мотивационно-потребностной сферы, восстановление позитивной идентичности, ее целостности и интегрированности, развитие конструктивных стратегий совладания с кризисной ситуацией, встраивание и интегрирование в содержание идентичности личности ценностей и элементов принимающей культуры [11].

Еще одной важной особенностью в процессе социально психологической адаптации мигрантов, является то, что неадаптированные мигранты не только испытывают психологический и социальный дискомфорт, но и несут в себе опасность для принимающего общества.

Мы согласны с мнением Н. С. Палагиной о том, что «когда мигрант не может приспособиться и адаптироваться к новой этнической среде, с ним происходит трансформация отрицательного характера. Изменяется его психологическое состояние, ухудшается физическое самочувствие, рушатся многие социальные установки, меняется взгляд на мир и людей. Такая трансформация приводит к различным последствиям, начиная от сепаратизма и этнического нигилизма до крайнего фанатизма и национализма, где формируется выраженный отрицательный образ этноса, и поведение индивида исходит из этого образа» [6, с. 56].

Таким образом, ситуация миграции – это один из видов экстремального воздействия на личность, когда на личность одновременно воздействует большое количество факторов, каждый из которых требует своей специфики в адаптационном процессе, вызывая тем самым состояние стресса высокой интенсивности.

В современном мире, когда процессы миграции приобретают глобальные масштабы, социально-психологическая адаптация мигрантов представляется одной из наиболее важных и сложных проблем, требующих быстрого и корректного решения.

Проблема встраивания мигрантов в новое для них общество, преодоления ими кризиса идентичности и налаживания социальных контактов является не только проблемой самих мигрантов, но и принимающего общества и должна решаться с учетом потребностей как принимающей стороны, так и самих мигрантов. По тому, как решается данная проблема, можно судить о благополучии и социальном развитии общества в целом.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Психология социального познания. – М. : Аспект Пресс, 2000.
2. Багери Масуд. Социокультурная динамика психического здоровья личности в ситуации преднамеренной и вынужденной миграции : дис. ... канд. психол. наук. – М., 2005.
3. Клыгина Е. А. Психологические условия адаптации вынужденных мигрантов в новой социально-экономической среде (на примере Белгородской области) : дис. ... канд. психол. наук. – Тамбов, 2004.
4. Константинов В. В. Зависимость успешности социально-психологической адаптации вынужденных мигрантов к новым условиям жизни от типа проживания : дис. ... канд. психол. наук. – Самара, 2004.

5. Нейхц Н. П. Роль религии в процессе социально-психологической адаптации мигрантов (на примере православия в период колонизации Сибири) : дис. ... канд. филос. наук. – М., 2006.
6. Палагина Н. С. Особенности социально-психологической адаптации мигрантов в преодолении жизненного кризиса : дис. ... канд. психол. наук. – Таганрог, 2007.
7. Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности / под ред. Г. У. Солдатовой. – М. : Смысл, 2002.
8. Стефаненко Т. Г. Адаптация к новой культурной среде и пути ее оптимизации. – М. : Наука, 1999.
9. Хесле В. Кризис индивидуальности и коллективной идентичности // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 112–113.
10. Хорев Б. С., Чапек В. Н. Проблемы изучения миграции населения. – М. : Мысль, 1978.
11. Шайгерова Л. А. Психология идентичности личности в ситуации вынужденной миграции : дис. ... канд. психол. наук. – М., 2002.
12. Tajfel H. (ed). Social Categorization in the Social Psychology of Intergroup relations. – London : Academic Press, 1978.

**План международных конференций,
проводимых вузами России, Азербайджана, Армении,
Белоруссии, Болгарии, Ирана, Казахстана, Польши,
Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера»
в 2013 году**

Все сборники будут изданы в чешском издательстве
Vědeckovydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» (Прага)

28–29 октября 2013 г.

Международная научно-практическая конференция «Социализация и воспитание подростков и молодежи в институтах общего и профессионального образования: теория и практика, содержание и технологии» (К-10.28.13)

1–2 ноября 2013 г.

III международная научно-практическая конференция «Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия» (К-11.01.13)

3–4 ноября 2013 г.

Международная научно-практическая конференция «Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования» (К-11.03.13)

5–6 ноября 2013 г.

IV международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы» (К-11.05.13)

10–11 ноября 2013 г.

II международная научно-практическая конференция «Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы» (К-11.10.13)

15–16 ноября 2013 г. **Международная научно-практическая конференция «Проблемы развития личности» (К-11.15.13)**

20–21 ноября 2013 г.

III международная научно-практическая конференция «Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования» (К-11.20.13)

25–26 ноября 2013 г.

II международная научно-практическая конференция **«История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему»** (К-11.25.13)

1–2 декабря 2013 г.

III международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-12.01.13)

3–4 декабря 2013 г.

Международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития экономики и управления»** (К-13.03.13)

5–6 декабря 2013 г.

II международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии»** (К-12.05.13)

в 2014 году

15–16 января 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты»** (К-01.15.14)

17–18 января 2014 г.

Международная научно-практическая конференция II **«Развитие творческого потенциала личности и общества»** (К-01.17.14)

20–21 января 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Социальная психология детства: ребенок в семье, институтах образования и группах сверстников»** (К-01.20.14)

25–26 января 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Региональные социогуманитарные исследования. История и современность»** (К-01.25.14)

27–28 января 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Идентичность личности и группы: психолого-педагогические и социокультурные аспекты»** (К-01.27.14)

1–2 февраля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Формирование добрососедских этноконфессиональных отношений как одна из важнейших задач современной цивилизации»** (К-02.01.14)

10–11 февраля 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Профессионализация личности в образовательных институтах и практической деятельности: теоретические и прикладные проблемы социологии и психологии труда и профессионального образования»** (К-02.10.14)

15–16 февраля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Психология XXI века: теория, практика, перспектива»** (К-02.15.14)

16–17 февраля 2014 г.

Очная конференция в г. Санкт-Петербурге.

IV международная научно-практическая конференция **«Общество, культура, личность. Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания»** (К-02.05.14)

20–21 февраля 2014 г.

Очная конференция в г. Киеве.

IV международная научно-практическая конференция **«Инновации и современные технологии в системе образования»** (К-02.20.14)

25–26 февраля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Экологическое образование и экологическая культура населения»** (К-02.25.14)

1–2 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Партнерство социальных институтов воспитания в интересах детства»** (К-03.01.14)

5–6 марта 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях»** (К-03.05.14)

10–11 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Национальные культуры в социальном пространстве и времени»** (К-03.10.14)

13–14 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты»** (К-03.13.14)

15–16 марта 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность»** (К-03.15.14)

20–21 марта 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика»** (К-03.20.14)

25–26 марта 2014 г.

Очная конференция в г. Москве.

IV международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований»** (К-03.25.14)

27–28 марта 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Современные инфокоммуникационные и дистанционные технологии в образовательном пространстве школы и вуза»** (К-03.27.14)

27–28 марта 2014 г.

Очная конференция в г. Москве.

Международная научно-практическая конференция **«Язык и политика»** (К-03.28.14)

29–30 марта 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Личность и социальное развитие»** (К-03.28.14)

1–2 апреля 2014 г.

III международная научно-практическая конференция **«Игра и игрушки в истории и культуре, развитии и образовании»** (К-04.01.14)

5–6 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия»** (К-04.05.14)

7–8 апреля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Социогуманитарные и медицинские вопросы современной психологии, нейрофизиологии, нейроморфологии и психолингвистики»** (К-04.07.14)

10–11 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития образования в XXI веке: профессиональное становление личности (философские и психолого-педагогические аспекты)»** (К-04.10.14)

15–16 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Информационно-коммуникационное пространство и человек»** (К-04.15.14)

20–21 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социальные науки и общественное здоровье: теоретические подходы, эмпирические исследования, практические решения»** (К-04.20.14)

22–23 апреля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Деятельность социально-культурных институтов в современной социокультурной ситуации: проблемы теории и практики»** (К-04.22.14)

25–26 апреля 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания: материалы международной научно-практической конференции»** (К-04.25.14)

28–29 апреля 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Самореализация потенциала личности в современном обществе»** (К-04.28.14)

2–3 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования»** (К-05.02.14)

5–6 мая 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»** (К-05.05.14)

10–11 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире»** (К-05.10.14)

15–16 мая 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия»** (К-05.15.14)

20–21 мая 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Текст. Произведение. Читатель»** (К-05.20.14)

22–23 мая 2014 г.

Международная научно-практическая конференция **«Реклама в современном мире: история, теория и практика»** (К-05.22.14)

25–26 мая 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»** (К-05.25.14)

1–2 июня 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»** (К-06.01.14)

3–4 июня 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Теоретические и прикладные вопросы специальной педагогики и психологии»** (К-06.03.14)

5–6 июня 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-06.05.14)

7–8 июня 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Социогуманитарные и медицинские аспекты развития современной семьи»** (К-06.07.14)

10–11 сентября 2014 г.

V международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-09.10.14)

15–16 сентября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-09.15.14)

20–21 сентября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-09.20.14)

25–26 сентября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Проблемы становления профессионала»** (К-09. 25.14)

28–29 сентября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция **«Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации»** (К-09.28.14)

1–2 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-10.01.14)

5–6 октября 2014 г.

V международная научно-практическая конференция «**Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований**» (К-10.05.14)

10–11 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы связей с общественностью**» (К-10.10.14)

13–14 октября 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «**Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях**» (К-10.13.14)

15–16 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия**» (К-10.15.14)

20–21 октября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Трансформация духовно-нравственных процессов в современном обществе**» (К-10.20.14)

25–26 октября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов**» (К-10.25.14)

28–29 октября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Социализация и воспитание подростков и молодежи в институтах общего и профессионального образования: теория и практика, содержание и технологии**» (К-10.28.14)

1–2 ноября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия**» (К-11.01.14)

3–4 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования**» (К-11.03.14)

5–6 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы**» (К-11.05.14)

10–11 ноября 2014 г.

III международная научно-практическая конференция «**Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы**» (К-11.10.14)

15–16 ноября 2014 г.

II международная научно-практическая конференция «**Проблемы развития личности**» (К-11.15.14)

20–21 ноября 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования**» (К-11.20.14)

25–26 ноября 2014 г.

III международная научно-практическая конференция «**История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему**» (К-11.25.14)

1–2 декабря 2014 г.

IV международная научно-практическая конференция «**Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях**» (К-12.01.14)

3–4 декабря 2014 г.

Международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы развития экономики и управления**» (К-12.03.14)

5–6 декабря 2014 г.

III международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии**» (К-12.05.14)

7-8 декабря 2014 г. Международная научно-практическая конференция «**Безопасность человека и общества**» (К-12.07.14)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям. Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера». Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (Париж), ему присвоен номер ISSN 2078-7081; а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directoryofopenaccessjournals, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования. **Индекс цитирования** – принятая в научном мире мера «значимости» трудов какого-либо ученого. Величина индекса определяется количеством ссылок на этот труд (или фамилию) в других источниках. В мировой практике индекс цитирования является не только желательным, но и необходимым критерием оценки профессионального уровня профессорско-преподавательского состава.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука
- В помощь преподавателю
- В помощь учителю
- В помощь искателю

Объем журнала – 80–100 страниц.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Б. А. Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов М. А., кандидат философских наук, Белолипецкий В. В., кандидат исторических наук, Ефимова Д. В., кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Н. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Н., доктор экономики, профессор (София, Болгария), Большакова А. Ю., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия), Берберян А. С., доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Волков С. Н., доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия), Голандам А. К., преподаватель кафедры русского языка

Гилянского государственного университета (Решт, Иран), Кашпарова Е., доктор философии (Прага, Чехия), Насимов М. О., кандидат политических наук, проректор по воспитательной работе и международным связям университета «Болашак», директор Кызылординского филиала Ассоциации политических исследований (г. Кызылорда, Казахстан), Сапик М., доктор философии, доцент (Колин, Чехия), Хрусталькова Н. А., доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphera@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravochnikudc/; www.jssc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – TimesNewRoman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 2–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Имя файла, отправляемого по e-mail, соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе MicrosoftWord 2003, тщательно выверены и отредактированы. Допускается их архивация стандартным архиватором RAR или ZIP.

Выпуски журнала располагаются на сайте НИЦ «Социосфера» по адресу <http://sociosphera.com> в PDF-формате.

УДК 94(470)»17/18»

**ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XVIII–XIX ВВ.
В ОСВЕЩЕНИИ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

И. И. Иванов

**Семиреченский институт экономики и права,
г. Семиреченск, N-ский край, Россия**

**QUESTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF SEMIRECHENSK IN XVIII–XIX
IN VIEW OF LOCAL PERIODICAL PRESS**

I. I. Ivanov

**Semirechensk Institute of Economics and Law,
Semirechensk, N-sk region, Russia**

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Key words: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематизацию

всех сохранившихся в них публикаций по данной проблематике. Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М. : Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. URL: <http://semirechensk-history.ru/oчерki>(дата обращения: 20.04.2011).
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб.:Новаяэнциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? **Да/нет** (оставить нужное)

Оплата публикации

Стоимость публикации составляет **150 рублей за 1 страницу (в 2013 году)**. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 150 руб. за один экземпляр.

Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации!

Тел. (8412) 21-68-14, e-mail: sociosphera@yandex.ru
Главный редактор – Дорошин Борис Анатольевич.
Генеральный директор НИЦ «Социосфера» –
Дорошина Илона Геннадьевна.

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKOVYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědeckovydatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу*.
- Изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу.
- Дизайнобложки – 500 рублей.
- Печать тиража в типографии – по договоренности.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «Премимум» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайнобложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* **Формат страницы** А4 (210x297 мм). Поля: левое – 3 см; остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – TimesNewRoman.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

Научно-издательский центр «Социосфера»
Российско-Армянский (Славянский) университет
Кубанский государственный университет
Кубанский государственный технологический университет
Краснодарский университет МВД России

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС САМОСОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Материалы международной научно-практической конференции
28–29 сентября 2013 года

Редактор В. А. Дорошина
Корректор Ж. В. Кузнецова
Оригинал-макет И. Г. Балашовой
Дизайн обложки Ю. Н. Банниковой

Подписано в печать 16.10.2013. Формат 60x84/16.
Бумага писчая белая. Учет.-изд. л. 7,6 п. л.
Усл.-печ. л. 7,07 п. л.
Тираж 100 экз.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosphera.com>,
e-mail: sociosphera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412) 56-25-09